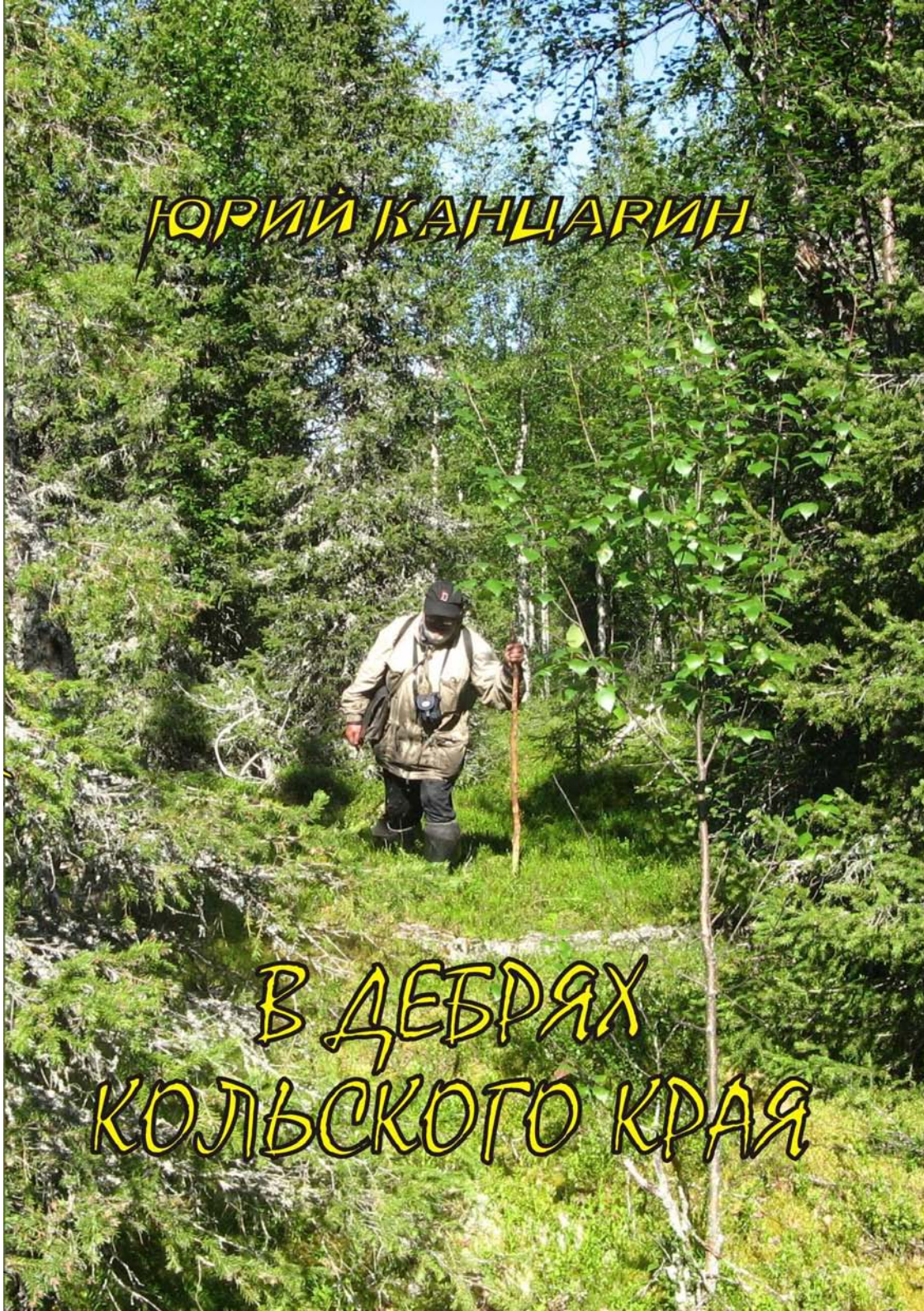

ЮРИЙ КАНЦАРИН
В ДЕБРЯХ КОЛЬСКОГО КРАЯ

Юрий Канцарин

В дебрях Кольского края

или

Двое в лодке, считая собаку

Апатиты, 2009

Канцарин Ю.Г. В дебрях Кольского края или Двое в лодке, считая собаку. – Апатиты: Изд-во K & M, 2009. – 158 с.

В сборнике впервые публикуются два рассказа Ю.Г. Канцарина о путешествиях по рекам и озерам родного Кольского полуострова. Организация текстов в форме дневниковых записей и фотодокументы придают событиям особую достоверность. Книга не оставит равнодушными геологов, путешественников, охотников, рыбаков, грибников, ягодников, прочих пользователей природы и просто романтиков. Издание приурочено к профессиональному празднику – Дню геолога.

Редактор *Ю.Л. Войтеховский*

Компьютерный набор и макетирование *Д.Г. Степенщикова*

Фотографии в тексте *Ю.Г. Канцарина и И.С. Красоткина*

© Канцарин Ю.Г., 2009
© Кольское отделение РМО, 2009
© Геологический институт КНЦ РАН, 2009

От редактора

Казалось бы, Кольский полуостров давно обжит. В какую сторону ни пойдешь – через час, день, неделю обязательно наткнешься на геолога, охотника, рыбака, туриста или любителя экстрима. Один из таких персонажей, коими наш край полнится – Юрий Геннадьевич Канцарин. Его без натяжки можно включить в любую из названных категорий. Родился в 1954 г. в Кировске. Закончил геологоразведочный факультет Ленинградского горного института по специальности «Технология и техника бурения скважин». В 1980-90 гг. работал в Мурманской ГРЭ буровым мастером в Хибинах, Хабозере, Салматундре, Кейвах и Панских тундрах. В настоящее, тяжелое для российской геологии время трудится мастером на хвостохранилище АНОФ-3. Отец троих детей и дед шустрого внука. Свободное время посвящает путешествиям по горам, рекам и лесам. Прошествовал по Тянь-Шаню, Саянам, Кавказу и Алтаю. Прошел сплавом на резиновых лодках и катамаранах десятки рек от Латвии до Таймыра, в том числе Поной, Варзугу, Стрельну и Тумчу. Периодически обходит дозором охотничьи и рыболовные угодья Кольского края.

Яркие впечатления от общения с дикой природой всегда интересны широкому кругу читателей. Надеюсь, что это издание достойно продолжит серию книг, традиционно издаваемых Геологическим институтом КНЦ РАН и Кольским отделением РМО к нашему профессиональному празднику – Дню геолога.

Ю.Л. Войтеховский, проф., д.г.-м.н.
директор Геологического института КНЦ РАН
председатель Кольского отделения РМО

“Чем дольше живешь, тем ощутимей быстротечность четвертого измерения и жаднее относишься к событиям и фактам. Их должно быть больше и они должны быть ярче. Пустые вечера рождают только пустые рассветы. Заколдованный круг. Разорвать его просто – роди мечту, потом составь план, подготовься и реализуй мечту”.

Ю.Г. Канцарин

В дебрях Кольского края
или
Двое в лодке, считая собаку

Все перекаты, да перекаты…
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты –
Плывем вперед по абрису.

А. Городницкий

Полезная привычка – вести путевой дневник. Ежевечерние карандашные записи автора под блики костра или при свече в палатке, балке, избе послужили основой этой хроники.

16 сентября

Камаз трясло и раскачивало на максимальных амплитудах. Бездорожье.

Асфальт закончился полчаса назад перед полузаброшенным поселком Октябрьским, бедным жильём, не нужным ни районной администрации, ни лесопромышленным хапугам, ни самому населению оного.

Как живут? Чем кормятся несколько десятков человек? Загадка. Судя по количеству увиденных детских колясок, свободного времени им хватает.

Лет 30 назад сюда из городов приезжали за тряпками и вкуснейшим хлебом. Нынче, кажется, только страх перед рыночным миром удерживает неактивных в полуразрушенных бараках. Реанимировать местное производство нет средств, и главное, нет смысла. В России, что при коммунистах, что при демократах умели изводить леса, не заботясь о потомках. Что не вырубили, сгорело от лесных пожаров, возникающих каждый год не без помощи россиян. Остались лопухи и перезрелые кривулины. В своих

походах я встречал участки настоящего леса, высоченного, стройного. Стреляешь в глухаря на макушке березы, и опасаешься, долетит ли дробь. Внизу светло-просторно, как в храме. Ходишь и мечтаешь: хоть бы детям нашим удалось побывать в этом настоящем мире.

– Кица, законный перекус – прервал мои мысли водитель… и добавил вежливо:

– Может, по пять капель?

– С удовольствием – принял я предложение.

Выпили разведенного спирта, закусили домашней снедью, побаловали куском пирога Потапа, моего лохматого спутника. И опять в дорогу.

Про существование этой дороги многие мои земляки-горожане и не знают. Сотни-сотни раз я колесил по ней летом и ползал на вездеходах, тракторах зимой, когда работал в геологии, и потом, когда ездил просто отдыхать, охотиться, рыбачить, за ягодами. Это брошенная недостроенная в сталинские времена «железка» №509 на Иоканьгу. Идеально прямая на десятки километров, она возводилась руками несчастных заключенных, которые жили тут же в лагерях, за колючей проволокой, в бараках. И умирали тут же, и закопаны (не захоронены) тут же, может, прямо под насыпью, под нашими колесами. Лет двадцать назад я находил в лесу бараки, окруженные колючей проволокой, вышки. Удивляло, в бараках не было печей, люди были обречены заранее. Ленивые потомки не додумались сохранить их как память, даже как туристический объект, растащили, порезали на дрова.

Урчал мотор, красовался за окном осенний лес. Мысли завивались.

Страх, уныние, тоска и обида на весь мир покидали меня, уступая место уверенности и автоматизму. Без бравады и геройства, в чем положительная особенность одиночного путешествия. Не перед кем выпячивать грудь.

Я уже давно знал по личному опыту о трех стадиях психики мужчины перед серьезным запланированным испытанием. Будь-то выход на скальную или ледовую вертикаль, проход через ревущий речной порог, вступление в должность при незнакомом коллективе. Да мало ли у нормального человека возникает в жизни стоящих моментов…

Сегодня я дожил до третьей – самой желанной.

Пожалуй, стоит подробнее рассказать обо всех трех этапах эмоционального состояния перед походом, потому что наверняка большинство людей испытывали подобное или будут испытывать.

Итак, состояние первое: это когда обычная ритмичная жизнь вдруг перестает вам нравиться из-за своей серости, или разрыва с Любимой, или непонимания близких. В любом случае, это заниженная самооценка. Выход один – разрядка, испытание, экстрим. Каждый выбирает себе по силам, по нраву. Для одного найти новую подругу – сверхзадача, другой меняет призвание, круг друзей, город. Действию предшествует появление мечты, вынашивание, строительство планов, подготовительные мероприятия. Весь этот период вы торопите время и с детским нетерпением ждете светлого мига, когда шагнете в новое, неизведанное.

Состояние второе – время родов. Вы вдруг понимаете, что вся затея – глупость несусветная, что кроме материальных издержек для вас и ваших близких, будут еще моральные. Это время решения, что перевесит: озаривший здравый смысл или верность мечте.

Я последнюю неделю перед выходом молился, чтобы Господь послал мне любую уважительную причину, делающую мою идею неосуществимой. Пусть мечта останется мечтой, зато мои чада избегут сиротства, а знакомые в разговорах обо мне не будут крутить пальцем у виска. Молился и глупо радовался чреватому со дня на день переносу старта по независящим от меня причинам. Неделя прошла, ногу я не сломал, зато был, наверное, смешон,

эмоционально прощаясь с друзьями и подружками. Завещание было написано и ждало своего часа в запечатанном конверте, спасатели предупреждены, машина стояла у подъезда. А ноги свинцовые, а в голове тень, а на душе вой.

Это второе состояние. Узнаете?

В Камазе после Кицы и трех стопок водки я с удовольствием отметил, что дорога-то уже началась, и никуда от этого не спрятаться. И как следствие потихоньку стала приближаться третья душевная стадия.

Я еще не до конца овладел собой и своими нервами, но поведение уже не выдавало меня, когда на 82 км я встретил свою старую знакомую. В отсутствие мужа она выполняла его обязанности по содержанию в исправности телефонной линии с селом Краснощелье.

82 км – это жилой дом и хозяйственные постройки связистов. Много лет живет здесь эта семья. Здесь воспитали детей и внуков. Линия при них всегда работала, прохожие и проезжие обогреты, накормлены и проинформированы о состоянии дороги. Добрейшие люди. Их доброта эксплуатируется различными организациями интенсивно и, главное, бескорыстно. Эх, Демьяновна, отстаешь от рыночной экономики. Мы – туда же, без особой застенчивости навернули по миске вкуснейшего борща, запили крепким чаем с брусникой и потом благодарно попрощались.

Только ехать – вездеход навстречу – за рычагами Аркадий. В конце прошлого века мы работали с ним в геологии: и ругались, и выручали друг друга, то есть, поддерживали человеческие отношения. Не постарел нисколько. Такой же маленький, злой, беззубый и надежный на сто процентов. Минут десять вспоминали дела минувшие, знакомых, живых и ушедших, и разъехались.

В лагерь геологов приехали в темноте. По дороге я не узнавал памятные места, пожарище изуродовало их, и опять поднялась муть в душе. Что мы за народ? Куда я тащусь?

Здесь пересели на вездеход и проехали еще километров 40 до следующего полевого лагеря.

Уютный поселок из пяти палаток приятно удивил своей чистотой и аккуратностью.

Деревья и кусты не порушены, дерн не разворочен траками и колесами. Мусора нет и в помине. Тропинки освещены. Заметна рука хозяина. Им оказался молодой крепкий парень – начальник геологического отряда. И опять встреча с бывшим коллегой – добродушным интеллигентным человеком. Посидели в столовой, поболтали о пустяках, обменялись информацией. Я продолжал удивляться. Теперь уже техническому оснащению экспедиции. Автомобили повышенной проходимости и гусеничные вездеходы были и у нас. Дизельные электростанции тоже были. О газе мы только мечтали. О спутниковой навигации вообще не слышали. А тут еще ноутбук с интернетом и электронной почтой и спутниковый телефон. У каждого выходящего на маршрут в кармане GPS-ка. Они, в свою очередь, недоверчиво внимали рассказам о моих планах. Откровенно не верили, что я месяц буду скитаться по лесам и рекам, пользуясь только компасом без радиосвязи и поддержки посторонних.

Ужин удался. Было вкусно и уютно. Небольшие затруднения были у моего Потапа, пока он утверждался в местном собачьем коллективе. Но трехсантиметровые клыки и грудь шириной с пуфик быстро расставили все по местам.

Заснул я в палатке своего приятеля под треск горящих в печи поленьев. Последний раз в обществе себе подобных. Успел ли посоветовать – топить сырой березой или нет, не помню.

17 сентября

После традиционного завтрака из манной каши, кофе и бутербродов с сыром меня вездеходом забросили на берег Кукши – правого притока реки Поной. Поной – главная и

самая большая река Кольского полуострова, когда-нибудь я соберусь пройти его до устья. И дальше собрал в боевое положение весла, накачал лодку, перепаковал вещи.

Тем временем провожающие приготовили прощальный обед из только что выловленных хариусов и доброго сала. Выпили на посошок, пожелали друг другу удачи. И вот он – светлый миг, время «Ч». Отталкиваюсь, машу рукой, делаю первый гребок байдарочным веслом и больше не оборачиваюсь. «Я один, один, один» – повторяю как заклинание. Голос моего второго «Я» возник тихонечко где-то в затылке и занудел: «Еще пожалеешь об этом. Сгинуть не страшно? Но это и не подвиг, а не страшно детей бросать на горькую судьбину? Да ты ведь если нынче выживешь, то на следующий год попрешься куда-нибудь; так и жить тебе от одной дороги до другой, пока не пропадешь, как собака под кустом».

«А ведь и правда, в школьные годы у меня была кликуха «пес»... На обрядах родня сэкономит. Медведи похоронят. Не пропадать же добру» – ответил я умнику и даже представил его, себя, то есть, но другого, без пивного брюшка, без слез и вспышек эмоций, в аккуратном костюме. Урод – неестественный. А я, правильный, греб и греб через пожар осеннего леса под голубым свободным небом, через настоящие густые запахи листвы, травы, ягод. Природа, как женщина: увядая, ярче и ароматнее становится. Кукша – красивая речка шириной метров десяти, глубиной от 0,3 до 1,5 метров с песчаными косами и пляжами. Меандрирует отчаянно. Временами мнится, что на карусели кружишься бесконечно вокруг одной и той же елки. К вечеру пошел дождь. За кормой километров 8-10, и то ладно. Стартовал я с опозданием на неделю, и хотелось бы наверстать упущенное время хотя бы наполовину. С друзьями перед выходом подробно обговорили возможность насту-

пления зимы в конце сентября – начале октября и убедили друг друга, а главное, я сам себя, что климат в наших местах потеплел гораздо, и если раньше, лет двадцать назад, снег ложился в сентябре, то нынче сентябрь, можно сказать, четвертый летний месяц. Лагерь ставил уже в темноте под дождем, но получился уютный. Дров, правда, маловато – не нашел сушины, но хватило и сучков. Подтащил лодку. Палатку ставить не стал – тепло, наверное, градусов пять. Хватило тента. Зарядил ружье. На песке видел медвежьи следы, каждый форматом А4. Но Потап не суетился, может, зверь был далеко, а может, в ожидании миски с едой не обращал внимания на пустяки.

Махнув эту миску на счет три, Потап настойчиво демонстрировал свой преданный взгляд в свете костра и свечей, пока не услышал: «Иди спать, проглот!». Ушел, долго топтался под еловыми лапами и, наконец, вызывающе шумно вздохнув, угомонился.

Первый день путешествия выявил небольшие неудобства от присутствия собаки в лодке. После городского безделья мой охотничий пес возбужден был до предела. За день мы встретили глухарей, уток, норку. Это я видел, не вставая с лодки. Представляю его мир запахов, звуков, еле заметных движений. «Парень» просто сходил с ума и отвлекал меня от работы. Каждую секунду он рвался из посудины. «Я же рожден для того, чтобы найти дичь и позвать тебя, хозяин!» – кричали, умоляли, горели его глаза. У меня была другая задача, и я с помощью весел, как мог, пытался втолковать это в шерстяную башку.

Костер догорел, сигарета тоже.

Я заснул под шум дождя в спорах с Вами. Какой тумак нужно получить, в какие попасть передряги, чтобы забыть о Вашем существовании?

18 сентября

Утром дождя не было. Но по всему видно, благодать сия не надолго. Разведение костра, завтрак из бичпакета и трех чашек кофе, сборы заняли часа два. В 10 часов вышел на воду, как только махнул веслом – заморосило. И на том спасибо. Накинув капюшон и закрыв колени полами плаща, впрягся. И пахал, как проигранный галерник, до 18 часов.

Река по-прежнему петляла, но этот факт придавал движению особую волнующую привлекательность. Ведь что может быть скучнее прогулки по взлетной полосе? Душа ликовала, горло пело, мышцы упруго сокращались и растягивались. Эх, посмотреть бы на себя со стороны – Герой! Где позавчерашние страхи? Часто встречающиеся гребенки – поваленные в воду деревья, конечно, осложняли работу, но настроения не портили. Ширина реки менялась от 10 до 20 метров, глубина – от 0,5 до 3 метров. Течение не сильное, но заметное. Берега – обрывчики высотой 1,5-2 метра. До обеда встречались пляжи желтого песка, заросли тальника и дикий лес – урема. Хорошая речка, красивая.

Я Вам говорил раньше, что главное огорчение в путешествиях я испытываю от невозможности поделиться восторгами от увиденного, услышанного, унюханного. Нынче я даже фотоаппарат с собой не взял. Что толку от него? Не запечатлеть на пленку шелест опадающей листвы или смак сигаретной затяжки под мокрым капюшоном или с трудом взнузданное нетерпение: что там, за очередным поворотом?

Возразите, мол, мог бы взять друзей, чапали бы себе, охали дружно, да ахали хором. Не мог. Очень трудно подогнать отпуска. Да и я хочу быть один, в силу обстоятельств последнего года, по причине предельно критичного отношения к человеческому общежитию.

Это – исключительно моя авантюра, и я на нее решился. Почему? Причин много: что-то доказать себе, Вам. Есть такое. Заглушить боль души физическими перегрузками. И такое есть. И донкихотства хватает. Но главное, нормальный человек должен мечтать и осуществлять свои мечты. Не простил бы себе, отступив, как хотелось совсем недавно. И друзья бы меня не поняли.

Можете считать меня неудачником, размазней, вольно Вам. Вряд ли можно понять, что неудачные браки, загубленная карьера, подорванное здоровье – это пыль на моих дорогах. Много ее было, Бог даст, будет еще. Я любим (увы, не Вами), я влюблен (ура, в Вас). У меня решительные сыновья и чудо-дочка. И полные вены адреналина.

Дождь донимал весь день. Даст передышку минут на десять и опять блины по воде. К вечеру лесные берега перешли в болотистые. Часов в пять вечера (ай, молодца!) я успешно разгадал топографический ребус, чем сэкономил силы и время. На этот участок кировские спасатели, спасибо им, удружили карты километрового масштаба. Ребус же заключался в следующем: нужно было выбрать, по какому руслу обходить островок.

Прошел благополучно по левому. Уйди направо – попал бы на круглый плес, и пришлось бы тыкаться в берега, искать выход, потом пробираться к нему. После этого подвоха течение вроде бы усилилось или, сам собой нахваленный, подюжел – до следующего плеса, правильнее сказать, озера долетел – не заметил. Озеро мелкое, сантиметров 20-30 глубины, в диаметре метров 600-800, заросло водяной травой основательно. Справа – болота, слева – лесной берег, а посередине – стая лебедей на воде.

Бедный мой Потап просто выл от азарта и боли. Я лишил его инициативы, придавив хвост ногой, иначе сиганул бы за борт, псих лохматый.

Белое великолепие с достоинством отступало, покуда хватало воды, потом с грохотом поднялось на крыло и,

обозвав нас громко и хором по-лебединому, долго тянулось по серому небу. А мы сидели, разинув рот и пасть. Столько достоинств у этого создания: и летает, и плавает, и бегает по земле, красивый и мясистый. (Последнее определение мне подсказали.)

Выход с озера на карте был обозначен единственным кукшовым порогом. Кстати, у моей красавицы есть второе имя – Кисеньга. Наверное, лопарское. На карте много речек с однотипными названиями: Томиньга, Лосиньга, Лувеньга и так далее. Объяснение явной закономерности словообразования я не нашел ни у Кошечкина, ни у Минкина, ни у Чарнолусского. Пока не нашел.

Порог оказался обычным сливом. Сразу за ним решилась проблема ночлега в виде крепкой избушки на поляне в 150 метрах от воды. Поляну и избушку окружал сосновый бор. Кроме живописности снаружи и уютности внутри, имели место рабочая печурка, оленьи шкуры на нарах и изрядный запас дров. Мусора вокруг почти не было, на уборку хватило десяти минут. Наколол дров, затопил печь, поставил варить обедо-ужин. Пока каша прела, а Потап гонял белок, как одержимый, я решил испытать рыбацкое счастье. Под сливом манила приличная глубина. Приготовил спиннинг, ритуально закурил, забросил. Потом еще. С каждым забросом блесны мои надежды на удачу таяли и испарялись. Сигарета почти догорела, когда пропустил удар настолько резкий, что у безынерционной катушки сломалась ножка. Конечно, рыбина сошла. Да-а! Зато каша не подгорела. Лег спать – сытый, сухой, благодарный хозяевам избы (наверняка, жителям Краснощелья). И удовлетворенный: худо-бедно за день сделал километров сорок.

19 сентября

День был труден, но вечер прекрасен.

Выспавшись на славу, с утра отремонтировал катушку, а затем, недолго думая, окрестил свою лодочку.

Полгода назад я писал Вам, как серой влажной ночью в начале мая я стал свидетелем падения метеорита. Огненный шарик размером с кулак врезался в мокрый сугроб на краю леса метрах в ста от меня. Опомнился сразу: звезда все же! – и загадал желание.

Я очень хотел родить с Вами дочку, похожую на маму, резвушку-Полиночку…

Сегодня на надежном борту моей красавицы появилось название «Полина». За творческим каллиграфическим процессом в голове высветилось: «Не один я в этих дебрях. Четверо нас дружков: я, «Полина», Потап, и ружье. Правда, дружеского внимания Потапу выпадает меньше всех, но и работа у него не пыльная. Гумкай по случаю.

Оставив в избе запах сухих наколотых дров, спички и пачку «Примы», я с вожделением продолжил общение с речкой.

От избушки до Поноя оказалось не больше километра.

Поной-батюшка встретил меня приветливо и даже торжественно, как должен, по моим представлениям, встречать солидный хозяин солидных гостей. Продолжаю грести байдарочным веслом. При встречном ветре приходится нелегко – двигаешься урывками. На подветренном изгибе русла отдыхаешь, ветер навстречу – пашешь на пределе до следующего поворота. Пока получается, но руки болят. При работе – левая, ночью – правая. Спасу нет. Курил на ходу, рассчитывая пройти село Краснощелье в темноте, чтобы избежать контактов с местными жителями. На всякий случай. Все получилось по плану. Прошмыгнул как мышь. И дружок правильно понял команду: «Молчать, собака!». Даже его собратья нас не учуяли. А их в селе больше, чем людей, как помнится со времен завоза гуманитарной помощи. Даже когда в центре села поймал камень на перекате, пришлось попыхтеть, чтобы стащить с него лодку во тьме кромешной и без шума.

За Краснощельем так и двигался в темноте. Днем шел дождь со снегом и ветром. К ночи прояснилось. Ударил

морозец, не крепкий, но лодка и весла обледенели. Вымотался напрочь. От усталости падал в лодку на спину, отдаваясь течению, и смотрел на небо. Река, звездное небо, его отражение в реке были неподвижны относительно «Полины» и меня. Мы скользили со звездами между черных зубчатых стен леса. Потом, освещая путь, занялись сполохи на треть небосвода. На празднике труда не хватало только торжественного марша.

Когда отошли километра три от села, и взошла луна, встал на ночлег. После ужина сидел на крутом бережке недвижно от физического отупения и ликования в душе. Луна через дальний черный лес и реку протянула мне искристую дорожку. Тишина и приятный незнакомый запах от почвы волновали. Спать не хотелось. Ради этих минут стоило корячиться.

И остро не хватало тяжести Вашей головки на моем плече.

20 сентября

Вчера прошел километров 28, сегодня еще 25. Поной с шестидесяти метров расширился до ста. Глубина полтора-два метра, течение – 1-2 километра в час. Камни только у Краснощелья. Берега чаще обрывистые по 2-3 метра, изредка – пляжи, везде лесные и нарядные, даже через снежно-водяную взвесь. Елки, березы, рябины, черемухи, жимолость, черника прощались уже не с летом, а с осенью. Да-а, запоздал я. Зато бруснике, упругой, с налитыми ягодами, нипочем грядущая тьма и холод. И сосновым борам, господствующим на встречных высотах, тоже. Их девственность и величие успокаивают. Наверняка раньше, давным-давно, их почитало местное население. Долго ли простоит это благолепие, подпирающее небо? Вряд ли.

Вынашиваются планы о строительстве нефтепровода от Урала к мурманским терминалам по понойской оси Кольского полуострова. В смету проекта внесут строительство дорог, коммуникаций, поселков, самого объекта и так да-

лее. Учтут все возможные материальные потери. А вот глумиться и насиловать эту первозданность будут бесплатно. Несколько десятков людишек станут еще жирнее, население края еще беднее, хотя куда еще-то. И вряд ли кто задумается, что будет потеряна часть мира, которым мы живы. Я не ворчу – грустно.

Сам Поной – река мудреная. Постоянно сверяюсь с картой, но не всякий раз могу сказать, где нахожусь. Протоки, плесы, рукава, старицы. Вчера, выбиваясь из последних сил, прозевал, точнее, не рискнул, пойти узкой хитрой протокой, потом оказалось – напрасно. Километра три срезал бы. Или взять сегодняшний приток Пятчему. Специально остановился и кидал в него веточки – впадает. Но по карте эта речушка несет воду параллельно старшему брату, и через километров 14 снова впадает в него под своим именем. Путаница у лопарей с этими струями. Длинные узкие загубины то с правого берега, то с левого сбивают с толку и отнимают время на осмотр, но мимо не проскочишь. Вдруг это та самая протока. Тяжко ориентироваться, ох, и тяжко. Особенно по двухкилометровкам. Но километровок на весь поход не напасешься. И так планшет под задом, как добрая подушка. Факт малочисленности экипажа тоже играет роль. Одно дело, ты – штурман команды, и других дел нет. И совсем не так, когда ты штурман, руководитель, гребец и вечный дежурный. Тяжко, но здорово.

Ты один на один с мирозданьем. Наравне с ним.

Всплывают в памяти зарисовками городские картинки. Лежу в темноте на диване. На кухне чуть слышно калякает радио, в окне между шторами небо наливается синевой близкой ночи. Одиночество звенит из всех углов уютного жилища. Тепло, тихо, невыносимо. Тошно вспоминать те минуты, часы, месяцы. Год я прожил вне жизни. С друзьями-подружками, земляками не контактируя. Общество на работе – не в счет. Да и там молчал больше. Изредка на-

вещал мать, детей – встречи-отдушины. Писал Вам письма, курил на лоджии и ждал чуда – Вашего появления.

Нынче такого не представить. Я весло в воду, и она его толкает, сильная, добрая – общаемся. Прислонился к сосне, и рады друг другу. Приклад ружья успокаивает. Пес здесь – дружок и помощник, а не обуза, как в городе. Такое одиночество – не пустота или бездна, это – порог гармонии. Я надеюсь, лихо-то еще впереди. Если встанут плесы на Стрельне – мне амба. Если и выживу, то не вынесу позора спасательных работ.

После Пятчемы первой Поной почему-то стал уже, и пропали хвойные деревья. Течет среди болот и невысоких кустов ивняка. Часто встречаются лопарские покосы с копнами сена. На одном из них встретил весельную лодочку и куваксу на уютной полянке под кучерявой багряной рябинкой. Впечатлило. Проплыл без звука, тихонько. На всякий случай. Вдруг выйдет Синильга и я забуду про Вас.

Вечером на открытом мыске попался балаганчик без печки, относительно дырявый, но просторный. Здесь буду ночевать. Пока варил ужин на костре, прилетела сова. Бесшумное, изящное создание. Часа полтора они играли с Потапом. Птица дразнила его, пикируя и взмывая в темно-серое небо, а он носился за ней по берегу тоже почему-то молча. Немое завораживающее действо.

21 сентября

Боже правый! Прости мою душу грешную! Как я ошибся! Ночь, дождь, кусты непролазные вместо леса, а я понятия не имею, где мы с «Полиной». Скорее всего, ниже по течению от Кинемура, желаемого правого притока. По нему я должен подниматься вверх.

Начну сначала. Ночью обрушился совсем не зимний ливень, и мое жилище потекло как добрый дуршлаг. С трудом нашел сухой угол и добил ночь. Утром занялся перекладкой груза. Что-что, а перекладывать и планировать

мне всегда нравилось. Из шести мест сделал три, а хотел два (не считая ружья и весел), но и это неплохо. Сегодня прикидывал попасть на Кинемур, там волок на Варзугу в пять километров, а при моих ношах их будет все двадцать пять трудного неинтересного хождения. И потом, снаряжение и продукты, временно оставленные, лохматые хозяева погубить могут. Вот и перепаковывал, утрамбовывал, откладывал.

В балаганчике остались лишние три килограмма соли, рыбачить не получается, большая банка клея, может, повезет – обойдусь без ремонта, учебник по немецкому языку, досуга дефицит, а на растопку бересты хватает. Крутил-крутил миску из нержавейки и запихал в рюкзак. Подарок красавицы Лены Жгун со времен сборов на Алтае. Ее группа шла параллельным маршрутом. Через неделю она погибла под лавиной. Было это в 1974 году. С тех пор не расстаюсь с ее подарком. Оставил две пары рукавиц. Остальное все нужно. Но куда столько?

Постоянно кричали лебеди, здесь места их гнездования, и ночью кричали. А может, это души шаманов приветствуют меня? Тогда взаимно. С приветствиями и бормотанием: «Пора в дорогу, старина», – я распечатал очередной день. Не самый трудный, но интересный.

Греб под дождем и снегом, по ветру и против, часов шесть, греб с одной остановкой – прогулять собаку. Она хорошо погуляла, так хорошо, что пропала. Я орал, мельтешил по берегу, психовал, думал, лопну от злости. Пришлось истратить патрон. На выстрел пес прибежал. Но почему-то по противоположному берегу. Нервотрепка справедливо и полезно закончилась трепкой.

А Кинемура все не было. Старый волчара закрутился было в протоках, но ближе к вечеру привязался конкретно к впадению слева все той же Пятчемы, по ходу уже второму, успокоился и пошел вперед без всяких сомнений.

Когда понял, что переусердствовал, было поздно. Уже стемнело. Среди абсолютно непроходимых зарослей ивняка нашел ломтик пляжа метр на метр, чтобы зачалить лодку, и принялся за устройство лагеря. Прорубил в тальнике проход до ближайшего свободного под палатку местечка. Поставил оную, подтащил лодку, наломал веток для утреннего костра, затащил их в палатку, может, хоть чуть просохнут. Махнул стопку при свечах, под сало, и лег спать голодный, холодный и тревожный. Потерян драгоценный день, а может два, а может…

Завтра похожу-погляжу. Скорее всего, придется ломиться вверх по течению. При встречном ветре это почти невозможно.

Перед сном открыл страничку с фотографиями. Детей поцеловал, Вам улыбнулся грустно, а что еще остается; и задул свечи.

Господи, как болят руки. Все ночи напролет вместо здорового сна я их укладываю, перекладываю, устраиваю. Здорового сна так и не получилось.

22 сентября

Кинемур сегодня нашелся. После значительного напряга, нервного и мускульного. Оказывается, вчера я ушел в левую протоку и под вечер попал на озеро Плоская Курья. Сдается, ошибся с курсом как раз в том месте, где потерялся Потап. Там была какая-то загубина. Утром взял перекрестные азимуты на возвышенности, поколдовал над картой, разобрался с протоками и решил идти вверх по правой протоке. Перед выходом все-таки сделал горячий завтрак. Фокус с костром из мокрого тальника, да еще под дождем вряд ли удастся повторить.

Труднее только ухаживать за Вами.

Против течения ломил пять километров. Ветер помогал процентов на семьдесят, на тридцать – мешал. У моего ветра есть еще немаловажное преимущество – постоянст-

во. Пятый день дует северный, северо-восточный. Не надо постоянно на компас таращиться. Весла переделал нараспашку, иначе никак. Упирался-старался, а душа медвежья трепетала. А ну как опять заплутал?

А ну как еще разок мимо?. И что тогда делать? Берега Поноя в этих местах – бескрайние, необозримые болота, спать пришлось бы в лодке. Опять без горячего ужина в желудке, с затухающей мечтой в голове.

Все получилось с точностью до поворота! Гребу-гребу, тяну шею, высматриваю, и вот оно, метрах в двадцати – впадение притока.

Указателя «Кинемур» там, конечно, не было, не было даже кострищ и тропинок. Но я готов был поставить левое ухо на кон – он это, он, родимый. Закурил победную сигарету и зашел в речку. Через несколько минут ликование уступило место прозрению. Испытания мои не кончились, а точнее, только начинаются, понял я почти сразу. На распашных веслах идти неудобно, река местами узкая, много гребенок. Попробовал на байдарочных – не хватает сил против течения.

В шестнадцать часов, рановато, попалось удачное место для стоянки. С кучей дров в пользу этого решения. Не могу же я сам себе признаться в физической несостоятельности. Да и проскочить в ручей Холодный – левый приток Кинемура – с нашими способностями запросто.

В устье Кинемур – метров 12 шириной. После двух часов хода (примерно, пять километров) уже метров шесть. Берега невысокие, кочкастые. Полоса леса представлена так же, как и в верховьях Поноя: березой большой, рябинками и ивняком. Смородины мало, очень мало. Но зато появились ели. Не просто елки, а ели-гиганты. Специально пробовал обхватить одну, где там, – нужен еще мой Ванька. Боже, как я скучаю по нему. Не видел-то всего ничего. И в городе такое бывало, но тут, видать, чувства обостряются.

Очередной раз правильный гад внутри провоцировал на спор – «Прав ли ты, оставив все и пустившись в авантюру?» – «Прав! Да суть в чем? Господь одарил меня мечтой, следуя ей, поступаю по Разуму Господню».

23 сентября

Потихоньку заползает в душу страх. Сегодня за день прошел три километра. Если пойдет так дальше, то придется ставить крест на моей экспедиции.

Речка сузилась до двух метров, но глубина при этом – от одного до полутора метров. Берега – непроходимые, непролазные заросли тальника, часто ветки спутаны через поток и загораживают проход. Веслом не махнуть, шестом не управиться, пешком не пройти.

Пришлось Потапа высадить, а самому лечь в судно на пузо и руками, хватаясь за ветки, подтягиваться – продираться вперед. Раньше, если не ошибаюсь, была воинская специализация – пластуны, лихие были ребята, ползали шустрее тараканов. Но у них кроме кинжала в зубах никакого груза не было. Я же тащу на одних руках килограммов сто двадцать, не считая себя, упитанного, да и колючая проволока – детский лепет по сравнению с природными заграждениями. Выдохся напрочь, насобирал целый гербарий, и в лодку, и в карманы, и в сапоги.

Начал сдавать «мотор». Два раза пил корвалол. В шестнадцать часов нашел на правом берегу сухую площадку, явление почти антинаучное среди болот и болотистого леса. И не то чтобы решил остановиться на ночевку, а просто двигаться дальше не было ни сил, ни желания, ни даже воли. По бессилию собственному ударил королевским ужином. Привожу рецепт.

Сначала нужно вырастить собаку, не шавку и не террориста, а рабочего охотничьего пса. Потом влюбиться и получить отлуп от Любимой. Потом с этой собакой, этим

отлупом и дурью в голове забраться туда, «где лопарь оленей не пас».

Здесь, проклиная небо за дождь, реку – за малую ширину (или – большую ужину), деревья за то, что они валятся поперек реки, а не умирают стоя, кусты за их обилие, а себя – за бессилие, услышать торжествующий лай-вопль своего шерстяного дружка.

Услышать именно в тот момент, когда обе руки заняты держанием веток. Отпусти их – и час работы впустую, унесет вниз. Когда сердце раскачивается от гланд до копчика. А на очках флоры три слоя. Именно сейчас он нашел добычу, и вдохновенно принялся повышать свой рейтинг.

Эхом лая в мозгах и на нервных струнах звенело «глухарь», такой необходимый для восстановления сил. Не знаю почему, но я был уверен в своем предположении, хотя до этого момента все охотничье время тратил на объяснение помощнику, что белок мы любим не под майонезом, а живых и шустреньких. Урока хватало минут на десять.

Спросите, что и как произошло дальше – не отвечу. Не помню. То ли река стала шире, а сил немеряно, то ли неведомая шаманская энергетика перенесла бедную посудину метров на пятьдесят выше по течению, а понятие «нервное напряжение» исключила из моей биологии.

Как машина, точными рассчитанными движениями я привязал лодку на расстоянии выстрела от березы, где сидели два громадных красавца. Не поднимая антифасад, спокойно расчехлил и собрал ружье, хладнокровно выцелил более молодого на вид и сшиб. Другой глухарь не улетел, удивленно смотрел вниз, каким это образом его собрат оказался в пасти у зверюги далеко внизу. А зверюга разрывался между обязанностями и желанием: дичь на дереве и надо лаять, но есть и добыча под лапами, которую можно сожрать. Пищи по объему псу последнюю неделю явно не хватало. Пока он метался мыслями, я поме-

нял ему целый трофей на лапку от трофея и хорошенько попинал березу, прогоняя счастливчика.

С мясом мудрил вечером долго. Но сказать, что ужин удался, почти ничего не сказать. Дичь изумительного вкуса таяла во рту. Так вкусно я еще никогда не ел.

Разве что Ваш борщ может сравниться с моим произведением.

Вот что значит старательность плюс умение. Аксаков был не прав со своими дупелями. Перед сном пробовал рыбачить в этой канаве, не было ни одной поклевки. Повезло! А то куда девать еще и рыбу.

Уже в спальнике отметил – целый день прошел без дождя. Да-а, к морозу, наверное. А график мой поломан навсегда и уходит из-под контроля. Ох-хо-хо… Засыпая, долго пристраивал уже не руки, а набитый доверху живот.

24 сентября

Сегодня с десяти до пятнадцати прошел километра четыре, может, пять. Точнее, прополз. Устал так, что дар речи потерял начисто. Левым берегом речка, теперь уже ручей, подошла близко к сосновому бору. Место хорошее, сухое, а впереди ад. Сидел и курил – думал.

Надо идти дальше, график жмет, как сапоги цыгану ноги, но тогда впереди ночевка в лодке. Окрестности обозримы, километров на пять – болота, болота и болота с сосновыми буграми по периметру. Пройду максимум километр. Или по вчерашней традиции плюнуть на четвертое измерение и предаться «безделью» до темноты. Выбрал второй вариант.

Когда зачалился (в данной ситуации понятие условное, так как борта лодки и при движении почти лежат на берегах), и попробовал перенести багаж на сто метров, то понял, как был прав. Двигаться не мог, не то что работать. Упал на ягель, лежа, махнул пятьдесят граммов спирта, заел брусникой прямо с куста и час, не меньше, лежал бездумно.

Придя в себя, поставил лагерь и сел описывать этот проклятый Кинемур. Сначала он шириной метров 12-15, глубиной от 0,5 до 1,5 метра, встречаются ямы и поглубже. Километров 12-13 течет по лесу, весь заваленный деревьями. Под некоторыми приходится проползать, через другие перелезать в несколько приемов, какие-то сталкивать и пускать вниз. Хлопоты эти усугубляются встречным течением.

Лес по берегам залит водой, хотя половодье было четыре месяца назад. Берега в непосредственном контакте с водой заросли ивняком-тальником, непролазным даже для Потапа. Потом открываются болотные пространства, также залитые водой и под щетиной тех же кустов. Я таких болот не видал никогда прежде, имею в виду масштаб зарослей. Речка местами сужается до метра, но дна при этом веслом не достать. Проползешь метров сто – в глазах круги, в боку колет, задыхаясь, приходишь к решению, что двигаться дальше – затея нереальная и бессмысленная. Но тут тебе открытый плесик метров сто пятьдесят. Ну как не пройти его, вдруг это навсегда. Короче, отступать не получается. Сегодня. Про завтра думать буду завтра.

Бугор, на котором я остановился, сложен из серого песка и кварцевых валунов. Такого количества кварца я не видел в жизни. По бугру идут тропы. Крестом. Очухался и пробежался по этим тропам с ружьишком в три стороны, на четвертом конце лагерь стоит. Так и не понял, человечьи они или оленьи. Наверное, коммунальные. Вернулся с добычей – полной шапкой брусники и голубики. Ягодный морс привнес разнообразие в меню ужина, состоявшего из глухариной грудки. Кислятина получилась изрядная, хотя сахара бухнул три суточные нормы. Ужинал под перекличку пролетающих лебединых косяков.

Уже в сумерках два грациозных создания свалились с небес на болото рядом с лагерем. Потап оторопел, от такой бесцеремонности у него заклинилась лаятельная способ-

ность. Он стонал и носился от края болота ко мне и обратно. Я тоже озадачился. Какого лешего, почти буквально, принесло на мою больную и немытую голову шаманские души? Наверное, хотят предупредить о чем-то.

Взошла огромная луна, подморозило, обалдевший Потап угомонился. Пора и мне.

25 сентября

Я на Верхнекинемурских озерах. На каком из них? Хороший вопрос.

За день прошел два километра, если по прямой. Видно место моей вчерашней стоянки. А по кривой! Моя канава разветвилась на добрый десяток канав. Кустов стало меньше, но появились трясинные окна.

Я оставлял лодку со всем скарбом, ставил вертикально весла в качестве ориентира и ходил пешком. Километров 10-15 прошлепал наверняка. Потом тащил «Полину» по протокам шириной 0,3 метра, ставил на борт и тащил, по кустам, по кочкам, по трясине. Молил Бога, чтобы моя девочка выдержала. Она могла порваться от буксировки, ее могли пропороть острые сучки, от нагрузок могли разойтись швы. Называл ее ласковыми именами. Гладил и опять тащил. Если бы в эти часы меня кто-нибудь увидел, то выводы относительно моего психического здоровья были бы однозначные.

Зрелище презанятное. Изможденный, измученный горемыка хватает ртом воздух, еле передвигает ватные ноги, рывками подтягивает лодку и причитает при этом очень выразительно. Садится на борт, курит и продолжает бормотать, а рядом даже собаки нет. Гоняет куропаток налегке. Болото и серое небо. Моими мольбами или благодаря советскому качеству, лодка, умница моя, выдержала.

Лагерь пришлось ставить на западном берегу озера далеко от воды, очень далеко, метров за триста. На автопи-

лоте перетащил груз и мою красавицу, весла бросил, их лохматые охламоны жевать не будут.

Во рту сухость, в глазах круги, а тут еще и прополка. Завзятые огородники и те, уверен, не представляют, что такое пропалывать карликовую березу и багульник (багульник легче); тянешь-тянешь за плеть, корень обрывается – падаешь на спину, не поддается – на колени. Побормочешь, отдышишься и опять в агрономы. Палатку-то ставить негде. Потап поглядел, не понял, но взялся помогать, как мог.

Лагерь получился бестолковый, костер, девятый по счету, неудобный, ужин невкусный, но назад пути нет.

26 сентября

Спал с 21.00 до 7.30. Встал совсем разбитым. Затянутые мышцы, головная боль и беспорядочный пульс напоминали о себе при малейшем движении, трудно даже веки поднять. Вечером долго не мог заснуть. Знобило так, что кочки ходили ходуном вокруг, а с чахоточных сосен падали шишки. Лежал в сухом пуховом спальнике, на сухом коврике, в сухой палатке, при легкой минусовой температуре и стучал зубами, как одержимый, тряс конечностями и утробой.

Вот это Кинемур! Кажется, переводится с лопарского, как палка для костра. Если выберусь, постараюсь узнать, как на их языке звучит – дубина для головы. Как вчера заснул, не помню. И можно ли назвать сном это состояние.

Глаза все-таки открыл, и даже расстегнул спальник, и даже развел корвалол ледяным вчерашним морсом. Проглотил эту смесь, и силы кончились. Пытка с обуванием резиновых сапог произошла на грани сознания. На улице шел снег, ветра не было. Экономя каждое движение и стеная под нос песенку из кинофильма «Генералы песчаных карьеров», в позе прачки развел костер. Песня сквозь зубы – мой старый прием, рекомендую, очень помогает. После второй кружки кофе начал собираться, продолжая каню-

чить: «Когда ласкали вы детей своих, я есть просил, я замерзал…».

На берегу получил очередной удар по психике. Встали загубины, образовались забереги. Страх обволакивал сознание. Наваливался отовсюду. Я даже чувствовал его запах. А может, и не его. Десять дней в бане не был – еще не то можно унюхать.

Поборол сам себя и разбил лед на месте старта. Час работы веслами показал, что мои ламбушки и протоки к Кинемуру имеют косвенное отношение, а ночевал я прилично западнее своего маршрута. Пришлось опять бегать пешком, забираться на кривые березины. Нашел нужный ручеек и попробовал потащить свою ласточку, но метров через двадцать сдался. Ничего лучше, как начинать волок с этого места, я не придумал. Это четыре ходки по пятьсот метров.

Зато через два часа работы я был на берегу самого большого кинемурского озера. Пересек его, не торопясь, покуривая, смакуя победу. Вертел головой как сова – на 270 градусов, впитывая покоренные пейзажи, точнее сказать, болота, которые едва не сломали меня. Не мог насытиться картиной. Болотные просторы песочного цвета с зеленой каймой сосновых бугров и полосками рябого кустарника вдоль проток странным образом перестали надоедать.

На суше на кочках тянули шеи, провожали громадные белые птицы.

Как-то на Алтае мне с друзьями пришлось висеть и спускаться по ледово-скальной стене четырнадцать часов кряду. «Бывали у тебя моменты и пострашнее нынешних» – думалось под мерные взмахи весел.

На противоположном берегу нашел остатки куваксы, оленьи кости, тропу. Опять волок в Г-образное озеро. Это уже водораздел Варзуги и Поноя. Последнее озеро перегреб с пешими короткими разведками. Упустил двух глухарей, хотя Потап так старался, и нашел две плохо заметных тропы. Для определения дальнейших планов информации маловато.

Завтра придется делать дальнюю разведку. Конечно, страшно оставлять лагерь – судя по характерным следам, «мужики в шубах» здесь частые гости. Но ломиться «вступую» с четырьмя местами, от 20 до 40 килограммов каждое – не лучшее решение.

«Токовище» разбил на красивом и удобном месте. У подножия соснового холма. Сухо, ягель, ягодник, сушина и вода недалеко. Рядом классический скальный останец. Медный всадник со своим гром-камнем позавидовал бы. Еще рядом с ним торчит из дерна глыба кварца, цельная пирамида два на два метра почти правильной формы. Здесь кругом кварц, красный песчаник и трясина.

Вечерний стол ломился. Гречневая каша с тушенкой, сало, сгущенное молоко, сухари и спирт. Густовато для одного вечера, но ведь заслужил, да и съем больше – нести меньше. Перед сном поменял белье, помечтал о бане и впервые за десять дней высушил портянки, стельки и карты. Погода баловала, дождь со снегом пошел лишь тогда, когда я забрался в палатку.

Засыпал под дикие вопли, куропатки которую ночь хохочут, как бесы. Тьфу на них! Прорвемся.

27 сентября

Сегодня я пил воду из Варзуги. Было так. Часа в два ночи залаял Потап. Я вылезать из палатки не стал: судя по тону, дружок гонял мелочь. Звонкое безобразие продолжалось до семи часов, до рассвета. Натянув на уши шапку, зарывшись с головой в куртку, я урвал все-таки часик-другой для сна, но не больше. Едва развиднелись макушки деревьев на фоне неба, пришлось идти разбираться с соседями-хулиганами.

Не менее восьмиста метров пришлось идти к месту полайки. Широкий поиск у моего дурня, очень широкий. Не выспавшийся, злой, я все-таки шел по мокрому лесу. Другого способа успокоить собаку, как выстрел по птице или трепка

за белку, не придумывалось. Последние сто метров шел, сдерживая дыхание, со взведенными курками. Подкрался и второй раз за поход пожалел, что не взял фотоаппарат.

На макушке невысокой сосенки крутила ушастой головой куница. Рассвело уже достаточно, и подошел я метров на пятнадцать, так что видел не только глаза-бусинки, но и искристые шерстинки. Зверек был прекрасен, Потап – великолепен и неутомим после пяти часов непрерывного лая. Лишь я своей растерянностью и разинутым ртом на этом шоу был не к месту. Растеряешься тут. Бить эту красотку незачем, шкурка еще не зимняя, я не на промысле, да и просто жалко. Не бить – портить собаку. Он и так, бедолага, не понимает, что происходит: и лес, и ружье, и дичь – все есть уже вторую неделю, а охоты нет. Пришлось стрелять выше этого чуда. Зверек от выстрела сорвался и чуть не упал в зубы собаки. Но справился, опять взлетел на макушку сосны и пошел верхами. Пес за ним. Я же пальнул еще раз вслед и пошел варить кофе: «Ну вас, разбирайтесь сами. Два патрона – это бутылка хорошего пива, уроды».

Озеро, по которому плыл вчера, встало полностью. Зима идет по пятам. «Ничего, теперь только на юг» – тешил себя неумно. После завтрака огородил лагерь веревкой, навешал консервных банок, сделал из плаща чучело, убрал в палатку все, что можно убрать, и ушел с ружьем, собакой и тревогой. (Забыл: я еще безнадежно грязное белье развесил по кустам вокруг лагеря. В этих местах принято пахучим столбить свою территорию). Сразу нашел по карте третью тропу, на мой взгляд, более оптимальную. По ней сначала на юго-запад, потом на юг.

Перешел четыре болота, местами очень топких, но опасные участки были загачены палками, ветками. Внес и я свою толику. Оказалось, до Варзуги чуть меньше часа хода. То есть, для меня это 6-7 часов пота и стонов. Ладно, когда-нибудь, сидя в кресле, будет приятно вспомнить…

По возвращении обнаружил хозяйство в сохранности. Видать, крепок я «духом» – даже звери мое исподнее стороной обходят. Остаток дня провел в суете и сборах. Под занавес все-таки дождался знаменательного события. Потап, вернувшийся утром с потухшими глазами, к вечеру прозрел и начал лопать пойманных им мышей, а не просто играть и мучить их, как раньше. То-то, аристократ хренов.

Вечером дров не жалел. Долго сидел у костра, смаковал чай с брусникой под сигаретку. Снега не было, лед на озере разломало ветром. Чуть потеплело. И снаружи, и на душе. Если бы на пять минут увидеть своих деточек, обнять, понюхать, обмусолить… А потом горы свернуть.

С Вами проще и сложнее. Вы были фантомом. Я смирился с нереальностью нашего общения. Хватало Ваших фотографий, развешенных по всей квартире. Просыпаясь, я видел Вас и желал Вам доброго утра. Вы наблюдали за мной, когда я хозяйничал на кухне, уходя, целовал Вас в лоб в коридоре. Я примерял свои поступки к Вашему взгляду (мировоззрению, отношению). Я дарил Вам цветы и отмечал Ваши праздники. Я помню до мгновения наши прогулки за грибами, походы к Вашим друзьям, затянувшиеся вечера на кухне. Я помню Ваши нежные податливые губы, нежные руки, круглые коленки.

И совсем не помню: «Вы опять без звонка?» или «Чаю хотите?»… Ага, со льдом за шиворот. Забыл о морозных ожиданиях. Даже посылки с тапками и зубной щеткой не было, не было, не было.

Я – стреляный воробей, понимаю, что смешон и нелеп со своими страстями сердечными и охами, смешон, обожествляющий свою единственную. Смешон и нелеп в глазах трезвых, практичных, целеустремленных. Но безразличны мне их взгляды. Это раз. Жизнь – это не год и не два. «Не отрекаются, любя, ведь жизнь кончается не завтра…» Хорошо поет, не помню кто. Это, во-вторых. А в-

третьих, жизнь – интересная штука. Ведь появилась записка на моих дверях и Ваше письмо.

28 сентября

Прошедшую ночь почти не спал. Горели уши, грызла невесть откуда взявшаяся тревога за мать. Хилый из меня отшельник получается.

Заснул в десять вечера, как всегда в разговорах с Вами.

А в час уже лупал глазами, курил, ворочался, считай, до пяти утра, лезла в голову всякая непрошеная блажь. Зато было время отметить случившиеся положительные факты. Перестали болеть руки. Когда произошло исцеление, не заметил, думаю, дня три назад. Пропал конъюктивит на глазах, исчезла потливость, не сырел даже, когда упирался. Занятно. Даже ногти перестали расти. Я и раньше считал все физические и духовные болячки производными от сытости и неподвижности. Напруга лечит. Отрадно отметить свою мудрость. И скромность тоже. Но что делается дома? Откуда эти мрачные предчувствия? Не найдя толкового обоснования своему смятению, свалил все на бесовские козни. Помолился, как мог, за здоровье и благополучие родных и задремал под утро.

На рассвете вылез из палатки и аж умилился до слез от увиденного. На брусничной поляне, опустив хвост и медленно переступая лапами, пасется моя шерстяная радость, «чисто твоя коза». Ягодки замороженные пощипывает с укоризной. Согласен, виноват, дичи вокруг много, да времени мало. Ничего, пусть его. Витамины и ему не помешают. Да и, кроме витаминов, ему, собаке, пришлось скормить запасов дней на пять. Половина продуктов съедена, а крупы и того больше, а впереди не менее двадцати дней пути.

С 10.00 до 16.00 сумел забросится на Варзугу. Сделал три рейса. С промежуточной базой. Не решился надолго оставить вещи «без глаза». Нес в руках, на спине, на животе.

Во время перехода первого соснового бугра Потап, находившийся в ста пятидесяти метрах справа, вдруг взвился стрелой и через 2-3 секунды с включенной сиреной воткнулся ко мне под ноги, под молодые елочки. Раздался грохот. Мощные перья сбили с меня очки, и глухарище-мошник взвился над лесом, оставив хвостовые перья в зубах моего героя. Мне же пришлось сесть и благодарить ситуацию за ее мгновенность, иначе не избежал бы конфуза. Дружок глянул на меня уже с непроходящей укоризной и потрусил дальше, деловой такой. «Ну и что из того, что ружье в руках, за спиной-то килограммов сорок, носом землю пашешь, попробуй-ка, стрельни» - оправдывался я перед опустевшей уже тропой.

У последнего рюкзака на последних пяти метрах оторвалась лямка. «Завтра зашью» – отметил я, а сейчас заслуженный перекур.

А на реке-то! Война! На быстрине семь огромных лебедей защищают своего птенца от Потапа. Птенец с них размером, но в сером пуху и не на крыле. Странно, зима-то уже «дверь открыла», наверное, обречен. Но бить не стал, природа рассудит. Вся баталия происходила на плаву и неслась по течению мимо меня метрах в шести. Скулеж, кликанье, фейерверк крыльев и брызг стремительно удалялись и скрылись за поворотом. Бросился за ними. Бегу. Ору. Лебедь – не глухарь, по Аксакову, ударом крыла может убить собаку. А тут еще и река мощная. Не догнал. Сидел, курил, психовал. Не докурил, как появился мой Нахимов. По кислой морде было видно, что ничья в водном сражении не входила в его планы. Поставив лагерь, сделал несколько попыток со спиннингом. Бесполезно. Двадцать минут для удачи маловато. Начало темнеть.

Вечером задул северо-западный, метров пятнадцать в секунду. Хорошо задул. Аж котелок над костром висел под углом. И это в лесу. Берега Варзуги высотой 2-2,5 метра. Урема глухая. Огромные ели, старые березы, кусты

ивняка, рябинки, шиповника. Урожай последнего неплох. Но я его не люблю. Нашел хорошую чагу. И вот сижу, пишу, чагую.

29 сентября, 22.00

Спал сладко и нагребся всласть. Теоретики грузят, мол, наше состояние духа от нас же и зависит. Ну-ну. С утра потеплело градуса на 3-4 , и дух мой воспрял, а я, носитель оного, зачирикал.

Предлагаю считать песню «У природы нет плохой погоды…» хорошей, но несерьезной, и признать, что дух прямо пропорционально связан с метеоусловиями.

За день отмахал километров двадцать. Постоянно гнали лебедей с птенцами, многие птенцы не на крыле. Даже Божьи твари не готовы к столь ранней зиме. Странно, неестественно, но неотвратимо.

Прошел два порога, коряво прошел. А то! Старые навыки надо периодически восстанавливать и не верить поговорке «Талант не пропьешь». Впереди крутые препятствия, надо стараться. На старте забыл кружку. Положил рядом с лодкой, чтобы забрать в последний момент и держать под рукой. Приходится часто вычерпывать воду из лодки. Грузился и твердил: «Не забыть бы, не забыть». Кружку эту три года назад нашел на терском берегу, на болоте около села Кузомень. Жаль, что кружки не умеют рассказывать. Интересная у нее судьба. Ведь наверняка ее опять кто-нибудь найдет.

Варзуга – речка красивая и скромная, шириной от двадцати до шестидесяти метров, дно каменистое, берега невысокие – леса, болота. Шел осторожно. Не хотелось бы прозевать «штаны». Это участок, где Варзуга течет недалеко от реки Стрельны и параллельно ей, место моего очередного волока. Пройду поворот, носом в карту, в компас, кручу головой, привязываюсь. Вроде получилось. К вечеру на левом берегу встретилась характерная сопка. Их

много было по пути: сопок, бугров, холмов. Во второй половине дня примеривался к каждой. Но эта по многим признакам должна быть искомой. Смущает одно обстоятельство. Перед сопкой, тоже слева, большая загубина, а на карте ее нет. За долгий путь я уже привык к постоянным сомнениям и поэтому долго не маялся. Нужна пешая разведка.

Зашел в загубину. Зачалился с трудом, не сразу – берега заросли непролазными кустами. Побегал, нашел тропу, идущую на восток, зарубки, разваленную полусгнившую тупу. Нашел малюсенький вагончик на нартах, ухоженный, с печкой и оленьими шкурами. Но главное, нашел ламбушку под склоном – признак того, что все сходится и на карте, и в голове, и под ногами. Из последних сил подсушил и собрал лодку, сварил бич-суп на печке, поужинал и заснул сразу, едва завалившись на нары. В тепле и спокойствии.

30 сентября. 21.00

Утром проснулся от холода. Легкий фанерный вагончик выстыл напрочь. Предполагаю, что мороз ниже десяти градусов. Загубина, где вчера чалился, встала полностью. У берега по льду можно ходить. Ничего себе, шуточки. Но почему так рано? В том году плесы встали 7 октября. С сожалением покинул уютное жилище. В благодарность оставил на столе две пачки «Примы» и запасной полиэтиленовый тент.

В три ходки, втупую, без разведки доскакал до Стрельны. Накачал лодку, разбил лед у берега и с понятным воодушевлением встретился с пятой за две недели рекой.

Греб три с половиной часа, прошел километров пятнадцать. Сначала речка капризничала, то и дело подсовывала мне перекаты, шиверы, отмели, шкуродерничала километра три. Потом сузилась до шести-восьми метров, углубилась и прибавила скорость до трех километров в час. Но зато начала петлять, и через каждые 100-200 метров была завалена деревьями. Приходилось и обносить, и подползать, и переползать, уворачиваться от сучков, танцевать

вальс вокруг корневищ. Утомительно. Раздражительно. Но все равно хорошая речка. Вода плотная, из-за течения каждый гребок ощутим. На свободных участках «Полина» так и летела вперед.

Мне бы еще пару суток осени. А там я буду на Слюдянке. Пойдут пороги. Будет легче и сложнее.

Берега в этих местах высокие, метра три-четыре, заросшие толстыми березами и кустами. Гроздья красной смородины висели прямо над водой и просились в рот. Ловко подгребая, я уступал соблазну, даже не вставая.

Уже в конце дневного перехода встретили лося, грустного какого-то. Свесив губу, смотрел на нас печально сверху, провожал. Я извелся, занервничал: время гона, страшновато. А Потап рвался в бой, с трудом удалось его удержать. Лагерь поставил под вековой елью, единственной на ближайшие пять километров берега, среди высоченной, почти с мой рост, травы. К ночи опять морозит. Чтобы писать эти строчки, обогреваю палатку свечами, но толку мало. Интересно, среди эскимосов есть графоманы?

1 октября. 18.30

Махал веслами с 10.30 до 17.30. На берегах березняк и трава сменились еловыми борами и ягодниками. Где нахожусь, понятия не имею.

Река расширилась до 30 метров, петлять стала меньше, правильнее сказать, повороты стали больше радиусом. Моя скорость – около 5 километров в час. Выходит, за спиной сегодня 35 километров, и я где-то рядом со Слюдянкой. Но на двухкилометровке меандры почти не указаны. А накрутился я ого-го! Обидно заночевать в часе ходьбы от брошенного поселка геологов.

Но как бы то ни было, лагерь я уже поставил и варю свой обычный суп. Представьте, опять супчик из пакетика. Потап совсем поскучнел, а мне стыдно в глаза собачьи смотреть. Извел по дороге пять зарядов по уткам и один

по глухарю. Пропуделял впустую. На верный выстрел подпустили только лебеди и лось. Но их бить не стал.

Сегодняшний день замечателен двумя событиями. Первое. Я подбирался к уткам, которые бултыхались впереди по течению. Вдруг с небес нас оглушил нарастающий вибрирующий гул. Описать его трудно. Что-то среднее между пикирующим истребителем и горловым пением тувинского великана. Я даже растерялся. Ошалевший Потап поджал хвост и забился между рюкзаками.

С неба конкурентом в борьбе за пропитание упал цель ястреб. Утки увернулись от него, заполошные, орущие, и бросились ко мне. Сдуру стреляю, не целясь, и солидарно мимо. «Крякнутые перья» начинают вопить еще громче и забиваются в кусты. Редкостное везенье. Не у нас, грешных.

Второе событие не менее поучительно. Как я уже говорил, стрелял я нынче много и бестолково. Лодку крутит, цели возникают неожиданно, а в руках весла, Потап тоже участвует в охоте и, естественно, мешает, постоянно подставляя свои уши траектории выстрела. В сердцах и огорченный, настучал по этим ушам. Понимаю, скучно лежать на дне лодки, когда вокруг кипит жизнь, для которой ты рожден. Но для его же блага настучал.

И что Вы думаете, обиделся напрочь, надулся, с час не реагировал даже движением уха на мои извинения. Лежал жалким комочком и сопел. Может, лежал и плакал, я не знаю.

Знакомая ситуация, не правда ли. Вспомнились сразу же Ваши упреки. Вот так-то.

19.30 того же вечера

После ужина-обеда решил в очередной раз попытать рыбацкого счастья. Отошел от лагеря метров на тридцать, разбил заберег, только за спиннинг взялся, вдруг кто-то как рявкнул метрах в ста за бугром, за деревьями! Длинно, утробно. Про рыбалку забылось в момент. Двухметровыми скачками понесся к костру. Прибежал, попросил Потапа

разобраться. Но тот, обиженный, не видел и не слышал. Игнорировал не только мое, но и звериное присутствие, и даже стук ложки по стенкам котелка. Это уже серьезно.

«Ладно-ладно» – поворчал я, взял ружье и пошел обратно. Только замахнулся спиннингом, в кустах еще сильнее заурчало. Ну ее к терапевту, эту рыбалку. Еще лодку порвут, уроды. Да и темнеет уже. Пошел спать.

Крепчал мороз, и на небе зажглись сполохи.

Может, Вы сейчас тоже любуетесь ими. Спи, размечтался.

2 октября. 20.30

Я на Слюдянке.

Слюдянка – это небольшая речушка, правый приток Стрельны. Знаменательно это место брошенным поселком геологов. Раньше здесь было все: жилые дома, дизельная электростанция, буровые, глинстанция, склады, баня и прочее-прочее, необходимое для не просто для жизни в этой глуши, но и для выполнения сложных буровых и других геологоразведочных производств.

Нашел его уже в темноте. Чудом – не чудом, но можно было и промахнуться.

После левого приличного притока реки Березовой, я попал в ледяные поля. Прошел их с предосторожностями и опаской, гребу, ожидаю встречи с порогами. Их должно быть два по карте. Прошел один, через два километра должен быть другой, а дальше через три километра – Слюдянка. Пахал час, пахал другой. Пока до меня наконец-то дошло, что шут с ним, с порогом, пора бы уже быть и долгожданному пристанищу.

Подошел вплотную к правому берегу, крадусь, всматриваюсь – темнеет. Ага, вроде аэродром. Зачалился, взял ружье, пошел в разведку. Сразу за береговым валом раскинулось большое ровное поле, заросшее светло-зеленой травкой. Потап и тот сообразил, что зеленые зимой только елки-сосенки и остался по своим собачьим делам. Я же в

поисках строений поперся напрямик и на пятом или шестом шаге ухнул махом по пояс. Ухнул бы и глубже, но инстинктивно выкинул на вытянутых руках ружье и повис на тонком подобии дерна. Раскачиваясь с боку на бок, коекак вылез, дополз до лодки и только на береговых камнях встал с «карачек». Закурил и задался интересной мыслью: «Шапку бы засосало вместе со мной, или она памятником бы осталась?» Лодку-то льдом бы утащило.

Метров через 400 нашел долгожданную Слюдянку.

Трепетнее ждал только Вас длинными психованными вечерами.

Даже в темноте место мне понравилось. В жилом виде (без разведки, в свете фонарика) только здание управления. Стоит на сосновом пригорке рубленый добротный 6-ти комнатный дом с ладным крыльцом. От дома в разные стороны разбегаются лучами аллеи. К реке, к другим домам, к объектам. По сторонам аллеек-дорожек стройные березки. На противоположном берегу Стрельны – песчаный обрыв.

Эх, пожить бы на этом курорте с Вами, с нашими детьми! Грибов, рыбы, дичи, ягод здесь… много. Но главное, вобрать в душу, сердце, сдавленные суетой мозги просторы вечные, необъятность мира.

«Мечтай-мечтай, Кампанелла, а завтра драпать тебе дальше без оглядки» – скрипел задохлик внутри.

Судя по обледеневшим лодке и веслам, целый день держалась минусовая температура, и шел снег зарядами.

Река после Березовой расширилась до ста метров, течение, соответственно, замедлилось, и кроме заберегов появились ледяные поля. Может, с вертолета они кажутся красивыми в лучах заката, но для нас, для меня с «Полиной» и Потапом – это горизонтальная гильотина. Предполагаю, что плесы не встали только из-за ветра.

Ситуация с продуктами тоже не радует, а точнее, их в обрез. Впереди больше ста пятидесяти километров по реке

и более ста по морю. Осталось же 0,9 кг риса, 4 банки тушенки, килограмма два сухарей и мелочь. Хуже Потапу, он не понимает, почему мы голодаем, когда вокруг столько дичи. Но бить с ходу не получается, днем опять извел три заряда в «молоко». А для хорошей продуктивной дневки именно «той недели» и не хватает. Так что прав задохлик, завтра надо идти. Но сил нет ни капельки, даже не смог разжечь печку или костер. Подтащил лодку к «офису» и рухнул на нары без горячего.

3 октября. 18.00

Третью ночь подряд снились Вы. Сценарии разные, нерадостные, реалистичные. Но спалось, а точнее, не спалось, увы, не из-за Вас.

Сегодня ночью давил мороз. Не шутя давил. Утром с замиранием сердца побежал к реке. Река встала! Волосы под шапкой тоже. Я даже теоретически не допускал подобного. Нет, допускать-то допускал, но как любой смертный был уверен, что беда настигнет кого угодно, только не меня, особенного. Пришла пора «избранничку» хоть самому себе сказать честно: была игра в орлянку, была самонадеянная надежда на выигрыш. Но лед даже на течении. Забыв про утренние процедуры, побежал берегом вниз. Глухо. Открыт только порог, ниже опять лед, толщиной 1,5 см. Запыхался, отдышался и решил по сложившейся практике продолжить разведку, а потом уже принимать решение.

Трехчасовой поход показал, что выходить к морю пешком – затея почти нереальная. По прямой это 80 км, но по прямой здесь не ходят. Троп или нет, или они под снегом. Идти нужно по реке, т.е. не 80, а 180 км.

Ламбушки и загубины встали, но человека не держат. Приходится обходить. Через заросли ивняка продираться себе дороже, тоже надо в обход. За эти 3 часа я удалился километра на 4 от своей базы налегке. Так-то. А ведь

встретятся еще правые притоки: реки и ручьи. Сколько сил и времени займет устройство переправ, нельзя представить. «Полину» пришлось бы бросать, нет, не хочу. Сидел, отдыхал, смотрел на зимнюю тоску, курилось в кайф, с жадностью.

Вариант второй: повесить, как можно выше, заветный красный шарф и ждать спасателей. Контрольный срок я им назначил на 1 ноября. Это более оптимистичный вариант: патронов, соли, муки, чая хватит. Сахар, крупы – уже излишество. Можно заняться заготовкой пушнины. Но… позорище-то какое! Нелепица. Скучища.

Вернувшись в Слюдянку, пошел третьим путем. То есть не стал принимать никакого решения. Нажарил и наелся оладий. Выпил кофе. Затопил баню, которую нашел на обратном пути метрах в 300 от управления. Она замечательная, срубленная с любовью над крохотным, но глубоким озерком. Приколотил отставшие доски, прибрался, наносил воды, запарил можжевеловый веник. Натаскал, нарубил, наколол дров себе и в запас следующим бедолагам. И еще молился. Достал иконку и молился. Молитвы мне дала в дорогу матушка, и сам импровизировал старательно. Молился неумело и истово.

Пришло успокоение. Баня истопилась. Иду париться.

3 октября. 24.00

С легким паром, бродяга. Напарился, намылся на славу. Постирал (простите) исподнее. Топил баню часов шесть, а парился, чуть ли не сидя на каменке, поддавал парку прямо под себя. Большая она, да и старовата, все щели не законопатить. Но все равно здорово. С «ух-ты!» и «ах-ты!», с веником, с прорубью и тройной мочалкой. Потом вытерся, обсох. Залепил пластырем все приобретенные ссадины, намазался детским кремом. Не бродяга – конфетка. Причесался, хотя причесывать почти нечего. Перед отъездом подстригся наголо. Неудобно в полях с косичкой, во-

вторых, не объяснять же всему городу, что оброс я в знак протеста против примитива на вашей голове.

После баньки, уже ночью, разогрел рис с куропаткой, что взял в разведке, и приговорил этот плов–не плов под резервный спирт. Большего комфорта за последние 16 суток я не испытывал. Не так. В жизни не испытывал.

Чистота тела, тяжесть в желудке, туман в голове, тепло вокруг вернули уверенность. Выживу, куда денусь.

И обязательно хоть один раз взгляну в Ваши ледяные глаза.

Спальник перенес в баню, она высохла. «Полину» запихал в управление. Боязно оставлять на улице, вчера не дотащил метров 20 до крыльца, так лосиха с теленком пришла под утро изучать плавсредство. Хорошо, что прохлаждающийся на воздухе Потап их шуганул. За вечерней сигаретой вдруг вспомнился факт, в суете как-то пропущенный. Снег-то к сапогам начал прилипать!

Спать, и завейся горе веревочкой.

4 октября. 23.00

Поздненько я взял обычай успокаиваться. Нынче затянул с ужином, но стоило того. Помните рассказ Джека Лондона «Кусок мяса»? Мы с Потапом постигали суть этого произведения почти до полуночи.

Но сначала о главном. Среди ночи, когда я уже спал сном мученика, снискавшего милость, началась буря. Приветствовал ее сквозь сон, она мое спасение. Пусть валит снег, воет ветер, гнутся и валятся деревья. Хоть дня три, а там и пешком можно.

Проснулся и, как должное, отметил, что лед разорвало и гнало по реке. В полдень тронулись мы. Без передыху, не выпуская весел из рук, проработал до 18 часов. Прошел два порога с адреналином и конфузом. На втором пороге на выходе взгромоздились на каменюку. Едва не перевернулись. Еще бы, целый день пурга, света белого не видно,

очки залеплены снегом, а в пороге не до чистки оптики. Лихачил, считай, на ощупь. Чуток не долихачился. Третий порог, отмеченный на карте, так и не нашел.

Теперь опять о «Куске мяса». Я не профессиональный егерь, но с ружьем походил прилично и помню немало забавных и курьезных случаев на охоте. Сегодняшний пополнил эту коллекцию.

По берегам Стрельны все больше и больше появляется сосновых, еловых, смешанных боров. Сами берега – это небольшие, метра два, обрывчики, заросшие брусничником. Левый берег солнечный, на нем почти нет снега, а ягод много. Много и желающих полакомиться напоследок перед зимой. Сужу по поведению своего охотничка. Он беспокойно вертелся в лодке целый день. Чтобы избежать неожиданных выходок с его стороны, в критические минуты прибегал к испытанному и бесцеремонному приему: сапожищем на хвост.

А сам хватал ружье и пытался высмотреть объект его беспокойства. Безуспешно, конечно, где мне тягаться со своим ушастым, нюхастым, глазастым дружком. Вечером, когда я уже высматривал место для ночлега, Потап в очередной раз насторожился.

Поднимаю глаза – батюшки! – два красавца глухаря пасутся метрах в 50 от меня. Выбрал неудачника, выстрелил, птица осталась лежать на берегу. Подгреб к месту и пока несколько секунд раздумывал, где чалиться, как вылезать, трофей вдруг затрепыхался, покатился по склончику, упал в лодку и затих. Посмотрели друг на друга человек и собака и подумали, наверняка, об одном и том же: ведь не поверят друзья в городе, что есть еще на свете места, где глухари сами прямо в лодку падают!

Лагерь поставил в лесу, в затишке, среди вековых елей и берез. Уютно, сытно, тепло.

5 октября. 21.00

Боже! Как болят пальцы ног! Физическая нагрузка избавила меня от всех предыдущих болячек, забыл про руки, сердце, желудок и прочее. Но приобрел новую. Бесконечное резиновое окружение доканает мои ноги. Саднят пальцы, не переставая, уже третий день. Денек бы походить в тапочках или босиком. Утро, обычно любимое мной время суток, теперь угнетает обязательной пыткой обувания. По зимнему лесу в сандалиях не походишь. Матерюсь сквозь слезы и зубовный скрежет и натягиваю орудие пытки.

Сегодня вышел на воду в 10.30, зачалился в 17.30. За кормой – 5-7 порогов-перекатов. Со счету сбился. Для моей красавицы – это брызги, даже при данном бестолковом капитане. Но впереди, как и позади, есть крутые засады. Только не это меня тревожит. Иду с приличной скоростью. Течение плюс северный спасительный ветер (тащит лодку, ломает лед, несет тепло с Атлантики) плюс мои гребные потуги дают в сумме, как минимум, километров 5 в час. Значит, за 7 часов я должен был пройти 35 км. Но по карте не больше 20. Стрельнинские версты зело мудрены.

Опишу свой распорядок дня, не интересно – не читайте.

Подъем в 7.40-8.40. Но просыпаюсь на час раньше. Тянусь, размаиваюсь, морально созреваю к процессу обувания. Потом развожу костер и в награду за страдания хлебаю чашку обжигающего крепкого кофе. Нет, вначале смотрю на реку и чешу, извиняюсь, «репу». Вот теперь костер и водные процедуры, чистка зубов (Бр-р-р-р!!!). Не торопясь, управляюсь с завтраком, обычно это эрзац-пакеты для быстроты, не любитель есть по утрам, затем вторая чашечка кофе. В раскачку собираюсь, пакуюсь, разбиваю лед на месте старта, спускаю на воду «Полину», гружусь.

Когда все готово, примерно, в 10-11 часов, балуюсь третьей чашечкой кофе и, задымив первой сигаретой, от-

талкиваюсь от берега. Нравятся мне эти мгновения почему-то. Потапа обязательно с собой, от греха подальше.

Машу веслами часов 6-7, хотя нормальной гребли часов 5 получается, на большее сил не хватает.

Вот и наступило время ставить лагерь. Главное в этой процедуре – выбрать место. До сих пор, не считая двух-трех ночевок, мне это удавалось.

В этом деле я дока. А требований для комфортного жилья много. Во-первых, должна быть ровная площадка и сухая, относительно, конечно, ведь в этом походе снег и дождь мои друзья. Место должно быть теплым, заветренным, т.е. лесным (комаров давно нет, обдувать некого), дровяным и недалеко от реки. Скарб свой без надзора не оставляю ни на миг. Есть еще одно условие, которое я непременно соблюдаю, иногда под насмешки и ворчание соучастников действа. Место должно быть красивым.

Потом заготавливаю дрова впрок на вечер и утро и колдую над ужином. Если продукты магазинные, справляюсь с готовкой за полчаса. На дичь приходится тратить часа два. Пока готовится ужин, ставлю тент, палатку и обустраиваюсь в ней. Перед ужином стопка спирта, после – длинный чай перед завораживающими огненными языками в темноте.

Подогретый изнутри и снаружи, забираюсь в свою берлогу и пишу эту скучнятину. Вечерняя сигарета и долгие-долгие попытки заснуть. Не знаю почему, но с первого дня плохо засыпаю. И алогично мерзну. Сплю тревожно, ночью просыпаюсь и лежу час-два, забываясь под утро. Сны снятся еженощно. Вчера Машутка приснилась, доченька моя ненаглядная, хорошая такая.

И сегодня приснится что-нибудь, хотелось бы приятное про Вас, про детей.

Покойной ночи, мои дорогие.

Господи, не меняй ветер.

6 октября

Вышли по расписанию в 11.00 и преодолели, надеюсь, километров 20, в пять вечера зачалился. Предположительно, реку Черную, правый приток, я прошел, во всяком случае, она где-то рядом. Идя по Стрельне, позволил себе расслабиться. На предыдущих реках была жесткая необходимость привязывать свое местонахождение на карте почти ежечасно.

Не так на этой реке, здесь все просто, катись себе вниз, чертыхаясь и обессиливая против ветра, покуривая и любуясь – по ветру и течению. Цель – устье – неизбежна, как… Неважно. Конечно, хотелось не прозевать два-три места, запланированные для осмотра, но не велика беда – проскочить мимо. Так что очень может быть, что вожделенная Черная где-то рядом, и завтра, Бог даст, буду на реке Белой, тоже правом притоке. Там должен быть дом, построенный моими друзьями лет 10 назад, когда иллюзии о развитии туристического бизнеса еще питали энтузиазмом наше творчество, грандиозные проекты бередили головы.

Страничка нашей жизни. Что-то в этой книге слева стопка страниц все толще, а справа…. Да ладно.

Стрельна – шириной от 30 до 40 метров. На плесах много отмелей, приносящих досадные хлопоты. Занудство, а не романтика. «Полину» приходилось буксировать, выворачивая ноги на подводных камнях. После обеда, точнее после 14 часов (обед-то у меня вечером), пошли сплошные пороги. Стало веселее и сложнее, и удовлетворительнее. Теперь удачнее получается управлять лодкой по планируемому маршруту. Воду уже читаю точно и мгновенно. Берега местами высоченные, идешь, как в каньоне, а наверху леса радуют глаз. Болот наелся.

На ночлег встал на левом берегу, место неказистое. Раскинул палатку, развел костер, и все преобразилось «до наоборот». Умею-таки хоть что-то.

Весь день били снежные заряды и попутный северный ветер. К вечеру стихло и будто морозит. Опять нервотрепка.

Денек был не из самых скучных. С утра добыл утку с трех зарядов (бывало и хуже) и греб себе, никому не мешая. Потап спал. Вдруг забеспокоился, навострил уши, поднял голову, нос туда-сюда. Я по регламенту наступил на собачий хвост, положил весла, взял ружье и тоже очками – туда-сюда.

По крутому склону правого берега к нам шел медведь. Огромный мешок с салом, покрытый великолепным ухоженным мехом, волосок к волоску, коричнево-бурый, с бежевой манишкой. Ничего умнее, как заорать: «Пошел вон, придурок!» – я не придумал.

«Трофей», конечно, великолепный, но, во-первых, это пока явное браконьерство, во-вторых, не то что мясо, шкуру не дотащить при всей жадности, в-третьих, в битве могла пострадать лодка, река-то ему меньше, чем по колено.

Фамильярность чужака не понравилась Хозяину, и его движение стало уверенно-целенаправленным. «Вот, урод…» – уже шепотом пробормотал я и выстрелил в воздух. Намерения урода выяснить отношения стали еще конкретнее, и он пошел на нас махами.

От долгого неприменения пластиковые гильзы патронов стали овальными и не хотели вставляться в патронник, руки тряслись.

«Трофею» оставалось метров тридцать до нас, он несся по воде, вздымая фонтаны брызг. Наконец-то я зарядил ружье и снял предохранитель. Но лодка крутится и чтобы стрелять, нужно выйти из нее, но тогда ее унесет. Никогда еще я не решал столько проблем за доли секунды.

Как только я перекинул ногу за борт, Потап освободился и с воплем «ура» сиганул в реку навстречу причесанной громадине. Герой лаял, захлебывался, плыл поперек течения с наивной уверенностью утолить свой трехнедельный голод.

Медвежье сердце дрогнуло. Странная штука, мирно плывшая по реке, вдруг агрессивно растро**и**лась. Теперь его могли застрелить, утопить, загрызть. Он тряхнул башкой, перевалился плечами слева направо и обратно и бросился наутек. Потап за ним. Я схватил буксировочный линь и туда же. Бросив лодку на берегу, ломанулся на удаляющийся лай. По опыту знаю, угонный медведь может сделать петлю и лечь в засаде у своего следа. Жалко собаку. Запыхался сразу, бежать-то в гору. С нехваткой воздуха пришли здравые мысли, лодка-то брошена. Остановился, минут десять орал, звал свою псину. Но лай все удалялся и, наконец, затих. Расстроенный, злой на себя, на «уродов», на Стрельну, вернулся к берегу.

Река на месте, лодка на месте, сел на борт, курю, перебираю в голове все варианты исхода. На третьей сигарете послышались шаги, один из уродов, свой который, вернулся.

Войнушка закончилась, никто никого не съел, в плен не взял, и слава Богу. Поплыли дальше.

На ужин была жареная в луке утка, ничем не хуже медвежатины. Палатку поставил на лапничек, сверху полиуретановый коврик, на него пуховый спальник – лето! Зачем мне эта вонючая шкура?

Ноги болят так, что пробовал разуваться в лодке, пусть лучше мерзнут, но босиком лодку по мелям не потащишь.

7 октября, 21.00

Побывал я сегодня на реке Белой, на бывшей турбазе бывшей турфирмы.

Лучше бы я не нашел ее! Видно, что в ней живут периодически или стрельнинские, или чапомские. Красивый дом в красивом месте, дач в дачных местах таких красивых не встретишь. Правильные пропорции, балкон на втором этаже, резьбой по дереву украшен, перила, балясины, наличники. Тропинки выложены плоскими камнями, деревянная лестница от реки на холм с доброй сотней ступе-

нек. Я и раньше не сомневался, что у моих друзей руки куда надо приставлены, но хороший вкус и художественное видение меня приятно удивили. Жить бы тут, работать в удовольствие, принимать гостей-туристов со всего мира. Но в России поощряется «купи-продай», да еще гадить и разрушать безнаказанно, а строить-творить – как можно!

Дом остался без хозяина в глухой тайге и пользуются им теперь люди случайные, пустые и нерадивые. Лес вокруг покорежен, частично вырублен. Понастроено вокруг сараюх-развалюх, забитых мусором: строительным, лесным, техническим, бытовым. Объедки, битые бутылки, куски брезента, жести и т.д. – за сапоги страшно, глазам мерзко.

Открыл дверь, зашел в дом. В доме – ужас! Уютная обстановка, дорогая посуда, хорошая мебель и – вонь невыносимая. Загажены кровати, диваны, столы, тумбочки, шкафы. Все забито грязной посудой, гниющим постельным бельем, старой одеждой, обувью, рыбными остовами. Смрад навел на мысль, что сторож, пропавший в этих местах два года назад, кажется, нашелся. Сдерживая рвотные позывы, осмотрел дом. Нет, покойника не нашел.

Бежать. Бежать немедленно. Хотелось хотя бы сутки побалдеть не под дождем и снегом, а с крышей над головой – не надо.

Прыгнул в лодку и греб без отдыха километров пять, прошел пару порогов. Остановился уже впотьмах. В дремучем лесу. Надо мною шатер из высоченных елей, в воздухе тонкий приятный запах увядшего папоротника, памятный еще по детству в Белой Церкви на Украине. Немного успокоился.

Река мне перестала нравиться. На всем протяжении был только один приличный порог. Все остальное – шиверы, отмели, опять шиверы, и так без конца весь дневной переход. Мечешься от берега к берегу в поисках прохода, плюнешь за борт и буксируешь от 10 до 500 метров со скреже-

том и скрипом по дну. Надоело не столько буксировать, сколько скакать из лодки да в лодку. Еще пару таких дней и от судна одни уключины останутся.

Пошел спать. «Тихо по веткам шуршит снегопад». Неделю шуршит, но на земле тает. А ветки, еловые лапы здесь до 5 метров длиной, подобное встречал только на Алтае.

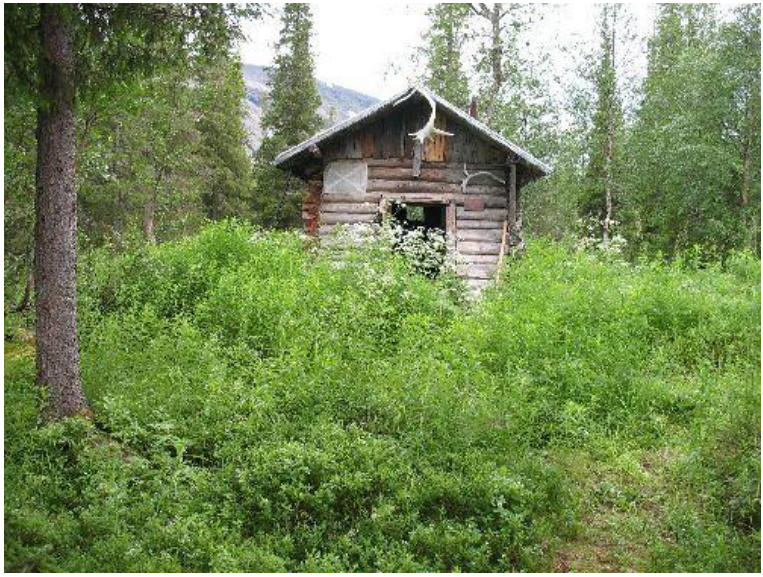
8 октября. 21.00

Я покончил со Стрельной, я ее возненавидел. Начиная от реки Черной, это сплошные бесконечные шкуродеры. Сегодня вышел на воду в 10.40, и началось: камни, камушки, галька, древа, песок. Солнце в глаза.

Снег очки залеплял – неладно было. Нынче солнце – опять беда. Не угодить нашему брату-капитану. Ветер южный, встречный.

К двум часам дня, когда я выдохся напрочь, подошли к порогу «Воин», название привожу из описаний, на карте он без имени. Вида страшного, рев воды слышен за километр, наверное. Подкрался потихоньку, как можно ближе, вылез на берег, пошел на разведку. Правильнее о нем сказать, вида грозного, но красивого. Скалы сжимают реку до 8 метров. Большой уклон придает потоку бешеную скорость. На выходе поток прижимается к левому утесу, еще несколько метров и черная яма. Для прохождения сам порог не сложен, вовремя уйти от прижима и всего делов, но вход в него проблемный. В широком месте уклон уже работает, а воды мало, но зато много крупных камней, торчащих в шахматном порядке.

Берегом перенес ружье, матроса отправил пешком и вперед. Чтобы было не так страшно, орал, что есть мочи: «Оп-па! Оп-па-па!» При прохождении серьезных препятствий голова только орет, руки сами знают, что делать. Потап посмотрел с берега на наши выкрутасы и решил на всякий случай отойти подальше. Полученного адреналина



мне хватило километра на два нормальной работы, потом я опять начал сдавать.

Следующий плес прошел на зубах. Если весла бросить, лодку ветром гонит вспять против течения. Грести же нет больше сил, ни капельки. Началась истерика. Первый раз за три недели. Выскочил на первый попавшийся камень среди воды, дико орал, плясал, пинал и ругал реку, высказал все, что накопилось. Как она не пересохла?! Все это проходило, как выяснилось вскоре, всего в километре от завершения речной «опупеи» (назвать бы Одиссеей, но с Пенелопами туговато…)

Финиш водного (пресноводного) пути – непроходимые водопады. Отсюда, по левому берегу, идет тропа в село Стрельна.

На противоположном берегу, достойно и невозмутимо, паслись две белые лошади. Значит, море рядом. Косяки полудиких лошадок, крепко сбитых, в основном, белой масти я встречал по всему Терскому берегу, начиная от Кузреки.

Достопочтенная экспедиция божьим провидением покончила с рекой, успев час в час. Утром и днем были забереги, камни на реке красовались в жабо из лучиков острого льда, лишний раз не зачалишься.

В 16.30, когда грести уже было некуда, и я вытащил лодку на берег, она заледенела моментально. Часа полтора и остатки сил потратил на сушку лодки и рюкзаков. Утром эта операция была бы невыполнимой.

Полежал уныло, отдышался, разбил лагерь и устроил праздничный ужин под миллионолетний рев падунов. Плотная еда, заначка спирта и долгий чай отключили от проблем и забот. Сижу, мурлычу: «Зачем Герасим утопил Му-Му-у-у, я не пойму-у, я не пойму-у…» – на мотив все той же песенки.

Интересно, Вы читали Амаду? Я его понимаю. Считайте это вызовом.

Возможно, завтра увижу людей. Впервые за 21 день. Совсем не хочется. Детей бы прижать, денек побыть с ними, вечером к Вам с гостевым тортиком нагрянуть. И назад. И остаться здесь надолго. Водопады впечатляющие. Много скал и злая вода. На Киваче – обаятельная, на Бельдучане – непобедимая. Здесь злая.

На улице морозит знатно. В палатке горят 4 свечи, писать можно. Ноги болят до слез, а завтра пешие переходы, два, а то и три по 5 километров, как уложусь. Придется вновь петь про Герасима.

Пора спать.

Вспоминаете ли Вы меня?..

9 октября. 18.00

Я среди людей. Идти оказалось не пять километров, а чуть более трех. Сначала вышел на турбазу. Появилась такая на острове в устье Стрельны. Молодые холеные парни вежливо отказали мне в ночлеге.

Прошел еще с километр и попал в село. Это около десятка жилых домов, есть ухоженные, есть покосившиеся, отжившие свое. Население встретило меня настороженно, что не внове для меня. Побродил по просторам бывшего СССР я немало. Радушно встречали на Кавказе, пожалуй, в Казахстане и в Узбекистане. В России чаще недоверчиво, а иногда с милицией и проверкой документов.

Местных жителей понять можно, в этом нет ни трагедии, ни проблемы. Себя в зеркале не видел давно, но представить могу. Выходит из леса мужик с ружьем весь в черном: черные сапоги, черный полукомбинезон, черная куртка, черная безрукавка, черный плащ, даже перчатки и очки черные. Да запашок, наверное, за 300 метров учуять запросто: прокоптился и пропотел основательно.

Помаленьку-потихоньку разговорился с сельчанами, посоветовали мне поселиться в пустующем доме рыбаков-колхозников. Чем я и воспользовался. Напилил дров, зато-

пил печь. Красота-а! Правда, дом большой, но нагреется когда-нибудь.

По соседству живут Галина и ее сын Андрей. Добрые спокойные люди. Познакомились, поболтали про нынешние тяжелые времена. Беседа сама собой перешла в убойный обед, накормили до отвала жареной рыбой. Довольный Потап довольствовался рыбными головами. Вот тебе и недоверие. Еле дополз до своего приюта. В доме почти тепло, пишу без перчаток. К слову сказать, за поход я их, как герой из сказки, сносил три пары. Пишу при свете электрической лампочки! На турбазе по вечерам запускают дизельную электростанцию. А еще наконец-то избавился от позы водника. Все вещи развесил сушиться вокруг печки. Сам сижу в спальнике.

На улице тоже потеплело. Появился червячок сожаления, зря спешил, мог бы на реках провести больше времени, можно было обойтись без гонки. Но что сделано, то сделано.

Жив, почти здоров, за спиной почти 400 километров на веслах и пешком по самым диким местам полуострова.

Да и теплынь от моря – локальная, зима все равно ранняя. Завтра сплю до упора. Пока.

10 октября. 20.00

Сегодня пережил третью дневку за все путешествие (дневка – когда ночуешь дважды на одном месте). Пережил, как и предыдущие, активно. Ходил в село Чапома, на 10 километров восточнее села Стрельны, расположенное в устье одноименной реки. Когда-то это был мощнейший совхоз, посылающий свои суда в Атлантику, а может, и того дале. Урожаи овощей с местных огородов красовались на ВДНХ.

А еще глубже в историю – это было зажиточное поморское село. И ходили мужики его по морям-океанам на кочах и шняках. Ни штормы, ни цари им были не указ. Нын-

че забыли поди об этом. Коллективизация подорвала здоровье местного общества, а капитализация добила. Осталась молочная ферма, да и та чуть жива на привозных кормах. В море же ходят по пьяной лавочке на казанках и порой не возвращаются. Неужели навсегда утрачен особый поморский генофонд?

Хиреющее село встретило меня мерзкой свалкой прямо на можжевеловой террасе. Загаженная, изнасилованная благодать настроила соответствующе. Что мы за народ? Сгнием в дерьме без варягов.

Долгожданный звонок домой оптимизма не прибавил. Сначала дозвонился до спасателей, потом поговорил с Машенькой.

Божечка! Я надеялся, что пережитые передряги избавят меня от «сиропа». Помирал почти, но владел собой, даже не задаваясь такой проблемой. Но тут… не сдержать мне было дрожание голоса, влаги в глазах.

Не получается из меня Мужика, Мужчины, Мачо. Правы Вы в своем разочаровании.

Ребенок сообщил, что бабушка, моя мать, совсем захворала, почти не может ходить. Надо срочно добираться домой.

Но тут новая проблема, самолеты не летают. Лицензии у них нет. Чудеса. Село стоит на берегу моря, а единственное средство передвижения, обеспечивающее население продуктами и всем прочим – самолет. Может, раз-два за сезон зайдет теплоход, а может, и нет. О пиве мечтал, а в магазине – «мышь повесилась». Хорошо хоть крупы да муки купил у ядовитой продавщицы времен соцреализма.

Сообщил спасателям, что выхожу завтра в Кузомень на веслах. Постараюсь побыстрее, но впереди более ста километров морем, а лодочка резиновая. Бог даст, обойдется.

В Чапому утром шел хоть и на больных ногах, но с интересом и легким сердцем. Гулял по своим обожаемым террасам. По отливу собирал для дочки ракушки, звезды.

Обратно нес 12 кг груза, пустяк, но еле принес. Тупо глядел под ноги, через боль, через силу их переставляя. Что за напасть!

Ну и поклонничек у Вас!

С километр осталось, дома видны – а я сижу под столбами телефонки, курю и злюсь на ноги, на свое бессилие, на весь белый свет.

Занятное наблюдение, правда, сделал об этой телефонной линии. На побережье много куропачьих выводков, оно и понятно – ягода здесь рясная и на любой вкус: брусника, черника, костяника, гром-ягода, вороника. Корма обильные, а хищникам неудобные из-за открытости. Но вдоль линии, прямо под ней, за несколько километров пути насчитал более десятка следов куропачьих трагедий. Долго не мог понять, почему нигде, кроме как под проводами, нет останков. Решил, что в темноте птицы бьются об линию, а лисы пользуются этим незаслуженно.

По приходу столовался у своих добросердечных соседей, плюнув на сборы. Завтра выходить надо по приливу. Полный отлив – куйпога, по-местному – в 13 часов. Успею собраться.

А сейчас буду валяться, пока не засну, и скучать по своим любимым детишкам – Мине, Ване, Мане.

11 октября. 21.30

Настроение – поганее не представить. Хороший, средней погоды день пропал впустую. Ветер северный, на море штормит, но по губам идти можно было.

Спал в тепле, завтракал за столом. Благостно. Небольшое неудобство в виде «удобств во дворе» – извиняюсь, привык к чистоте и простору – пережить можно. Славно отдохнул. Не спеша, после завтрака, накачал лодку, переделал весла на распашные, упаковался и ждал на бережке начала прилива для продолжения предзимнего марафона.

Неудобная закавыка с этим явлением природы. Пока дождешься, пора уже и о ночлеге думать.

Ближе к старту прибежала Галина: «Убирай паруса! – кричит, – За тобой моторка зайдет, добросит до Тетрино». 20 километров похода – дело, думаю. Собрал «Полину», опять жду.

Следующая новость: вездеход пойдет в Чаваньгу. 45-километровый кусок – дело, думаю. Жду.

Потом появился огромный сухогруз «Дмитрий Донской» и встал на рейде Стрельны. Опять думаю, пойдут морячки на берег за рыбкой и заберут меня до Кандалакши. И конец похода.

Так я и просидел, задумчивый, до темноты. Ни катера, ни вездехода, и корабль уплыл за горизонт. Уток вот настрелял хозяйке. Дома не лады, каждый день хорошей погоды на счету, а я на халяву разменялся. Завтра прилив начнется еще на час позже – идти ночью? Луны нет. Я и засветло-то боюсь.

Печь не топил, дров не наготовил, остатки отдал Галине. В избе холод, на сердце тяжесть, в голове ругательства.

12 октября. 22.00

Покров. Я дошел до села Тетрино и чуток дальше его. Всего километров 20 за 8 часов беспрерывной каторжной работы. Северо-западный ветер не давал даже покурить со смаком. Первая же попытка заслуженно подымить закончилась неприятностями.

Вышел часов в 12, плюнув на все обещания местных жителей найти попутный транспорт, и вопреки здравому смыслу – во время отлива. Пробовал каботажить, как можно ближе прижавшись к берегу. Неудобно, отлив, мелко, не пройти. Ушел без приключений за вал прибоя, вроде все получается: качает, двигаюсь медленно, но не сижу ведь. Через час согласно распорядку достал сигарету, бросил весла, сладко затянулся, раз, два, три. И тут меня

насторожило – Потап, доселе мирно посапывавший на рюкзаках, вдруг вскочил, забавно вытянулся на лапах, еще и живот подтянул. Сообразить, что будет дальше, я не успел. Волна окатила нас и ушла, особо, к счастью, не навредив, даже сигарета не потухла. Оставила несколько ведер воды в лодке, замочила мореходов да урок преподнесла.

«Полина» – посудина надежная. Попадал на ней в шторм, несильный, правда, около Кандалакшского заповедника. И вот на тебе – конфуз! Схватив весла, второго наката я избежал, и как мог, зачапал к берегу. Потом начался прилив, стало легче. Но курил уже, не выпуская весел из рук.

Весь путь нас преследовали тюлени, даже на отмелях. Пес, так и не поняв, зачем им это нужно, перестал обращать внимание на бестактных бестий.

А мне больше нравилось наблюдать за белым конем, скакавшим по берегу. Мчался он, дерзко задрав хвост, раз в несколько быстрее меня. Убежит далеко вперед, встанет, подумает о чем-то своем, конском, диком, и назад с той же резвостью – проверить, на месте ли соперник. Убедился и опять вперед. Мощь, скорость, великолепие – поневоле залюбуешься!

Сами берега огорчают. Разруха, мусор, обломки, остатки, обрывки. Устье Каменки – особенно. А ведь не видел мест красивее. Скалы, террасы, пляжи – на фоне сосновых боров. Курортные места. Пока пустуют или уже пустуют.

За последние годы, надо сказать, интерес к побережью от Кандалакши до мыса Корабль со стороны туристов возрос, виной чему новая хорошая дорога. Боюсь, обратят всерьез на эти места чиновники от туризма, выжмут выгоду, а берегам достанется лишь дополнительная нагрузка. Пусть, хорошие, пока отдыхают. Природа наша долго выздоравливает и самоочищается.

Рыбаков не видно. Тони есть только у чаваньгского колхоза и одна у варзужан. Работают они сезонно. Да и

вряд ли им позволено чувствовать себя хозяевами. «Семеро с ложкой» не дремлют.

Людей встретил только в селе. Думаю, заезжих. Задали мне кучу вопросов, в основном, про рыбу, и сочли излишним отвечать на мои.

В тени данных отношений сама собой пришла мысль ночевать за селом.

В кромешной тьме ставил лагерь, собирал лапник. Сварил супчик, как всегда из пакета, и славно поужинал, наблюдая за перекличкой огоньков жилья вдалеке.

Днем можно было набить уток, но когда бы я их обработал?

13 октября. 10.00

Утро. Опять сижу, жду.

Ночью был гость из Тетрино. Я уже спать лег, на судьбу не обиженный, вполне довольный собой и продолжающимся одиночеством. Засыпать стал, а тут Потап загумкал. Вроде на человека.

Есть у него черта, хорошая или плохая, это, с какой стороны оценивать. За корочку хлеба или возможность поохотиться он забудет про хозяина запросто. Дело тут не в характере и не в пробелах воспитания. Судьба у него такая. В 8 месяцев от роду он потерялся, и нашли мы его с детьми через 9 месяцев в далеком поселке у чужого человека. Такой вот получился пес. Но это, если я не сплю. Охраняя меня, сонного, он может натворить дел. Но сплю я чутко и всегда успеваю контролировать ситуацию.

Вот и теперь пришлось срочно вылезать из спальника и заступаться за полуночного странника. Им оказался радушный житель соседнего поселка. Посетовав на мою гордость, настойчиво уговаривал меня заночевать у него в доме. Еле отнекался. Разжег костер, напоил гостя чаем. В задушевной беседе выяснилось, что завтра днем пойдет трактор в сторону Чаваньги, повезет хлеб на тони и заберет меня обязательно.

Утром разбудили лошади. Пошел на нас косяк из трех взрослых особей и жеребенка. Пришлось привязать собаку и отгонять их палкой. Не очень-то они и напугались. Наверное, проще было дать сухарик, но не рискнул, вид у них больно не миролюбивый.

Гривы и челки до земли, ноздри широкие. Давным-давно разбойничали на этих берегах шведы, норвеги. Может, души убитых берсерков вселялись в этих жеребцов, поэтому их боятся даже медведи. Честно.

Три года назад на мысе Корабль я наблюдал сцену, как медведица с двумя отпрысками своими скрадывала табунок лошадей. Они ее учуяли, но не подумали убегать, просто перестроились. Жеребцы вышли на линию обороны и продолжали пастись.

Сегодня тоже, нисколько не смутившись криков, лая и дубины, постояли, изучили по-хозяйски пришельцев и с достоинством пошли в деревню. Почти независимые, дикие, так и ходят они от деревни к деревне.

Лошадки ушли, день наступил. Позавтракал немудрено и сел ждать.

Жгу костер на берегу, слушаю шум прибоя, нюхаю море, дочитываю Ключевского, наблюдаю за горизонтом и мотаю нервы. Опыт, его у меня предостаточно, подсказывает: садись в лодку и греби. Логика: ветер почти встречный, отлив, скорость будет не более 1 км/час, ни на секунду не остановиться, корячиться нет смысла. Тем более, обещал ждать трактор. Жди. Погода прекрасная. Примечательно, что на местном наречии эта фраза звучит нелепо. «Погодой» здесь называют шторм.

У моря тепло, а уйди от берега километров на пять, попадешь в зиму. По Стрельне гонит лед, а тут роскошная осень. Дождя нет, снега нет.

А закат вчера был! Любовался им один, как всегда. Обидно.

14 октября. 15.00

Вчера к логике я добавил интуицию и дождался-таки трактора. В 14.30 нас подобрали, посадили в тележку и мы шустро покатились вдоль моря по дорожке, для другого транспорта негодной.

Сначала заехали на тоню, километрах в двадцати от села. Отдали хлеб, что напекла женщина-пекарь в Тетрино, приняли груз семги, попили чаю и поколесили дальше. Теперь сидели с дружком по пояс в рыбе.

Морда у Потапа была комичная. Он видел иногда, очень редко, много еды, но себя внутри пищи не представлял, ведь не червяк же в яблоке!

Я, городской житель, тоже столько семги не видел. Одно дело, когда ты в честной борьбе после долгих хождений, пожираемый комаром и гнусом, выводишь серебристую королеву на берег. Сядешь рядом, куришь, любуешься почтительно, руки от волнения и восторга трясутся еще минут пять.

Нынче путина. К рыбе привыкли. Посчитали по головам, покидали как дрова в телегу, отправили на завод и снова в лодку, так как ловушка в море уже кишела от зашедшего косяка. Некоторые особи в борьбе за жизнь делают свечи на метр из воды. Интересное зрелище.

В Чаваньгу приехали в 18 часов, до 21 ходил по селу, осмотрелся, собрал информацию. Село живет, строится, развивается. Много техники, своя пилорама, рыбзавод, тони на берегу. Причина приличной жизни – как ни думал, другого не придумал – в руководстве колхоза.

В 21 час на попутной яхте меня согласились прихватить в Умбу, столицу Терского края.

Выходили в чернильной темноте, абсолюте темноты. Два раза зависали со скрежетом на подводных камнях, но в море вышли и помчались вперед. Из видимого мира – только буруны светящегося планктона за кормой. Капитан ориентировался по системе спутниковой навигации и эхолоту.

Ночь, море, движение и интересный собеседник. За удачный выход капитан тактично обещал остограммиться. Процедура оживила романтическую обстановку. Как-то за всем этим я нечаянно напросился в рулевые и добросовестно отстоял вахту. Если честно, первые минут сорок яхта двигалась куда угодно, но только не туда, куда ее направлял самозванец.

На траверсе села Кашкаранцы начало светать. Я передал штурвал и завалился спать. Проснулся от толчка кэпа: «Турий мыс видел?» – «Да» – вяло ответил, просыпаться не хотелось. Встал из вежливости исключительно, поднялся на палубу и ахнул, как барышня. Видеть-то видел, и ездил, и ходил по нему, но с материка, со стороны Кузреки. Умер бы и не узнал, как величав он с моря. Стоял завороженный, пока не продрог.

За Турьим начался шторм. Наше перегруженное суденышко то взлетало на верхотуру бури, то ухало вместе с сердцем вниз. Лихой капитан невозмутимо управлял яхтой. Да и мы с Потапом были спокойны, наслушавшись ночью невероятных бывальщин о морских приключениях. Худо было только матросу, молодому позеленевшему парнишке.

Блестяще исполнив маневр, капитан спасительно завел корабль в затишье Умбской бухты, где в 14:00 я закончил свои авантюры. В этом году. А в следующем? На ослике по пути покрутчиков, в горло Белого моря на «Полине»?

Да-а. «Блажен, кто верует».

1999 г. **г. Кировск**

Верхнеканские вечера

...И равнодушная природа
Красою вечною сиять!

А. С. Пушкин

Всем путникам известно, какое большое значение имеет вечерний костер. У костра человек отдыхает, поневоле расслабляется, расположен к откровенным разговорам и вспоминает яркие эпизоды своих странствий. Шесть дней среди кольской природы и шесть таких костров предлагаются вашему вниманию.

День первый

Пот едкий ядреный скапливался у ушей, струился по шее, животу, спине, ногам и хлюпал в сапогах, глаза щипало, волосы слиплись. На подъемах сердце бухало так, что опасался его выплюнуть, на спусках ноги предательски стенали. При переходе болотин эффекты суммировались. Это называется отдых. Диванодосужие приятели мягко сказать не понимали подобного времяпровождения. А ведь все очень просто. Сколько можно пить водку в гараже с соседями, обсуждая автомобили, женщин, правительство, сколько хватит сил дуть пиво, сидя в кресле у пустозвонного телевизора. Месяц, не больше, согласны? Чем дольше живешь, тем ощутимей быстротечность четвертого измерения и жаднее относишься к событиям и фактам. Их должно быть больше и они должны быть ярче. Пустые вечера рождают только пустые рассветы. Заколдованный круг. Разорвать его просто – роди мечту, потом составь план, потом подготовься и реализуй мечту. Теоретически просто. Но обычно порывы гаснут на первой фазе. Оправдания крепкие находятся, дескать, на работе вкалы-

ваешь, в семье проблем невпроворот, не грех расслабиться по полной программе. И опять тоска пустого утра. Потом униженное, размазанное самомнение взбунтуется и приведет неотвратимо к заниженной самооценке и вытекающему отсюда кризису личности.

А мы вот с приятелем часа через 3-4 дойдем, доползем, дохрипим до заветного бережка, отпыхаемся, лежа на брусничном ковре (Бухара позавидует), разобьем лагерь в уютном затишке, соорудим кострище, поставим сетки на озере. И вот тогда, на вечерке, удовлетворенные и гордые, забросив удочки в заветном кутке, опорожним фляжку под задушевный разговор и душещипательные утопления поплавков, и ни одна струнка совести не дрогнет – заработано, так-то.

Но это будет потом, не скоро, совсем не скоро, но будет.

Первый привал у симпатичного ручья. Рюкзаки прочь, спиной к располагающей сосне и сладкая смачная затяжка.

Все хорошо, но не нравится мне, что машину так оставляем, – сколько лет ходим, столько и сетует Сергеич, напарник мой.

– А ничего другого не придумать, – который раз ответил уже штампом.

Конечно, лукавим. Неподалеку стоят геологи и в неделю, в две раз к ним ходит транспорт. Но сколько суеты и хлопот будет потрачено, сколько нервов, проще – вышел из дома, загрузил рюкзаки, сел в авто и езжай хозяином. Зенит свой по годам я давно перевалил, поэтому хоть и боязно за собственность, но кланяться не хочется. Вот и стоит моя "Нивушка" в лесу сиротливо после трехчасовой езды по условной дороге. Далее вездеходка, потом тропа, а потом еще и на веслах чапать. Зачем так далеко? Опять просто. Это в Питере Кольский кажется диким Севером. Реально же найти глухой безлюдный уголок на нашем полуострове почти невозможно. А если лес строевой тянется, сиговое нерестилище таится, река семужья катит, то и во-

все тесно приходится. Походил, потоптал я по нашим «Палестинам» в силу пристрастий и профессионально, и выбрал эти места под старость свою неугомонную. Хотя здесь тоже случается, заявятся браконьеры с голоду или браконьеры с жиру, хлестнут опустошительно, первые с вездеходов на жизнь, вторые с вертолетов для потехи. Но это иногда. И еще есть пока возможность поохотиться на законных основаниях и для души и для пуза.

Подтверждая мои мысли, за ручьем загумкал Потап. Мой добрый пес, лайка западносибирской породы. Чего в нем больше, положительного или вредного, определить затруднительно. Но он мой. За что и любим. И красив, чертяка. Вышел всем: мощью, экстерьером, шкурой, башкой стремоухой. Но и забот с ним, не всякий сдюжит. В городе если сорвется с поводка – "Митькой звали". Плевать он хотел на кресло свое удобное, на сахарные косточки. Помойка и стая полудиких собак, где он вожак и только, вот его жизнь. Выручает, что город наш не велик. И знает нас здесь не только каждая собака. Не более 3-5 дней ему удается подышать волей и повосхищать облезлых сучек. За побег ждет его однозначно неотвратимая экзекуция свернутым рулоном газет. Ему уже четыре года, и расклад этот он знает прекрасно. Но все равно в любой момент готов отдать здоровье и достоинство за несколько часов свободы. Бестия. Я сам принимал его роды, потом возился, мучился и умилялся, терял и находил. Сил, нервных клеток, драгоценного времени в этого лобастика вложено – не пересчитать. «И где благодарность?» – вопиет душа, когда руки молотят газеткой. Но по большому счету я его понимаю. Он рожден для лесных просторов, тундр, азарта. Неутомимые лапы, тончайшие нюх, зрение, слух делают его мир безграничным и ярким. Я же его на тоскливую жизнь в футляре обрекаю. Не навечно, конечно. Ходим на рыбалку, где он таскает в санках все пожитки хозяина, да и на охоте недели три в году бываем. Но что такое три неде-

ли?! Неделю только приходится отучать облаивать белок. Втемяшивать в эту шерстяную юлу, что нам глухаря стрелять.

Урод, белку, поди, набрел – как тут не злиться, драгоценные минуты отдыха испорчены. Надо идти брать на поводок, а потом с километр тащить, чтобы не вернулся.

Встал, кряхтя, автоматически сунул под мышку ружье. Перешел ручей, иду по лесу на голос, ругаюсь. Глаза поднял...

О-е-е, – на горизонтальном суку красивой разлапистой сосны сидел великолепный глухарище. Тянул шею, дразнил собаку. Классика. Подошел я слишком близко для выстрела. Отпятился метров восемь. Бахнул навскидку. Сердце прижалось к гландам, очки запотели и пульс сбился, когда завидный трофей был уже в руках.

– Извини, брат, не прав был, – оправдался перед тоненько взвизгивающим дружком.

– С открытием охоты, Михалыч, знатная добыча. Ай, Потапа, ай молодца, – поздравили нас на привале.

– С первой кровью, в старину говаривали, – подавив дрожь голоса, ответил небрежно и как можно бывалее.

Опять сел, уставился на ручей, на веселую воду. Внутри было не до веселья. Огорчение червяком ползало по мозгам. Ну, надо было! Ведь настоящую охоту совершил, как сходил по-маленькому. Где трепет, где перехваченный дух. А-а?

Следующий переход был не страшный и даже в какой-то мере желанный. На своей второй трети тропа бежала по сосновым грядам. Идти удобно, твердо. Немного, правда, мешала корзина, цепляясь за ветки, но вещь нужная, пригодится. Короткий спуск, легкий подъем, через 4-5 шагов дыхание восстанавливается – и вперед с песнями. Север родимый. Да-а, это сейчас он родимый, когда мышцы упругие, сердце стучит ровнехонько, а кругом лепо. Таежные дали, горные тундры, озера синие. И далеко-далеко темнота зимняя вечная, измученные климатом дети, начальник – зануда.

Второй перекур на поваленном скамейкой дереве с заметными потертостями от людских антифасадов. Много лет служит лесина путникам. Занятно, в радость ли ей наши перекуры? Здоровые ее собратья общаются с ветром, друг с другом, интриги плетут. Не до старого бревна им. А тут мы. Хлоп-хлоп попадали и лясы точить.

– Во даем, меньше часа шли, – снимая шапку и утирая пот, не без гордости отметил Сергеич.

– А-то, – поддержал, разминая затекшие плечи.

– А если бы не корзина?

Сергеич – мой старинный закадычный приятель и соратник по походам. В прошлом спортсмен, альпинист, чемпион СССР, характером уравновешенный, пунктуальный. Мы с ним разные во всем. Когда жена ушла от него, он язву желудка нажил. Меня из дома выгнали, я почти перестал болеть. А вот притерлись, внял он моим наставлениям, что если и хорош туризм, то только прикладной и на пару. Десяток лет бродим пешком, на лыжах, на лодках. Два-три выхода в год обязательно, а выходных с рыбалкой не счесть. Предполагаю, что единит нас примитивное любопытство. Если гонишься за уловом, то выбери один, два водоема, изучи их, вычисли уловистое время, место и дои в меру. Мы же за тремя окунишками забираемся к черту на рога, и посмеиваемся друг над другом без желчи, и строим планы на следующее незнакомое место.

Вопрос напарника – самый главный в организации автономных походов. Знаю не понаслышке, хотя впервые об этом прочитал у Астафьева. Самому раз-два приходилось кусать локти, теперь ученый. На пару дней, на рыбалку я закадычных друзей беру. На неделю – проверенного напарника. На месяц ухожу один. Бывают исключения. Редкие исключения, еще точнее, я знаю лишь одно: Борю и Жору, моих хороших знакомых из Санкт-Петербурга. Лет пятнадцать минуло, как мы виделись в последний раз. Суета житейская, круговерть на выживание развела наши

тропы. А взгляд в морщинках пронзительный, усмешливый, но добрый что у одного, что у другого, могу сейчас легко представить. Да-а. Общение их – это всегда взаимная пикировка и выяснение старшинства в группе, при этом аргументы в ход идут одни и те же, но по-разному аранжируются. Суть их в следующем. Борис за альпинистскую биографию покорил два семитысячника и заработал один инфаркт. У Жоры в багаже одна вершина за семь тысяч метров, но при этом два инфаркта. Подозреваю, что вопрос лидерства так и остался нерешенным. Они старше меня лет на десять, опытнее, но я ни разу не почувствовал ноток превосходства, а их бескорыстной помощью самой разной – и материальной, и консалтинговой – я пользуюсь по сей день. Борис работал егерем в одном из Питерских охотхозяйств. Свои редкие и обязательно зимние отпуска проводил на охотах в нашем Заполярье. Именно на охотах, а не на промысле. Добывал ровно столько, сколько нужно ему для пропитания. То есть куропатку – на день, зайца, глухаря – на два. Все остальное время гулял по горам и лесам без жадности, но подозреваю, с восторгом, и думал. Север – ведь он такой для раздумий располагающий. Жил по месяцу один в балаганчиках, избушках. Редкие часы наших встреч в тайге ли, в городе пролетали в интереснейших разговорах и про напарников в том числе. Борис вслед за Астафьевым учил, как по неопытности он выезжал в свои отпуска то с одним хорошим приятелем, то с двумя и всегда это кончалось неудачно. Одно дело поиграть в шахматы после работы с пивком и воблой, и совсем не то проживать в примитивных нелегких условиях заполярной зимы. Разбегались друзья через неделю, жили, охотились в одиночку и домой уезжали по отдельности без информации друг о друге. Да-а. А вот с Жоркой притерлись. Маловероятный факт. Так эмпирическим путем сошлись и мы с Сергеичем и топчем наши Севера, аккуратно топчем.

– Ну что, попылили? – предложил впустую.

– Надо-надо. Оставь ты корзину здесь. Не раз же еще пройдем мимо.

"Ишь, умный – это я не вслух, – была бы его корзина – оставил бы, а свое – да ни за что", – и поломился, чертыхаясь. С каждым шагом становилось все тяжелее, через сотню-другую метров потерялся где-то задор, а через километр и здоровье . Дыхание не восстанавливалось, "мотор" дробил. Плечи занемели, а рюкзак не поправить – руки заняты, в одной ружье – как в лесу без ружья, в другой корзина..., твою мать – тоже нужная. Двадцать минут..., сорок минут. Дойду – не дойду.

Меж стволов блеснула вода, сто пятьдесят метров, сто, пятьдесят. Есть! Падаю. Жив курилка. Минуты три проходит, прежде чем нахожу силы скинуть лямки. В сторонке Сергеич, аккуратно поставив свой "сидор", уже топчется по берегу. Оглядываюсь и я. Мусора, порубок нет. Еще на год миновала горькая участь наше озерко. Сколько Бог даст таких годов. Может, этот последний. Экологические и природоохранные организации плодятся, как грибы в дождливый год, и все при деле. Но уголков, подобных нашему, счесть по пальцам, и доживают они последние дни. У меня растут дети и у Сергеича. Мир без детей – умирающий мир, а ребенок без мира – не менее страшно. Да-а. А пока курю, самолюбие тешу, любуюсь. Вода у ног это еще не наше место. Дальше на веслах через протоку. Почему там лучше, чем здесь, сказать трудно. Исторически сложилось – можно объяснить. Оно и понятно, по рыбацкому закону у дальнего берега всегда клюет лучше.

Накачались, уложили груз и приятель погреб. Мы с Потапом пошли пешком. Без сорока килограммов груза и опостылевшей корзины, казалось, лечу не иду, точнее не тащусь носом в тропу. Головой можно вертеть, да и нужно. Лечу, скачу, примечаю, где ягода богаче, где дрова удобней, куда с ружьишком сбегать. Шесть дней впереди. Шесть дней Праздника! Погода – сказка, редкие облачка

только украшают голубой верх, солнце не мешает, подсвечивает осенний низ. Полчаса хода дались играючи. Вот и наши угодья. Невысокая брусничная гряда вдоль уреза запахнута ярко-желтым облаком сентябрьских берез. А до горизонта кругом дремучие боры сосновые и еловые. Сторонушка родная, как же сберечь тебя? Прости. Никак.

Чем хорошо постоянное партнерство. Все мнения – прения о разделении хозяйственных обязанностей давным-давно забыты. За посторонним разговором, а то и молча в считанные минуты развернулся наш табор. Сергеич – палатку, я – тент, он – стол с бутербродами, я – шнур для сетей и дрова, он – костер и якоря, я – сети. Огляделись – красота! По кружке чаю, и на воду – сети ставить.

Много забот в лесу. Дров запаси, воды натаскай, лагерь обиходь, похлебку, чай свари, да на костре, да под дождем или снегом, или когда комарье-гнус зажирает поедом. А с сетями сколько возни. А рыбу, дичь шкерить. Но в этом-то вся и прелесть. За жизненно важной суетой забываются напрочь проблемы на работе, семейные дрязги, двойки в дневнике сына, непобеленные потолки, люфт в рулевой колонке, артроз и проча-проча. Из этого следует, чем больше пашешь, тем легче жить. Натуральный, стопроцентный отдых с профильтрованными мозгами. К тому же, сколько бы забот ни наваливалось, они все равно кончаются. Наступают самые светлые минуты блаженства, обязательно перед темнотой. Все переделано, по-честному. Через сорок минут придет ночь. Хватаем удочки и на берег, до него двадцать пять метров. Место облюбовано давно, хотя вечером клюет везде, но в основном мелкий окушок-матросик.

На нашем же месте и окунь крупней, и плотва, и сиг добренный, бывает, зацепится. Редко, но бывает. Как правило, ему, сигу, везет больше. Но ведь на долю рыбака тоже что-то выпадает, нет, не что-то, а истинный азарт, всплеск адреналина, ну и подумаешь, что не семга. Пока водишь красавца,

пока тащишь, вспомнится и мама рыбья, и бестолковость, беспомощность соседа с подсаком, и руки-крюки свои. Потом резко потерявшая напряженность леска стегает на береговой куст.

– Нет, ты видел? Ты видел? – кричишь чуть не плача, распутывая снасти с веток, – килограмма на полтора, не меньше! По правде, даже если разделить на два и то будет многовато, но продолжаешь убежденно, – Килограмм – по любому!

– Дно в корзине закрыл бы сразу! – ответит сосед, чуть улыбаясь.

Еще на нашем месте торчат три кочки. На крайние мы садимся, средняя для бутербродов и фляжки. Но главное достоинство нашего кутка – это панорама. Нет, это грубое слово. Вид – тоже не подходит. Сидим мы на своих табуретках-кочках, а в наши глаза светит закат. Через поплавки, через рябой глянец озера, через светло-желтый, болотистый тот берег и дальний черный лес. Когда диск становится сочно-пурпурным, огромным, наваливается на лес, вот тогда он бьет в тебя золотым широким лучом, оставляя лишний металл дорожкой на всем пути от горизонта до сердца. Чувствовать себя пронзенным не страшно, не больно, а здорово. В эту минуту мы не двигаемся и молчим.

Вот и нынче, расположившись по обычаю, сервируем кочку. Насаживаем червяков, моем руки. Порядок в обстановке, порядок действий только украшают церемонию. Кажется, вот вода – там рыба, вот удочка – на крючке червяк. Но..., я подставляю стопки, Сергеич разливает.

– Ни чешуи!

– Ни хвоста!

– Хы-ы!

Следом горсть брусники, сорванной пять минут назад. В конце сентября в этих местах брусника, что твоя вишня, ей-богу. Крупная, темная и вкуснее в сто раз, особенно в

данный момент. Теперь сигарета, первая затяжка. И, наконец, поплавки шлепают по воде.

Почти сразу у Сергеича поплавок заплясал и пошел на утоп. Рыбачок подсекает, дергает... и недоуменно смотрит на пустой крючок. Ни рыбки, ни червяка. Смотреть недоуменно – это у нас, бывалых рыболовов, первое дело. С годами взгляд этот шлифуется и должен означать, что ни рыба, ни мастерство удящего здесь ни причем. Только нечто нечистое и сверхъестественное вмешалось. Подошла моя очередь, выдергиваю приличную плотвичку. Люблю ловить эту рыбу. Красивая она, и какая-то располагающая. А есть не люблю. Навялю и раздариваю к пиву. Почему так. Ведь щуку ловить мне не интересно, и окуня тоже. А трескаю за милую душу. Крупный непотрошеный окунь горячего копчения вкуснее семги, готов поспорить.

– О! – Сергеич тащит здоровенного окуня. Потом еще одного. Любо посмотреть на дружка, стройный, жилистый, а глаза так и сыпят гордостью, закатом, даже чешуей окуневой.

За милым делом время мигнуло, в садке плехал улов удовлетворительного размера, опустела наполовину фляжка, прошла торжественно минута молчания. Пора к костру. Нашему вечернему костру. Костры – ведь они разные: утренние для кружки кофе и бичпакета, бывают костры для просушки – пылающая гора хвороста, не подойти. В любые морозы спать – костер особый ладишь из бревен, лучше ольхи или сосны с березой, елка нежелательна – стреляет. Классическую нодью строить долго. Меня всегда удовлетворяло подобие ее. В глубокой и широкой снежной яме укладываешь бревна друг на друга и спи смело часа три. Да... обязательно рядом с лежкой нужно иметь запас бревен и отдельно запас хвороста. И тогда еще два раза по три запросто. Много их еще костров разных. Сейчас запалим костер вечерний. Главное его предназначение – поддерживать задушевную беседу двух усталых мужиков с

богатым жизненным и бродяжьим опытом. Но сначала, он, костер, приготовит изысканный ужин из дичи на троих. Получилось споро – приготовить. А вот доесть сытную духмяную шурпу с приличными кусками мяса мы не смогли, физически. Понятное дело, доверь дело одному Потапу, на дне лишь бы горошины перца катались. Обжора тот еще. От греха повесили котелок на сук повыше. Лохматый покрутился- покрутился, понял – наш завтрашний завтрак не для него, законного автора праздничного блюда, смахнул крошки языком от ушей до шеи и в несколько приемов улегся послушать байки коллег. Мы тоже подложили в костер дров и устроились поудобней, да с чаем, да с сигареткой.

Огонь завораживал и увел наши разговоры далеко...

– Медведя, значит, ты не валил?

– Не валил!

– А почему? Страшно? Говорят, в последний момент перед выстрелом у нормального человека возникает психологический барьер, глубинный страх, что ли. Наверное, много зверей выжило из-за него, а может и охотников.

Так я ему все и рассказал! Хотя…

Лет пятнадцать назад довелось мне поработать на речке Сахарной, притоке Поноя. Сахариок – речка красивая, очень красивая. Местность вокруг нее тоже. Каменистые гряды, заросшие ягодниками, карликовыми березками, разрезаны долинами ручьев и речек. По долинам пышнели леса. Преобладали невысокие кудрявые сосняки, реже ельники, и, хотите, верьте или проверьте, можжевеловые рощи! Куда только меня ни бросала затейливая судьба. Шесть горных систем, реки Заполярья, Сибири, Прибалтики, а городов-то за спиной! Но можжевеловые рощи с трех- четырехметровыми пятисотлетними(!) деревьями увидеть можно только в Кейвах. Так называется эта глухомань. Кто не знает, кейвы, тундры и хибины – термины, означающие на языке саами морфологические особенно-

сти горных систем. Но на каком-то этапе общения с русским населением Умптек переназвался в Хибины, уже с большой буквы, Луяврурт – в Ловозерские тундры, кейвы стали Кейвами. Но своей уникальности не потеряли. Боже! Сохрани хоть кусочек нашей природы для наших детей. Дороги геологов и горняков все жестче и жестче сдавливают эту красоту. А строительство нефтепровода через заповедные зоны? Идиотизм! Беда России – не дураки и дороги, а дураки-дураки-дураки и подлизы. Тьфу ты! Мы же отдыхаем. Друзья из местного МЧС даже упрекнули как-то меня за излишнюю откровенность в описании чудес нашего края. Мол, наведешь толпы на заветные просторы, и станет пустынь и уродства еще больше. Может, правы ребята. Сберечь, конечно, не удастся. Но оттянуть горькую участь на год, повезет, на десять лет, смысл есть. А там, глядишь, и разонравится нам жить на помойке. А может и не правы. И мне хоть до одной головы удастся достучаться уже сейчас.

Так вот, все свободное время я бродил вокруг поселка в радиусе десяти-пятнадцати километров, наслаждался дикостью и первозданностью мест, впитывал увиденное, услышанное, унюханное. Вершинами великолепия безусловно царили террасы над рекой, ровные до антинаучности, как взлетные полосы, с редко расставленными соснами и гигантскими можжевельниками, со сплошным ковром ягеля и оленьими тропами по низу. В жаркий день воздух здесь предельно насыщался эфирными маслами от хвои и стволов, и хотелось надышаться впрок целебным настоем. Вы поддавали на каменку в бане воду от распаренного можжевелового веника? Жарко, ароматно, полезно, но далеко до моих террас. Да-а. Практичными прогулки по этим паркам не были. Десяток боровиков – предельная добыча. Хотя, что полезнее души, наполненной восторгом – ничего. На болотах собирал морошку, на скалах – бруснику. Тоже не ахти. Урожайностью особой, рясной

ягодой округа не отличалась. Потом нагрянула осень с долгожданным сезоном охоты, и пришлось убедиться, что и с дичью тут не богато. Не удивительно, парадокс этот знаком мне давным-давно. У населенных пунктов зверя и птичек всегда больше. Стояли мы как-то на озере Ньюрявр, прямо на берегу, так норки по крышам вагончиков бегали, плотность заселения куропатки, зайца, глухаря уменьшалась при удалении от бедового поселка с не очень щепетильными охотничками и вечно голодными собаками. На Кейвах дичь была, конечно. Но настоящая. Дикая. И чтобы похвастаться трофеем, мало было иметь крепкие ноги и верную руку. Нужен был «тям». И не только охотнику, но и собаке.

Собака же была у меня замечательная, без официальной родословной, но со знатными предками из породы западносибирских лаек. Шел ей четвертый год. Я взял ее месячным щенком. Точнее, моя будущая жена принесла. Комочек с рыже-палевой шубкой, с розовым голым пузом пытался качать права с первых минут нашего общения. В первую ночь Ника, так претенциозно и дружно мы назвали собаку, категорически отказалась спать одна. Пищала и кричала отчаянно. Пришлось пару раз лизнуть ароматный шарик, завернуть в пеленку и сунуть себе подмышку. На вторую ночь опять пеленка, но уже рядом с кроватью. Я спал на своем месте, крикунью же накрыл рукой. Третью ночь с час терпел щенячье возмущение, и вытерпел. Псина заснула на положенном по статусу месте с пеленкой в обнимку. Чего только я не пережил: утрату обуви, перегрызенные телефонные провода, испорченные полы и обои. Квартира через месяц требовала срочного ремонта. А болезни, а побеги на улице и в городском парке. Пережил и не жалею, окупились мои муки и муки моих будущих родственников. Сучонка вышла всем: и статью, и шубой, и рабочими качествами. Когда мы шли по городу, она так держала свою голову, так ставила свои точеные лапы, что

оглядывались не только кобели. Характер Ника имела условно покладистый. Послушная, дисциплинированная до поры. Если что-то не по ней, хоть ошкурь заживо, не уступит, или, наоборот, некоторых желаний ее не победить. Уже взрослой взяла моду спать в кресле в спальне и все тут. Строжил, поколачивал – бесполезно. Я из дома, она в спальню, в кресло. Я домой, ключом по замку – ширк! – она уже на коврике в коридоре, аж всхрапнет, завравшись. Ничего не оставалось, как забить в дощечку гвоздь посылочный острый, тонкий и подсунуть эту хитрость под накидку кресла. Дня через два сел я на этот гвоздь со всего маху, даже слышно было, как проткнулась с хрустом кожа на седалище кинолога. Может с тех пор, может еще почему, но я научился с меньшим унижением искать компромиссы в наших отношениях.

Охотиться с собакой, с Никой, особая статья в моей практике. Понимать друг друга мы научились быстро. В лесу я ее не видел, но был уверен, что эта красотка полностью держит под контролем и вопросы нашей охоты, и мое присутствие с отсутствием. Я ходил, отдаваясь, осени, радовался. Напарница радела. Бывали, конечно, и проколы с обеих сторон. Как-то брел я опушкой молодого сосняка, деревца невысокие, в несколько метров, но торчали так часто, что не пролезть. Слышу, за спиной, где недавно я через ногу ковылял, взлаяла моя собачка. Оглянулся возмущенно: во-первых, полайка странная какая-то, во-вторых, там же нет никого, сам видел. Ника стояла поперек моего следа мордой к лесу, и изредка гумкала негромко, даже вежливо. Ну, дела. Пришлось вернуться. Смотрел, смотрел: «Дура, нет же ничего». Сосенки, мох, метрах в семи от меня толстенная сосна-матка. Присел на корточки, отошел влево, отошел вправо, фокус ближе, фокус дальше. «Тупая» собака опять: «Гав!», подождала: «Гав!». После нескольких минут тщательного осмотра человеком и редкого голоса собаки требовался поступок. Опустился

на четвереньки и вломился в чащу. Двух метров не прополз, как грохот едва не оглушил меня. Ника бросилась, пытаясь исправить непоправимое. Куда там. Ломая сучья, из-за старой сосны взлетал глухарище, я же с ружьем заклинился не только туловищем в деревьях, но и языком между зубами. «Из рук ведь, почти из рук!» Чего проще было-то. Напарница и лаяла не настырно, чтобы не испугать. А хитрец прятался за единственным мощным стволом. Я вправо, он влево. Да-а. Никушка глянула мне прямо в глаза и потрусила, не оглядываясь. Но бывали и у нее промахи. Был и «тям».

Берега Сахарийока баловали наш дуэт, и редко возвращался я в свой вагончик без трофея. Чего не скажешь о коллегах. У них охоты не ладились, даже с моей собакой. Не так все просто. И заблудиться можно, и не понимать лес, и спешить излишне, еще жадничать вредно. Иногда гуляли мы втроем. Третьим брали, когда давали, Никиного мужа. Если моя псина – красавица, то Армас просто великолепен. Крупная лайка с отличной родословной, привезен из московского питомника, завидный жених, он и рабочими качествами не уступал. Добряк среди людей, в поле он зверел, а Ника, строгая к нашему брату, его уравновешивала и в поле, и в человеческом обществе.

В тот день, о котором идет речь, хозяин Армаса работал, у меня же полдня было свободно. Отправились мы втроем в соседнюю долину за восемь километров. Была середина октября, снега на почве почти не было, в небе совсем не было. Рокот дизеля еще был слышен, когда собачки, точнее Армас, уже нашел кого-то и басил громче мотора. Но как далеко происходило это радостное событие! Километр, не меньше. Пес работал чересчур далеко и старательно. Пока дойду до него, добыча оглохнет и удерет, или просто удерет еще дальше. Прошло минут пять, реву кобеля завторил не слабый тоже голос Ники. А через десять минут я вышел из леса только для того, чтобы уви-

деть, как какая-то птица снимается с одинокой сухары в центре унылой болотистой равнины и улетает к дальнему лесу. Онемевшие помощники разделились. Армас умчался вдогонку. Умная девочка – в мою сторону, и мы пошли дальше по плану. Через два часа грозный пес так уморил себя своими забегами, что плелся, спотыкаясь, рядом. Ника продолжала челночить, триста метров влево, триста – вправо, я же не спеша выбирал путь. Еще через час мы повернули домой, и Ника залаяла. На лай понесся оживший Армас, стал подкрадываться и я. Подошел, среди ольшин и берез стояла буйным лопухом почтенная сосна с густой-прегустой кроной. Под деревом достаточно темпераментно работали помощники. Спрятавшись за старой ольхой с молодым подростом, внимательно, метр за метром, осматриваю дерево. Дециметр за дециметром. Сантиметр за сантиметром. Ни-ко-го. Собаки волнуются, я тоже. Психую, но все равно, осторожно меняю позицию для нового ракурса. Результат прежний. Кобель уже завывать начал. Что делать-то? Сплетение ветвей и сучьев с богатой хвоей украшает множество шишек. Шишки воскового, желтого цвета. Красиво. Любуюсь. Обращаю внимание, что одна шишковина в этой икебане гораздо светлее сотен других. Вот и все, что я нашел подозрительного. Замер, стою, анализирую про себя и про сосну, и про собак. Снаряжение патронов в те времена не особенно обременяло кошелек охотника, да и думать надоело. Выцеливаю аномальный плод, стреляю. Эхо прокатилось по лесным уголкам, затихло. Собаки тоже затихли, утих мой азарт. Шишка как была, так и осталась на месте.

Оземь стукнулось несколько других и пара сосновых лапок. Да-а. Вышел из укрытия, встал под крону, открыл рот пошире. Обвинительное заключение для лохматых бракоделов не требовало подготовки и танцевало на кончике языка. В полном безмолвии, безветрии, бездействии перышко, планирующее мимо рта, живота, виноватых собачьих морд,

маленькое такое перышко, заметили все. И все заскулили разом: сука, пес и таинственный голос внутри у охотника. Наверху была добыча. Почти факт. Для доказательства кто-то должен был залезть на дерево и покончить со всеми вопросами. Этот кто-то, то есть я, с тоской осмотрел толстенный в обхват ствол. На верху, на высоте трех метров торчал первый сучок, выше их становилось все больше, потом крона, на ней поместится охотничья сторожка. Был бы топор – срубил бы березину, по ней – до сучка, а там, считай, дома, в «сторожке». Бежать за топором восемь километров на ночь глядя – глупость. Вывернул из земли корневище мощное, тяжелое. Минут пять охаживал страшной орясиной неприступную крепость. Прилетело второе перышко. Да-а.

На крону-«сторожку» я поднялся минут через десять. Это был не труд, это был цирк: по прислоненным полугнилым березкам и ольшинкам, живой-то, крепкой не выломить, я полз, сопел и матерился, понимая, что назад дороги нет. Когда повис на сучке, весь клоунский реквизит внизу разломался и рухнул. Свою цель нашел не сразу. Молодой глухарь забился в гущину и не шевелился. Родименький ты мой, вкусненький. Но не так все просто. Основные трудности, конечно, позади, но… Где гуще иголки, там ветки тоньше. А я ведь не птичка, хотя тоже молодой и ловкий, но тяжелый. Можно отломить сук, и столкнуть им пернатого вниз, но где гарантия, что оный не зависнет на следующей розетке? Нет, добыча должна быть в руках или зубах. Пополз, подо мной трещит, гнется. Сосна – дерево хрупкое, не потарзанишь. Все, предел. Дальше тянусь рукой, до желанного хвоста остались сантиметры – пять, четыре, три, два, один. Пуск! Буквально. Летит птица, лечу я. Он, птица-глухарь, изящно планирует, я, провожая его взглядом, с грохотом, как вагонетка с камнями, хватаясь за ветки, проламываю себе тоннель навстречу такой надежной земле. После неоднократных амортизаций

падение получилось не трагичным, но чувствительным, крепко я треснулся на ноги, на попу, на бок. Но секунд через двадцать ситуацию под контроль взял. Никушка тоже взяла – понял я по глухому ворчанию из кустов. Покряхтел, встал, ноги-руки целы, даже очки на месте. Изо рта иголки выплюнул, из штанов вытряхну потом. Схватил ружье, заковылял вносить коррективы.

Глухарь утянул метров за сорок. Шустрая моя девочка там его прихватила и теперь, придавив бедолагу передней лапой, скалила зубы жениху-увальню. «Не лезь», – мол, – «Жди». «Странная, какая птичка» – бормотал я себе под нос, взяв в руки трофей. Это был, несомненно, глухарь-бородач не менее двух лет отроду, но размером с тетерева. Ребус этот разгадал нескоро. Добыл я межника, так называют потомков любви глухаря и тетерки, а может косача и копалухи. Редкое явление. Потом я несколько раз встречал глухариные следы, охотясь на тетеревиных токах.

– А что медведь? – вернул к костру Сергеич.

– Какой медведь? А, дак слушай, – и унесся опять в тот обычный осенний день.

Усталость брала свое, даже Никушка влилась в группу, и шагали мы дружно и пассивно к желанному чаю, затаренному мослу, завистливым по-хорошему взглядам коллег, как всегда с трофеем. Шагали по краю молодого соснового бора. Первым рванул вправо в лес Армас. Ника сразу за ним. Я попытался отозвать их, куда там, посмотрел на жиденькую порошу и тоже сиганул вслед, на ходу перезаряжая ружье пулевыми зарядами. Под вопросом, конечно, но почти наверняка мы подрезали медвежий след. Отпечатки не читались, но наверняка медведь. Собак пока не слышно, иду по наброду, не бегу. Еще две пули зажал в зубах, расстегнул ножны, и даже не задумался, не браконьерство ли это. Нет, ненадолго, правда, задумался, на секунду. Я уже говорил, обосновать можно что угодно, варила бы голова. Но в те минуты мне было не до того.

Мне просто нужен был этот медведь, я алкал и желал этот трофей, вершину охотничьей страсти. Он будет моим первым, и, обещаю, последним. Но он должен быть в моей биографии. Странно, куда делось волнение, где адреналин? Работал, как будто всю жизнь только и гонял хозяев тайги. Зрение, слух, обоняние расторопно фиксировали обстановку, ноги сами перешагивали через сучки, ледяные корочки и отвечали за бесшумность движения. Мозг контролировал дыхание и напряжение в мышцах. Наконец песней, гимном разнеслось гумканье собак. Лаяли – ревели. Точно по зверю. На дичь гавкают азартно, а тут злоба так и прет. Далековато зацепили, но все равно не спутаешь. Побежал легонько, не запыхаться бы. Лай удалялся. Беда-а. Не догнать мне их. Остановился, кумекаю. Если зверюга на круг не выйдет, не видать мне трофея, не познать охотничьей славы, не бросить под ноги жене шикарной шкуры, не накормить друзей паровыми котлетами. Эхма! Сплюнул патроны в руку и пошел потихоньку на уже еле слышные голоса. Три минуты шел, пять шел, пора было принимать решение. Разумно было – ждать сколько-то и домой топать. Собачки хоть и вымотались, но гоняться полсуток могут запросто. Видать, крепко задумался, что чуть не прозевал: погоня-то обратно ко мне катится. Предположил траекторию движения местного конфликта. Чуть сместился, встал, патроны опять в зубы. Хорошо встал. Впереди милая полянка диаметром метров двадцать, а то и меньше, вокруг сосняк частый, слева за спиной матерая соснина, справа – каменюга с трактор размером. Еще мысль проскочила: «Хороший тыл». Глупая мысль, я ведь в засаде, мне не тыл нужен хороший, а удобные пути отхода. Но это потом осенило, а тогда я готов был пойти в штыковую. Грех, конечно, тщеславие попутало. Кто не грешен! Лай все ближе, еще ближе, совсем рядом, вот и встреча. Как в замедленном воспроизведении, величаво на вечернем подиуме появилась прима, даже ог-

рызалась и отмахивалась от бесноватых с достоинством. То, что это медведица, да еще в расцвете лет, почему-то понял тотчас. Смотреть на нее, не насмотреться. Вся ладная, круглая, расчесанная. Окрас чудной, не поверишь, вся коричнево-бурая, а на кукольной морде очки-маска светло-бежевая, такая же манишка на груди и носочки на передних лапах. «Ух, ты! Прости, лапушка» – это про себя. Поднимаю ружье. Удобней не бывает. Стоит левым боком на той стороне поляны. Делов осталось на сотую долю секунды.

– Чу-ф-рры! – как рявкнет кто-то с другой стороны совсем, над головой прямо! И еще раз – Чуфрры.

Смерть, не смерть, но подстава страшная. Даже не рявкает, а шипит с «р-р» в конце. Медведица среагировала на движение ружьем прыжком в мою сторону. Ника благоразумно отскочила в сторону, вправо, метра на три. И не случись храбреца Армаса, кто чью шкуру к ногам бросил бы – вопрос. Но боец повис на гаче и, хоть разные весовые категории, но болячка сработала. Будущая добыча крутнулась, сбросила «занозу», попыталась достать лапой, левой, правой. Моя очередь выручать. Опять вскидываю ружье.

– Чу-ф-рры – да громко так! Сверху с макушки матерой сосны, кажется, да жутко, аж голова в плечи ушла.

Соображал молниеносно: «пока явный враг озабочен укусами Армаса и осторожными атаками Ники, разобраться с пятой колонной – вопрос «быть или не быть?».

Задираю голову: Господи, спаси мою душу грешную! – зверь наверху, росомаха, прыгнет и сожрет. Слюна у горла как деревянная, еле проглотил, кадык заболел, дергавшись. Скосил глаза на плацдарм. Кому мой филей достанется? Нет…, без боя не сдамся. Пули – в медведя, верхнего врага – ножом. Где он там? Опять глаза – на верхушку. На фоне потускневшего неба, на развилке, как перепутал, медвежонок висит, да смешно так, передние лапки – с одной стороны дерева, задние – с другой болтаются без опоры. Висит смешно, но чуфрыкает грозно. Секунда, полто-

ры прошло, а событий, мыслей, переживаний – у другого за год не наберется. Да-а-а. Вот почему красавица вернулась. Сначала уводила собак от ребенка, затем материнским сердцем почуяла новую опасность и вернулась умереть, но защитить малыша. Вот почему я так удачно «встал на лазу», рассчитал и пересек ее путь. Ну, и что дальше? Вспомнилась некстати жена. Ей рожать скоро. И у нас будет сыночек, Ванька, свой медвежонок.

– Чуфры-ы-ы. – и не грозно вовсе, хоть малыш и старался шугануть обидчика…, убийцу мамкиного. Без одной секунды убийцу.

Наверх уже не таращусь. На поляне собаки вовсю кружат зверя, тот ревет, танцует, но ко мне пробиться не получается. Драма споткнулась о финал. Пора ставить точку. До чего же редкая великолепная шкура!

– Да пошла ты! – спустил без выстрела курки, забросил ружьишко за плечо и демонстративно повернулся спиной к атакующему медведю. Был уверен, лохматая маман поймет меня. Пошагал твердо к болоту, откуда началась погоня. Иду, не оборачиваюсь, собак свищу-кричу, а сердце на части рвется, в глазах обида: «Не охотник ты, а так себе…, собак только портишь, распустил сантименты, кому рассказать, на смех поднимут. Была в руках шкура, мясо, рейтинг, а ты…».

– Да пошла ты! – заорал-захрипел на весь лес. – Да пошла ты!

На открытом месте плюхнулся на бугор ягодный, закурил яростно, и все кончилось. Истерика жлобская угомонилась, силы утекли до последней капельки, пусто так. Собаки полаяли без смысла вдалеке и прибежали вслед, завалились, дышат резко, тяжело, бока мехами ходят. В глаза им смотреть не смог. Да-а.

Молчание затянулось на несколько минут. Даже, помнилось, заснул Сергеич, что ли. Для кого бередил душу?

– Правильно все, Михалыч, – проявился слушатель за затухающим костром, – пошли спать.

День второй

Выспались всласть после ночных посиделок. Угомонились за полночь, вот и мяли бока до десяти утра. Да и хорошо, да и не жалко. За чаем-кофе наметили планы и разбежались. Я с ружьем и с собакой – в окрестные леса, Сергеич со снастями – на озеро. Пошел я с ленцой, даже с неохотой. Возрасту подвластны не только здоровье, но и азарт. Но погожий денек, отдохнувшее тело, добросовестная работа Потапа уже через триста метров неспешного движения наполнили голову и душу умиротворением. Шагалось, любовалось, мечталось в удовольствие. Еще от озера не отошли, угловым зрением заметил, дружок, носом своим кирзовым в землю и ну нарезать вензеля по кустам, по чапыжнику. Наброд учуял, наверняка, куропачий. Точно. Закокали, захлопали крыльями, замелькали справа. Стреляю, заранее знаю, что мимо, но стреляю, снайпер тот еще.

Лет восемь назад охотился я с датским парнем, хм-м, во загнул: "Парень датский", так он сшибал куропаток, даже если мелькали оные между деревьями в противоположных сторонах. Потом за ужином я выпытал тайну заграничного мастера. Оказывается, чтобы палить с такой меткостью, надо делать это каждый день и не менее чем двадцатикратно. Значит, я обречен на промахи. В нынешней ситуации моей зарплаты хватит на пару недель тренировок, а потом помру с голоду.

Птички улетели, пес убежал, я вышел на край болота, наметил сосновый бугор и пошагал к нему опушкой. Погулял по бугру, потом еловый бор прочесал, потом берега ламбины, опять ягельный бор с толстым матрасом лишайника. Не удержался, наклонился, погладил нежно-салатные веточки. Правы лопари, абсолютно. Главное богатство нашего края – ягель. Тысячелетия местные жители

оберегали свои необыкновенные угодья, а умные люди в городе называли это оленеводством. А не умные, те вообще сожгли все ягельные склоны вокруг города. Подонки – тьфу ты. Аж пульс сбился. Из ягеля тут и там торчали вызывающе шляпки крепеньких еще боровиков цвета кофе без молока. Грех пройти мимо такой красоты. Белый гриб – статья особая. В моей «тихоохотничьей» практике были встречи с разными видами этой грибной элиты. В ельнике они широкие с ярким лимонным низом, в березовых рощах – высокие, стройные, шляпка светлая, в сосновых борах – как шары каменные, твердые, покатые с темно-коричневой морщинистой шляпкой. Мне такие больше всего нравятся. Именно таких я и набрал сегодня десятка два отборных.

С охотой, видать, нынче незадача. Вот тебе и дикие места. Третий час бродили мы с Потапом впустую, лишь три раза скинул ружье с плеча и все три раза полайки на белку. Правда, коллега уже начинал соображать и быстро бросал свои находки, что не мешало ему через короткое время опять тревожить меня очередным гумканьем. Да-а. Незадача, вернемся без добычи. Ну и ладно. Свеженькой щучки пожарим с темно-румяной корочкой, бело-розовым парящим мясом, хрустящими путками, жульеном животы потешим. Мысли исподволь завернули ноги домой. Ничего зазорного в непроизводительном шатании по пленеру я не видел. Комара, гнуса нет. Шагается мерно, руки в карманах, ружье за плечом, а мысли как сполохи на бесконечном фоне вьются и вьются, цепляются друг за друга, даже бубню что-то себе под нос. Сказываются издержки моих одиночных странствий, плюс личное занудство. Вот и спорю на ходу азартно, а значит вслух, со своими оппонентами, которые за сотни километров и не сном ни духом, что я прав почти всегда. Уверен, не шатание это вовсе, а полезная для мозгов и тела лечебная процедура с претензией и надеждой на адреналин. И то, что Потап по

молодой дурости и излишкам здоровья носится на предельной для охоты с лайкой дистанции, то, что ружье болтается за спиной неприкаянно, то, что взор восторженно, но рассеянно скользит по Божьему миру, все это ничего не значит. Многолетняя привычка мгновенной вспышкой в мозгу отметит любое движение, любой предмет, похожий на цель, и ружье из неприкаянного как-то само собой станет нацеленным. Так что ходи, дыши, спорь.

Остановился. Далеко, над темно-зеленой зубчатой стеной леса, за болотом поднимался косяк гусей. Достать их можно было только из зенитки. Да-а. А зачем? И так ладно. Летят гуси и пусть летят. Часто еще лебедей встречал на охотах. А вот уток совсем мало осталось против давешних времен. Лет десять назад наблюдал стаи птиц не солнце небо закрывающие. Может другими путями летают, а может и нет их столько. Ведь журавли пропали. Как важно красовались эти пижоны на болоте у Умбовского зашейка! Теперь там «толстые» охотничью базу отгрохали и не стало журавлей, да и охоты не стало. Вспомнил вчерашний разговор за чисткой рыбы. Сергеич все удивлялся нашим малым уловам. Мол, других послушаешь, на одну, две лицензии по двести килограммов сига вывозят, а мы на десять лицензий – пятьдесят кило, да и то в основном щуки и окуня, сига поштучно. Не велика мудрость – объяснял. Знают ход рыбы, время, когда она жирует на бабочке или устремляется на нерестилища, и ставят сетки с ячеей на тридцать миллиметров, вот и ловят.

У нас плотва крупней тех сигов, а прогонистый сижок гуляет сквозь наши порядки туда-обратно, и шут с ним. Когда меня пацаном возил отец на Умбозеро, семидесятки ставить зазорным считалось. Да-а, не вернутся те времена. Тогда, что бы вытащить крючок из губы красавца, поднятого из лунки, коленями того сжимать приходилось. Кистями рук не схватишь, не удержишь, такие вот широкие толстые сильные… были.

А сам-то ты так уж чист перед Божьим миром? Грешен, Господи. Можно, конечно, найти уважительные причины и оправдаться перед обществом и правоохранительными органами. Тем паче, что те сами далеко не ангелы. Если голова работает, найдешь, обоснуешь: и азарту поддавался, и нервы щадил. Но человек я, Господи.

На лицо щекотно упала паутинка. Гуси пропали из виду. Появился мокрый почему-то Потап, завалился неподалеку на бок и принялся тщательно вылизывать пальцы лап.

– Пойдем домой, охотничек.

Охотничек посмотрел умно карими глазами и продолжил старательно. Я огляделся, взял азимут на глаз, пошел, не оглядываясь, лелея в душе светлую грусть. Сзади загрохотало, будто ковер вытряхивают – собачка отряхнулась.

В лагере встретили нас снисходительно, без критики, даже дипломатично:

– Везет с погодой. Чаю?

– И закурение,- уселся на сухую ягодную кочку у низенького столика, с удовольствием вытянул ноги.

– Вообще ничего не видели?

– Беда-а. Куропаток вначале гоняли, потом гуляли. Гуси тянули, но далеко. Да, вот грибов набрал, так что обещанный жульен за тобой.

– А я уж думал бежать на подмогу с топором. Здесь с удочкой походил – ни фига, со спиннингом прошелся – тоже как в унитазе.

– Ничего, вечером наверстаем.

После чая поехали на сетки. Напарник сел за весла, а мне подошла очередь выпутывать добычу. Ну и морока. Основной улов – окунь да щука. Руки исколол до зубовного скрежета. Еле сдерживался, чтобы не рвать полотно, благо вода была не очень холодная. А ведь Сергеич нынче утром запросто управлялся, пока я на веслах сидел. Надо что-нибудь придумать и предоставить ему право навечно заниматься этим благородным делом. Мечтал, выпутывал

и победил. На берегу показал руки напарнику, тот добренький, покивал сочувственно, но улов рассыпал на две кучи и принялся сноровисто шкерить, мол, не отставай, напарничек. Я почти закончил это не мужское дело, как угловым зрением заметил движущуюся над водой точку. Утка, наверное, подумал. Вытер руки, схватил ружье. Да утка, но далеко, высоко и скорость бешеная. Одинокая бешеная утка. Подождал, пока приблизится, вскинул ружье и бахнул с проводкой. Бешеная рухнула, как о невидимую стену ударилась. Следом я чуть не рухнул. Попал! Бывает же такое. Огляделся. Ни одного дружка, ни другого. Да-а. Такой красивый выстрел и без свидетелей, блин! Не успел толком пообижаться, как парочка материализовалась. Мы то с Сегеичем рты открыли для обмена информацией, а дурачку лохматому объяснять было поздно. Он как торпедный катер греб к моей уточке, даже сиреной взвизгивал, тихонько так. Я же взревел пещерным львом, даже не озаботившись, что после такого концерта последняя мышь удерет с окрестных охотничьих угодий. А как тут не заорать. Потап держал курс прямо на добычу, а на пути его стаяла сеть, и было там мелко. Хвастаюсь – не хвастаюсь, но сам удивляюсь своей способности в критических ситуациях действовать рационально и автоматически. Не закрывая рот, напоминая Потапу о его происхождении, сбросил подспущенную лодку на воду, упал в нее и так замахал веслами, что корабль, больше похожий на пьяную жабу, чуть на глиссер не встал. Сеть я спас, добычу достал, «торпедный катер» развернул и даже рыбу дочистил, больше-то некому. Вечером и шулюм, наверняка, мне готовить.

– Да-а, странный денек выдался сегодня и замечательный,- предложил диалог напарнику, усаживаясь вечером на свою кочку.

– Думаешь, клевать не будет?

Каждый о своем. Погода, действительно, менялась, но клев, наверное, состоится, закат нет, а про дождь не знаю.

– Я про ужин. Антинаучно как-то получилось, ведь в птичке ни одной дробины,- повернул на свою тему.

– Может, разрыв сердца случился при виде матерого охотника, – «подъехал» Сергеич.

Молчу: «Лучше бы бутерброды состряпал, остряк».

– Все-таки непонятно, может, ты эту утку из дому привез? Стрельнул для проформы и дуришь нас с Потапом, ни одной дробины, а мы ее – в шулюм.

Вот неугомонный, не оправдываться же мне.

– Утка – странная птица. Вот слушай. Сидели мы с коллегой в сумерках летом под стеной цеха и прикидывали, с какого конца подходить к заданию, смена ночная только началась, впереди двенадцать часов, можно было и посидеть. Бац, что-то над головами об стену на уровне пятого этажа. Мы – врассыпную. В газон, в траву перед скамейкой, где сидели, чмяк что-то, точнее кто-то. Подошли с опаской. На тебе – чирок-селезень, красивый, но мертвый. Отнес я бедолагу в дежурку, положил в картонную коробку, закрыл. Хватит на одну порцию утиной лапши, а мне больше и не надо. Среди смены пили чай и услышали шебуршание в углу, где коробка стояла. Мой ужин напрашивался на контрольный выстрел. Переглянулись. Решил, вынесу на улицу, выпущу. Оживет – его счастье, нет – ощиплю. Поставили коробку на траву, открыли ее. И, пожалуйста – селезенчик с подскока, без разбега и усилий, взмыл и улетел в ночное небо со свистом. И даже мачту осветительную на курсе обогнул заранее. Значит, не только крылья целые, но и голова в порядке. Ай да чирок!

– А если бы тебя, а не стену бетонную птичка таранила? – опять поддел коллега.

– Всю жизнь хихикал бы, – ответил озадаченно, – Вот и говорю – странные они, эти утки, – надо было еще что-

нибудь добавить касательно остроумия некоторых присутствующих, но начался клев.

Ужин готовили на пару. Я шустро и без затей сварганил утиную лапшу, Сергеич же колдовал над грибами так долго и безнадежно, что даже Потапу стало понятно, рецепт заморского блюда утерян. Но настырный повар то подкладывал дрова, то уменьшал огонь, пробовал, чмокал, солил, перчил, мудрил и … кувырнул котелок в костер.

– Во дела! И что теперь? – огорчению друга не было края. Неудачник старательно поскреб ложкой в посудине, посветил внутрь фонарем, простонал, – тут еще осталось немного, а-а?

Мне бы пожалеть, но я вспомнил корзину:

– У взрослых принято свои ошибки исправлять самостоятельно.

Я онемел, обезножил и просто утух, когда Сергеич взял пакетик, нож, фонарь и ушел, сгорбившись, молча в ночь… по грибы. Вот так!

Утятину мы заедали грибным соусом.

…За ужином охотничья тема развилась. Дождь только попугал, огонь картинно облапил поленья, а вкусный ужин и умеренная стопка превратили наши посиделки в театр одного актера и двух зрителей. Сначала двух. Но как только мохнатый из этой двойки сообразил, что разговор за ужином превратился в просто разговор, бесцеремонно удалился под свою елку.

– По материнской линии я хохол. Наблюдая у себя элементы упертости, не мудрствуя лукаво, приписываю их генам. Помнишь медведицу?

Так вот, вернувшись в вагончик, я весь вечер и полночи не спал, «жаба душила». Ворочался, ворочался и принял решение: «хозяина» завалю, не вчерашнюю мадонну, а матерого зверюгу.

Через несколько дней опять выдались свободное время и возможность взять обеих собак. Всех сборов в полевой

жизни – ружье за плечо повесить. Свистнул лохматую парочку, тронулись. Снегу подвалило больше давешнего, и медведь, наверняка, лег. «Поднимем, – успокоил сам себя, – и завалю». Двигался в благости и приятности. Определенно, наступила зима. Небо сероватое, но светло вокруг, и непривычно просторно. Проваливаешься чуть за щиколотку, не мешает нисколько. Легко идешь. Сил не исчерпать. Вот бы вся такая зима была.

Спустя пару часов уперлись в скальные нагромождения на холмах. Меж утесов росли лопушистые сосны. Характерное местечко – отмечаю – самый медвежий угол. Собак рядом не видно. Но и следов опасных тоже. Иду сторожко, головой верчу, страшно, ну как из-за камня прянет. А надо-то под ноги смотреть. Одиночная цепочка среднего размера следов тянулась вдоль гребня холма, где деревьев не было! Тянулась ровненько, пряменько на удивление. Значит, не ложился зверь. У берлоги они такие вензеля заморочивают, не распутать. Мастаки. Взвел курки. Где он? В двадцати метрах или трех километрах, вопрос трепетный. Крадусь. Секунд сто прошло, а может полчаса, и раздался лай. Дружный, ярый и, как сказал бы мой Ванька, конкретный. Но, главное недалеко, за бугром. «Ноги в руки» и с Богом. Бежал по своей стороне, когда шум оказался напротив, высунул голову за гребень. И ничего не увидел. Еще бы, очки запотели, да как вовремя. Протер пальцами прорези на стеклышках. Ага, вот собаки, а где…? Надо оптику почистить лучше. Не успел, громила вылетел буквально из-под земли. Медведь. По всему видно, башка большая, лапы высокие. Резвый. Собаки еле успевают отскакивать. Меж нами метров восемьдесят. Многовато. Подобраться ближе – затея пустая, впереди не единой складочки, ни одного приличного куста. Вряд ли смогу объяснить, как увидел, расстояние-то – ого-го, но увидел или понял, спинным столбом, может, понял, что наши взгляды встретились, даже заметил, как полыхнуло злобой напро-

тив. В тот же миг нажимаю спусковой крючок. Вот если бы эту тушу распяли за все четыре лапы между двумя деревьями до неподвижности, убрали за горы собак, отмерили пять шагов и сказали «бей», я бы не промахнулся. Стоит ли рассказывать про тот выстрел, и так понятно. Ладно, помощников не зацепил. Грохот еще не затих, зверь уже рванул. Я надеялся, на меня по злобе попрет. Размечтался. От меня, да быстро, да смешно подкидывая зад свой шерстяной, неудобно им, медведям, под гору бегать. Людям тоже. Ругаюсь на ходу. Камушки, расщелинки под снегом спрятаны. Куда нога попадет на скорости, лучше не думать, с переломом мне не вернуться. А еще ведь ружье дозаряжаю, не останавливаясь. Долго бежали, пока признался себе: «Все, больше не могу!», – остановился. Воздуха не хватало, даже плечи, кажется, раздуваю, кубатуру легких увеличивая. Чу, гумкают на месте. Значит, все-таки посадили. Ай, ребята, ай молодцы, теперь ты мой, медведик, мой. Вперед. Откуда силы взялись. Запыхался по второму разу, прежде чем дошло, к трофею не приближаюсь нисколечко. Опять встал, и лай опять перестал удаляться. Побежал, и войнушка впереди двинулась. Вот горе, и поломился втупую, шумно, не прячась, все равно, гад, чует.

Долго мы гонялись. Утешало одно – продвигались в сторону дома. Как в анекдоте, «ошкуривайте, я за другим пошел». Следующую проблему преподнесли штаны, мои любимые неизменные ватные брюки. Очень я себя в них комфортно чувствую. Коллеги шутят: «Михалыч ватники снял – морошка поспела, одел Михалыч ватники – поспела брусника». В данной ситуации начало казаться, что из-за пазухи паленым пахнуло, а за мной, как за паровозом, – шлейф пара.

До поселка оставалось километра четыре, когда шум звериной баталии явно перестал перемещаться. Подкрадываюсь. Лай все ближе и ближе. Ага. Огромная еще зеленая ель падая, повалила березу и вместе они повисли на дру-

гой мощной березе. Вертикальный завал – лучшее укрытие. Ну что ж, сейчас я стану медвежатником. Пульс ровный, очки протерты. Можно палить. Так…, так. А в кого? Щурился – щурился, не вижу. Подошел еще ближе. Не вижу. А собаки ревут, сучья от зубов в щепы летят. Себя глупым не считаю. Даже, скорее всего, я умный. Тугодум просто. Поэтому долго чертыхался про себя и, наконец, сообразил посмотреть под ноги. Опаньки. Медвежьих следов не было! Ни с моей стороны, ни с другой. Про пегасов все знают, есть легенды про летающих змеев, про драконов само собой. Но порхающий топтыгин – это слишком, даже для благословенных Кейв. Самое время закурить, не то вот-вот захихикаю. На всякий случай второй раз обошел завал, уже по большему кругу. Да! Надо курить. Курю. Сижу. Мыслю. Собаки почти успокоились, ворчат потихоньку. Но завал сторожат. Не докурил, не бросая сигареты, пошел опять кружить. «Ну, конечно, вот они», – все-таки я нашел следы, только куньи, ведущие прямо в дебри. «Ну, гад, ну гад». Затоптав окурок, пошел назад мишкины уроки осваивать. Все разгадал и совсем недалеко. Хитрец вывел погоню на свежий наброд куницы. Собаки, естественно, отвлеклись на какие-то мгновения, он оторвался и сделал скидку, тоже умно, влево по ходу, а не вправо, где за кустами просвечивало болото. (Не поленился – померил, пять метров летел зверюга по воздуху! Все-таки летающий.) И ходу назад параллельно своему следу, метрах в десяти. Потом сделал лежку. Мои дуры в запале пролетели мимо и, не мудрствуя лукаво, продолжили охоту на кого попало. Когда я увидел ее, лежку-то, мои кудряшки, тогда еще не седые, право слово выпрямились. Да-а. Это ж он меня пропускал. Вздумай зверюга поменять роль добычи на роль охотника, шансов у меня не было бы. Собаки со своим пристрастием к дорогим мехам и не услышали бы, как их хозяин стал угощением. «Ну, гад, ну, гад! Вот умница!» – с опозданием, как всегда, сообразил я, что не ру-

гать – благодарить надо за проявленное благородство. Да и куница тоже хороша.

Вернулся к завалу. Внимательно изучил диспозицию. Входной след есть, выходного нет. Схоронилась где-то в ветках, замерла. Будем высматривать. Аккуратно, с толком осмотрел каждую веточку, каждую палочку от комля до маковки. Нету. Обстучал суком. Нету! «Вот тебе и короткие сборы, бинокль за пазуху не сунуть было!» Верхами уйти не могла, не было рядом подходящих дерев. «Что делать? Делать-то что?» Топора нет, а и был бы – не завалишь быстренько три лесины.

Домой приплелись совсем в темноте, чуть живые и без добычи.

– Михалыч, может, ты свои байки записывать будешь?- Поддел слушатель.

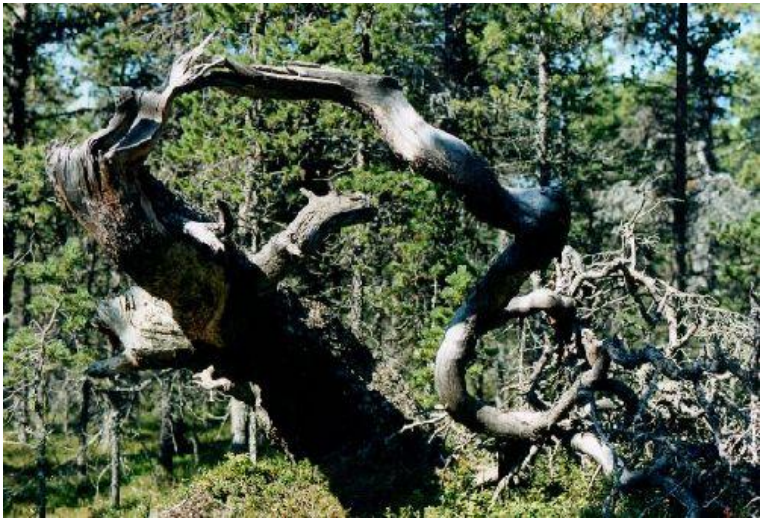
Отвечать не стал, но, уже, засыпая, придумал название возможному рассказу: «Как я не стал медвежатником».

День третий

После обыденной обязательной работы на воде разбрелись по ягоды. Странное это занятие. Не поверю, если кто-то похвастает, что любит лазить в три погибели и складывать в корзину ягодку за ягодкой. В рот – и то лень.

Вот сегодня уже и перекусили, и чаю-кофе попили, перекурили все планы на день, неделю, год вперед, а умная голова пытается придумать самые веские причины, лишь бы оттянуть, а то и похерить унылую страду. В конце концов, я же отдыхаю. Посмотрел на небо, по сторонам, на озеро. Облачность не разродилась ливнем, вода не вышла из берегов, медведи не атаковали лагерь. Да-а. Смотри – не смотри, от мук совести не спрячешься. Покряхтел, обозвал жизнь по-всякому и побрел на барщину.

Ягоду стараюсь брать там, где ее столько, что мимо не пройти. Это в идеале, в теории. На практике же самая рясная ягода, самая урожайная поляна откроется почему-то



по завершении рабочего дня, когда спина не гнется и корзина уже полнехонька. Но не помню за собой случая, чтобы оставил когда-нибудь найденное богатство хоть приятелю, хоть стороннему, хоть себе до другого раза. Нетушки, молча, озираясь, бухаешься на колени и шустро-шустро загребаешь руками в рубаху снятую, если запасного пакета нет.

В этот день все так и получилось. Классика. Обошел один угор, другой, жадность внутри не шевельнулась, не та ягода. Окружил третий бугорок, не та. Повозмущался, понапрягался в логике, та – не та, ягодник не тот. Пообещал себе премию в виде затяжного перекура после выполнения плана на тридцать процентов – и в борозду. Всякий знает, самое трудное в нашем деле – дно закрыть, потом процесс пойдет. Получаса не прошло, как руки, глаза, спина оптимально приспособились, нашли свой темп и работали сами по себе. Глаза фиксировали объект, руки аккуратно, нежно так (октябрь на дворе, ягода крупная темно-бордовая) срывали, высыпали в корзину и тут же подбирались к другой красоте. Мыслительная деятельность вовсе в процессе не участвует. Пястка за пясткой, венчик за венчиком, мимодумно, исподволь, росло мое благосостояние. Думки же, отпущенные на свободу, то планировали вольно, то шуршали накатом. Вспомнилась душевная ночка с сыном на Ингозере.

Вечера оставалось на час, клевала одна мелочь: окушки-матросики. Пробовал на глубине, постоял у камышей, дальние губки обкидал – везде одно и тоже. Заброс, поплавок успокаивается, через несколько секунд начинает раскачиваться по вертикальной оси и тонет, а на крючке матросик. Беда-а. Угасает слава рыбных ранее озер и ламбин. Ведь не за семгой приехали, плотвы да окуней путних подергать, щук погонять. А тут стыдоба одна, червяки крупнее. Упертый Сергеич остался на воде, я погреб в лагерь. Там сын уже несколько часов один. Парень взрослый

почти и пес крепкий с ним, а все равно беспокойно. На воду вышли вместе, но не выдержал малец тоски рыбацкой, решительно попросился на берег. Не знаю как ему, но мне в его возрасте за городом все интересно было. Под любым деревом целый мир со своими тайнами и разгадками открывался, у муравейника мог час просидеть. Интерес этот до седой бороды сберег. Но все-таки городской я житель. Что знаю об этом мире? В лучшем случае гаечку от пуночки отличу. Эх, укоризна.

Размял на берегу затекшие ноги, потрепал за ухом подбежавшего Потапа, бросил снасти в кусты, лодку понес к машине. А там – идиллия. За загородкой из хвойных лап у костра наследничек посапывает. Под ним коврик без спальника, но вытянулся во весь рост, значит, не замерз. Моська умиротворенная, расслабленные веки неподвижны, сладко «щемит». Да-а, родня. Другого ребенка оставь так в лесу, попробуй. А этот натаскал дров, запалил костер, поджарил колбасы на прутике, запарил бичпакет, поужинал. Наверное, долго сидел, подкладывал сучья, смотрел на огонь. Мечтал, наверное. Нам-то, старым кашлюнам, в обычай у костра вспоминать, но бывает – тоже планы строим, бывает – даже нескромные. Тысяча, не меньше, костров за спиной, но все равно, чего скрывать, любитель вот так посидеть в темноте, уставившись завороженно на яркие языки, потом на угли. Гляди-ка, и этот туда же. Впереди привод в милицию, беседы в кабинете директора школы, откляченная с вызовом губа и непонимание до боли в груди. И все-таки верю ему, любовь говорит – мой мальчик будет человеком, мужчиной.

Принес шубу, накрыл мечтателя. Тот зашевелился, потер ладошкой нос и опять затих. Меня озарило, аж дух сперло. Из-под сердца пошла теплая волна памяти. А ведь точно, все это было: и шуба, и костер, и отцовские руки. И место то же самое, тот же берег того же озера. Может, в сто метров, может, в десять разброс и в тридцать пять лет. Да-а.

Мой батя был закалки довоенной, и работал на совесть, и отдохнуть любил, естественно, под добрую стопку. Ну и что. Сызмальства, в свободное от уроков время сажал меня в бортовую «Татру» и вез на хвосты. Хвосты – это отходы обогатительной фабрики, их за городом в лесах складируют. Там, чтоб не путался под ногами, вешал на пацанское плечо тозовку, отсыпал десяток патронов и отпускал на все четыре стороны. Кому как, а мне эти часы наградой были. Леса, болота, заброшенные вездеходные дороги не пугали, а принадлежали мне. Вот не помню – плутал ли отроком, скорее, нет. Потом, в самоуверенной зрелости, леший водил не раз, не два, а ребенком шагал себе без забот и всегда куда надо. Если несколько часов одиночества и общения с северной природой дарили благотворную радость, то что говорить о поездках на рыбалку с ночевкой. Опять же в кузове «Татры» в огромном тулупе, стоя на коленях на охапке сена и опираясь на передний борт (дождь – не дождь, ветер – не ветер), я глазел вперед нараспашку, боялся пропустить малейшую деталь набегающего пейзажа, смену обстановки. Ликовал, смешивал увиденное снаружи с восторгом в душе, и поглощал райский коктейль без меры, и не насыщался. Сколько времени прошло, я сказал? Тридцать пять лет, да-а. Видать, с тех пор, с легкой батиной беззаботности в моей атомной решетке, в нейронах закрепились и березы с висячими косами-ветками, и моренные валуны у дороги, и бездонное непостижимое небо. В одну из таких рыбалок и привезли меня на берег Ингозера.

Взрослые занялись костром и застольем, я же, изо всех сил стараясь выглядеть бывалым таежником, молча, без суеты, вырезал удилище из относительно ровной березки. Нарочито небрежно с виду и раздуваясь от значительности внутри, достал набор юного рыболова, купленный на сэкономленные от школьных пирожков копейки. Соорудил снасть и пошел на берег, не заметив спрятанной в усы ус-

мешки отцовского приятеля. Берег меня озадачил весенним половодьем. Озеро вышло из берегов и затопило лес, не давая подобраться к истинному урезу. Разочарованию и огорчению не было предела. В резиновых, но коротких сапожках я все-таки попытался пробраться к озеру. Не ловить же рыбу в лесу. Прыгал по кочкам, балансировал по валежинам – не получалось. Мечта угасала однозначно и бессовестно. А сколько раз дома я тайком доставал свою будущую снасть и, замирая внутри, рассматривал, трогал леску, поплавок, крючок с грузилом, рисовал в мечтах картины рыбацкой удачи. И на тебе! Делать нечего, скрепя сердце, оглядываясь, не дай Боже увидит кто-нибудь мою глупость, размотал леску, насадил червяка и забросил уду к березе меж ягодных кочек. Не рыбалка – обман, конечно. Но как мужчина, десяти лет, но мужчина я боролся и спасал свою мечту. И случилось чудо! Клюнуло. Что творилось в детском сердечке, когда поплавок вдруг взял и ушел под воду, когда, дернув удочку вверх, рыбак согнул дугой свою березку и натянул до звона лесу, когда после недолгой борьбы снасть стеганула в воздух без рыбы и без заветного единственного крючка. Понятно, что творилось.

Помню, не плакал, но усатый дядька, заглянув в мои глаза, отставил в сторону граненую стопку с водкой, встал, взял ружье, зарядил и пошли мы уже вдвоем на злополучное место. Ходили мы, ходили по воде и вдоль воды, вдруг наставник мой вскидывает ружье – бах! – и под кустом всплывает вверх брюхом приличная щука.

– Она, зараза?

– Наверное,- ответил отчего-то шепотом.

Крючка в пасти мы не нашли. Чтобы не менять дело на безделье, дядька сунул мне в руки свою одностволку, пару патронов, забрал рыбину и ушел к застолью. Долго и старательно я пытался повторить браконьерский опыт, без результата, конечно. Но обида куда-то испарилась, и мир вокруг вновь стал интересным и обожаемым до щенячьего визга.

Намаявшись, я тоже вышел к машине. Там никого не было. Мужики ушли на озеро ставить сети. Натаскал дров, разжег костер, нажарил колбасы с хлебом, поел и сел смотреть на огонь. Незаметно уснул. Очнулся от отцовских рук, накрывавших меня дохой. Сладкая истома зажглась по мышцам, душа наполнилась покоем, и снова заснул.

Вот как бывает. Ведь не специально. Посмотрел на своего Ваньку, не удержался, легонько положил руку на детское плечо. Замер. Тепло от детского тельца потекло через руку, плечо, грудь и в животе встретилось с теплом от костра, потом навело порядок в каждой клетке поношенного организма и мозговых извилинах.

Стемнело. За ветками заворчал Потап, подошел Сергеич. Оценив обстановку, стараясь не шуметь, принялся за приготовление ужина.

На следующий день ситуация с удачей незначительно улучшилась. «Но в этом ли дело?» – думалось, крутя баранку на обратной дороге.

Картинка пропала. Вернулся в действительность, на ягодный склон. Пястку за пясткой гребу, улыбаюсь, как дурачок, сам себе, вспоминая родненьких. Прибежал Потап – гавкнул: «Как дела?», дождался ответа, упал, растянулся во все лапы. Благо ему без гнуса.

Вечером наконец-то заморосило. Мокнуть с удочками, глазея на круги на воде, желающих не нашлось. Куда веселее сидеть под тентом у крепкого костра и с осознанием выполненного долга – трехведерная корзина верхом полна – вдыхать ароматы грядущего ужина.

– Михалыч, а ведь опять дыра в сетке – заговорил через плечо напарник, поправляя огонь и устраивая на углях сковороду с путками и луком.

– Зашто-о-паю…

– Щука, наверное. Кто знает, какие в этих водах крокодилы обитают.

– Наве-е-рное…

– А ты какой самый большой хвост вытаскивал?

– Было-о дело…

Сергеич посмотрел на меня и молча водрузил между нами свое коронное блюдо, потянулся за флягой. Мастер. За что не возьмется, все ладится. Разговорился за кружкой чая, а как без вечерних баек? Никак.

– Где-то в первой декаде мая открыли охоту, пошел за гусями, – начал я, присербывая почти кипящий напиток. Места были глухие, обещающие, протоки Грязных озер. Лед на озерах подняло, но он был еще крепкий, и ходилось шикарно, как по асфальту. Днем раньше бегал с удочкой и ледобуром, ставил жерлицы на налимов, да окушков дергал. Заодно разведал клюквенные болота и следы жировки гуменников. Как на озере ловилось? Да по-разному. Окушки всякие попадались. Пивные, с ладошку, горбачи знатные – 300-500 грамм, не меньше, «матросики» тоже донимали. А раза три-четыре случались явления антинаучные. Больше двадцати минут на лунке не сижу. Если поклевок нет, конечно. Как Мишаня покойный, царство ему небесное, учил. Лунку продырявил и, не выкидывая шуги, мормышки вниз за шумом сразу, окунь любит плеханье. Покурил – не клюет, опять за бур. Вот сижу, сижу как-то, пора бы двигаться или мне, или поплавку. Сижу, и вдруг поплавочек медленно, степенно начинает погружаться. Не дергается, не выкладывается, а еле-еле тонет. Что за бред, подсекаю аккуратно и все…

– Что, все?

– А все, зацеп. Дергал, тащил, ждал бестолку. Оборвал мормышку и пошел дальше матросиков душить.

– Закусывать надо было…

– Говорю же, не раз полтергейст случался. Грешил на щуку, блесну опускал. Не проявилась. Заело меня, выбрал солнечное раннее утро, вычистил лунку, постелил коврик и час, лежа вприглядку, махал подблеском. Видимость неважная, глубина метра три, да и озера с болот питаются,

но когда терпение кончилось, а грудь и шея занемели, я увидел кого-то. Некто-полено выползло справа и встало. Потом силища неведомая потащила руку с удочкой под лед. Ну-у, фигушки! Подблесок – не мормышка, и леска ноль двадцать пять импортная, поборемся…

Чай в кружке кончился. Дождик по тенту барабанил, угли подернулись. Пора спать.

– Да кто был-то? – не выдержал Сергеич.

Пожалуй, закурить и продолжить, хорошо бается.

– Кто, кто. Окунь. Повозился, но вытащил, хорошо лунка старая, размытая, еле протащил. Килограмма два с половиной, – почти не соврал я. А вот поверил ли слушатель, сомневаюсь.

– Окунь на два кг? Не представляю. Но я семгу на пять кг вытащил, так что… – возгордился Сергеич. – Но ты же за гусями пошел, извини, перебил.

Действительно, причем тут окунь? Хотя, пресноводный экземпляр того размера, считаю, круче, чем его семга.

– За гусями…. Ну вот, засел я в кустиках у протоки, жду. Ранний вечер. Погода – мрак. Снег с дождем и ветром. Час сижу, второй почти высидел, тошно, зябко. Дай, думаю, зайду в ближний лес, покурю минут десять. Встаю и в то же мгновенье понимаю, что тупее охотников не бывает. Пара налетала прямо на меня и теперь, испугавшись, круто взмыла вверх, в сторону. Погоготали и опустились за протокой на дальнем болоте. Согласен был все это расстояние проползти на пузе по набухшему водой мху и скрасть, подстрелить толстых и громких красавцев. Но протоку на ближайшем километре не перейти. Воды в ней сантиметров двадцать-тридцать и ила не меньше метра.

Ладно, думаю, на обратном пути сытеньких завалю. Покурил, перекусил под широкой густой елью, опять – в засаду. Сижу час, больше, мокрый до костей, застывший до бесчувствия. Курильщик-то я не ахти, табаконезависимый. Но в данной ситуации единственное, что мог пред-

ложить себе сухого – это затяжка теплого дыма. Надо срочно под уютную елку на пару минут, или раскисну до конца. Только двинулся, – «го-го-ганг». Позорище повторилось с непоправимой точностью.

Сел на кочку, закурил в открытую и ну костерить, списка обвиняемых мало кто избежал. Курю, матерюсь, лицом к рубежу водному. Не сразу сквозь сумбур в корку или подкорку протиснулась здравая мысль – бревно, что болталось на волнах метрах в двадцати, не болтается вовсе, а уверенно движется поперек течения и наискосок к ветру, и, главное, в мою сторону. Здравая мысль вспыхнула и затихла под очередным обвалом ерунды. Бежать, а по суше Несси бегает? А если бегает, то с какой скоростью? Стоп. Труса праздновать? У меня же пули есть. Огонек сигареты обжег пальцы и привел в адекватное состояние. Отошел от воды, и когда бревну оставалось несколько шагов, чтобы выскочить на берег, бахнул четырьмя нулями в передний конец.

Ни агонии, ни предсмертных конвульсий. Было огромное черное туловище, стало такое же, только белое. Зарядил оба ствола уже пулями. Взял слегу, с которой пришел, протер очки и пошел врукопашную. Рыбина с меня ростом, теперь уже по воле волн плавала кверху брюхом. Достал ее слегой и ахнул. Щучища – башка, что у меня, но зубастая. Да ты эту пасть дома видел.

– Да, жуть, но не считается, – начал, было, напарник продвигать свой рекорд.

Пришлось перебить.

– Когда ее разделали и разрезали, десятилитровое ведро мяса получилось. И мясо вполне и даже очень съедобное. Зря старых щук гурманы не жалуют.

Договаривал, уже шмыгая в палатку, не дав Сергеичу возможности апеллировать к пресловутой семжине.

День четвертый

Начался с ЧП. С вечера постиранная и развешанная на шнуре сеть просохла. Осталось перебрать, заштопать и задействовать. Этим я и занялся. Товарищ занялся костром и завтраком. Потап, якобы равнодушный, ничем не занимался, охранял. Воздух, насыщенный приятными осенними ароматами, был влажен, но дождя не было. А было утро – мое любимое время, когда голова полнится планами, а желудок предвкушает горячий, крепкий, бодрящий кофе. Именно такой, желанный, ждал меня на импровизированном столе, когда с сетью было покончено, осталось собрать. «Успеется» – решил и сел завтракать.

Беда случилась сразу за вторым живительным глотком. Трагический сценарий в наши декорации никак не вписывался. Поэтому и произошло все неожиданно. Что нужно было симпатичной белочке, припрыгавшей верхами на наш праздник «утренней свежести», не узнать уже никогда. Веселенькая зараза уселась на дереве на краю полянки, поздоровалась: «Цок-цок». Чего тут оскорбительного? Но глупое собачье сердце не выдержало издевательств. Пес взвился пружиной и метнулся к дереву. Где ему, бедному, было заметить на траектории своего полета любовно отремонтированную ухоженную сеточку? Влетел он в нее, как щегол в тенета. От непонятности случившегося принялся биться, усугубляя и без того обреченный факт. Выпутать-то я его выпутал, и отлупил отнюдь не газеткой, и кофе, разлитый при инциденте, заварил по новой, и сетку порванную, испорченную реставрировал. Но вот утреннее настроение – гладкое, разноцветное, с парящими манящими проектами – было порушено и раскатано катком действительности. Потому и сидел сиднем на берегу, обиженный на белку, собаку, судьбу, напарника, который сначала улыбался втихую, а потом совсем бессовестно заржал. Давился я, давился своей кручиной и захохотал вслед за ним. Хохотали так, что эхо шарахалось над озером от берега к

берегу и обратно. До слез, в общем. Чуть с ума Потапа не свели, хотя откуда у него ум.

Три часа было потеряно. Планы пришлось менять. На речку пойдем завтра. Нынче только и осталось вынести часть груза – ягоды, рыбу – к машине.

После работы на воде с сетками, кряхтя, помогли друг другу взвалить «сидоры», кряхтя, потопали. Тяжела рыбацкая доля. Схема старая: первый переход – с трудом, второй – вдохновенно, третий – помирая. Вот на нем я и промазал, пропуделял, обмишурился…

Идем, с болота с грохотом и коканьем поднялся куропачий выводок. Мы с Сергеичем еще обмолвились: «Тяжелые какие – отъевшиеся, лесные». У Потапа ни рюкзака, ни санок, он и ломанулся за ним, за выводком-то. Чего еще охотничьей собаке делать, как не гонять дичь? А мы поползли дальше. Прошли болото, идем по сосняку не молодому, но и не спелому. Метров на двести углубились, и на тебе – сзади, сбоку, похоже на болоте, загремел Потап.

– Ничего не понимаю, не может он лаять на куропаток.

– А что делать? Иди, разбирайся, – воспользовался случаем Сергеич и упал на ягель.

А я скинул рюкзак, поковылял на лай наискосок по лесу. Налегке гулять любо-дорого, конечно, но в другой раз. А сейчас ноги в резине намяты, плечи затекли, и идти на охоту никакой охоты, один резон. Сообразил, что полайка в лесу, и самая обычная, чуть не в последний момент, когда уже Потапа увидел. Тот крутился у густенной ели. Я остановился. Плохо дело. Высматривал, высматривал – никого. Неужели белка? Прибью гада! Дай, думаю, обойду аккуратненько, гляну с другой стороны. Бочком-бочком, ружье – наготове, перемещаюсь. А глухарь-то сидел как раз у меня под выстрелом, забившись в еловых лапах. И снялся на третьем моем шаге. Как можно было не увидеть! Ударил сразу, только ветки веером разбросало. Но мимо, естественно. Эти тяжелые птицы сначала как бы падают

на метр-два, а потом выравнивают полет. Пес бросился, было, в погоню. Но быстро сообразил на мое спасение – не догнать пуганого. Когда я вернулся к рюкзаку, он уже сидел около напарника и, сдается, успел изрядно насплетничать про своего хозяина. Полумертвый от усталости, на очках корка соли от пота, и я чего-то наговорил напарнику, оправдываясь. Тот, сам будучи не более живым, поверил. Но у кобеля в глазах светилось: «То-то, а то, ишь, размахался утром, что ж, теперь мне кусать тебя? А так все было просто».

Долго ли, коротко ли, дошли мы до машины, найдя ее в полном порядке. Еще бы не дойти. Ведь под сиденьем нас ждали пиво и бутерброды с салом. Уложили груз, степенно, с толком расположились к трапезе, вытянули измученные ноги, пустили слюну. Потап вдруг потерял интерес к нашему застолью и уставился на дорогу. Мы тоже. Нежданный гость только мелькнул своей серой шубкой, но этого хватило. Шерстяной напарничек взвыл от такой наглости – заяц днем, да еще можно сказать, сам напал и пустился на махах следом.

– Вот это – уже проблема. – Признался я соседу «по столику».

Пробовали звать, манить придурошного. Толку-то. Лайвзвизгивание удалялись и вконец сошли со слуха.

– На вечер будет зайчатина, – попытались меня успокоить.

Хорошо, если у меня будет хотя бы вечер. Заяц – зверь страшный. Он гончаков скалывает. А нашего дурачка и подавно. Затащит в дебри и сбросит. Сколько собак так пропало. Помню, на Индере – есть такая красавица-речка на Терском берегу – лайка ко мне выскочила радостная, подбежала, поняла, что обозналась и ушла. В глазах – тоска человеческая, а бока тощие-тощие. Не один день, видать, по лесу скиталась. Она и второй раз на меня вышла. Зная, что до ближайшего человека километров двадцать, уговаривал остаться, через пару дней отвел бы в село к

людям, а повезет, к хозяину. Не осталась. Наверняка зайчище напроказил.

Подумать, несчастная животина этот куцехвостый, норки нет, в лютую стужу спит на снегу, обижают кому ни лень. Совы, лисы, полудикие собаки хотят его слопать, люди стреляют, петли-капканы ставят, а он не переводится, и чем ближе к жилью, тем больше зайцев. Я додумал, что главная трудность зайца – первый год пережить, а уж если года три особи, то плевать на врагов, обдурит элементарно.

Стояли мы в низовьях небольшой странной речушки в Хибинских горах. Бурили на алмазы по «кимберлитовой трубке». Да-а, был такой факт в моей геологии. После хорошей пороши пошел за куропатками, их в те времена там пропасть была и лесных, и горняшек. Нынче же пусто. Лесные и крупнее, и престижнее добыча, но взять их мудрено. Умаешься ползти в маскхалате и при хорошем раскладе двух возьмешь, а чаще утрешься. В тот день птички меня опять обидели, и я поплелся домой промокший и злой. Глядь, а мою лыжню след свежий звериный пересекает. Первая мысль, с испариной на лбу: «Росомаха преследовала». Присел, изучаю. Отпечаток зверя с мой кулак, но постановка заячья. Понятно, что на рыхлом снегу косой пальцы расщеперивает, что твои ласты, но данный размерчик явно великоват для вечно угнетенного героя русских сказок. Поделился загадкой со своими ребятами на буровой. Работал в те годы у меня молодой парень – и бурильщик классный, и охотник удачливый. А уж зайцев он носил из леса как из магазина. Главное, говорит, след найти, и он твой. Свободный от смены Гена, его так звали, послушал, улыбнулся загадочно. Взял ружье, лыжи. Ушел. Пришел, как думаешь? Да-а, ни с чем. Задумчивый такой. Отчет был эмоционален, сбивчив, но все поняли, что еще вот-вот и зверь – а это был обыкновенный заяц-беляк – был бы завален. Три или четыре момента было, но все время что-то мешало. С того дня зверь обнаглел. Шастал

по нашим дорогам, кружил вокруг вагончиков, только что по крышам не топал. Видели его среди бела дня с тракторов, стреляли по нему с вездехода, собаки пытались его гонять. Результат – позорище! Вызов приняли всей бригадой. И тропили, тропили его наброды чуть не каждый день. Меняли тактику, по двое гонялись. Недели три сводка поединка не менялась за исключением детали: у врага появилось имя Леша. Как-то само появилось. Собрались ребята на очередной пересменке, пообщались и выразили общее мнение:

– Шеф, одна надежда осталась – ты его привел, тебе его и брать.

Патроны снаряжали, лыжи мазали всей сменой. Не спешили, дождались идеальной пороши и благословили меня. Теоретически я лучше Леши знал его повадки и приемы. А надеялся, если честно, только на удачу. Свежий след я нашел через десять минут в березняке, на бывшем горельнике. Ну вот, теперь убедиться, что он гонный, дойти до петель, потом найти сдвойку, после нее скидку и бей коварного. Любил и люблю я охотничью литературу почитывать.

След завел меня в лощину с ручьем, где лес уцелел и кусты погуще, где лыжи вязли, скользили назад, очки запотевали, ружье мешало. Изрядно помучавшись, я вытропил хитреца из уремы в тот же редкий березняк, условно объяснять – с другой стороны квадрата. Теперь спокойнее, зорче, тверже. Сейчас… сейчас… Что? Это же моя лыжня. Вот сволочь! Бросил бесполезный ствол за спину. Прошел по второму кругу немного в стороне. «Конечно, вот и лежка». Вражина засек меня издалека и наблюдал из-за валежины, вовремя поднялся и уходил не спеша, успевая гадить по-большому и посмеиваться. Посидел я на этой валежине, покурил и решил продолжить погоню. Сам знаю, что глупость. Но сразу капитулировать не приучен. Поперся. Опять березняк, овражек, снова березняк, лыжня. По кругу километра полтора. По времени – минут три-

дцать. Теперь передо мной уже приличная лыжня и два заячьих следа, причем на новом следочке много подсидок, то есть, останавливался Леша, сидел, ждал меня, вставал столбиком, высматривая, и топал дальше. Не поверишь, только на третьем круге до меня дошло, что все не так, что не я за ним хожу. Все наглейшим образом наоборот. Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, прохожу метров семьдесят и убеждаюсь, не я – меня пасли.

Помнишь картину «Опять двойка»? Я по возвращении выглядел еще горше. Не скажу, приврал тогда, оправдываясь, или нет. Но меня поняли, это помню. Разобравшись с делами, попив чайку, сели за пульку. Вагончики «воркутянки» внутри устроены по принципу купе железнодорожного вагона. Столик расположен прямо под окном. Место мне досталось напротив окна. Играем не спеша, с расстановкой, с удовольствием, покуриваем. Я в окно поглядываю. Там за ямой от ветра – сугроб до половины окна, за сугробом – лес. При установке вагончиков, тепляка, электростанции и прочего я старался максимально сберечь елки, сосенки и от других требовал того же. Приятно ведь сидеть в тепле и сухости, любуясь зимним или летним пейзажем, а не обломками и свалкой.

Заяц Леша пришел в середине игры, сел на макушку сугроба и уставился на прикуп. Нового игрока, благодаря своему расположению, первым заметил я. Тыкнул в окно пальцем и информировал коллег: «Ы-ы». Речевая способность заплутала в извилинах и не хотела функционировать. Коллеги не сразу поняли ритора, но, повернув головы, успели заметить пушистый шарик на Лешиной попе, исчезнувший за надувом. Молча, не сговариваясь, как были в тапках, выскочили на зиму, к сугробу. Не померещилось, следы от огромных лапищ еще парили.

С того дня на охоту или еще какие агрессивные действия в отношении нашего грызуна было наложено табу. И

никто его не нарушил. А может, и нарушали, но Леше это «по барабану»…

…Мы уже отдохнули, перекусили, перекурили, просто подождали. Нет Потапа. Покричали. Шиш, гуляет собачка. Осталось последнее средство. Предложил Сергеичу поупражняться в стрельбе по шишкам. Выстрел, шишка упала. Но результат нулевой, а ведь на выстрел собака не может не вернуться. Начинаю закипать как самовар. Чтобы не лопнуть от злости, предлагаю возвращаться в лагерь. Только мы тронулись, почти лошадиный топот догнал наши уши. Кобель, не приветствуя, в рабочем порядке обогнал и, не оглядываясь, потрусил вперед.

– Деловой…, психуй тут из-за него…, урод, – промычал я, остывая, – как не слышит.

Домой вернулись уже в темноте. Хозяйство нашли в порядке, никто не набедокурил. А что в темноте, не трудность. Обидно другое: пришлось на ужин гречу с тушенкой готовить. Унесли перья наше мясо. А проверять сети с фонарем сил не было. Но все равно хорошо. Ситничек вчерашний не вернулся. Небо поднялось. Звездное крошево сулило заморозки. Больше других этот вечер понравился Потапу. Объелся, нервотреп, гречкой, да не пустой. Вылавливали, вылавливали мы мясные кусочки старательно, но не лезть же в котел с фонарями.

Коль не случилось вечеркой порыбалить, в самый раз за чайными процедурами хотя бы вспомнить приятное занятие. С разных концов разговоры свелись к обсуждению походов по реке Большой. Приятная речушка. В большую воду по ней лихо ходится. Бывало, за двое с небольшим суток пролетали по ней. Ну, чтоб основательно, без гонки, дней пять нужно. Несет она свои воды по местам безлюдным и безтуристным. Хотя, кто его знает, среди туристов тоже люди встречаются. Берега ее – болота и глухие некондиционные леса. Но сдается, это картина нынешних времен, недалекого прошлого. Встречались нам остатки

или развалины крошечных поселков, так вот в венцах срубов этих развалин такие деревa толстенные догнивали, что невольно задашься вопросом: отсюда лес вывозили или сюда ввозили? Вывозили. В том и дело. Пни-то еще попадаются в полтора обхвата размером. Сегодня наши леса – молодь без будущего и лопухи редкие. Горько, но и тому рады. Славилась речка кумжей. Мы застали еще времена, когда энтузиасты стремились на эти струи пешком, на велосипедах, на допотопных небезопасных «Омегах». И дарила вода трепетные минуты борьбы со знатной добычей. Последние десять-одиннадцать лет мы не ходили на Большую. Если досталось ей от жадности людской, то, что же с ней сделали от голода перестроечного…. А раньше это были одни из лучших дней жизни. Прибавьте к этому молодость, да дружбу настоящую, да единомыслие.

Славные времена. Сама вода – ничего особенного: в начале пути немного утомляли шиверы-шкуродеры, развлекали несложные пороги, навевали скуку плесы-канавы и радовала глухомань. И так до озера Верхнего. Красота начиналась здесь. Лесные берега бугрятся, куда ни глянь. От воды их отделяют пляжи золотого песка, яркого даже в ненастье. А уж в вёдро – не налюбуешься. Обязательно хоть полдня, но отдыхали на этих берегах. Далее река и для сплава интереснее и перспективнее для рыбалки. В конце путешествия Колвицкое озеро с егерской усадьбой на острове, приятная встреча и щедрый стол хозяина.

Вот один из запомнившихся походов.

Впятером, трое взрослых, почти незнакомых между собой мужчин, мальчишка четырнадцати лет и шестимесячный щенок лайки, мы совершили его в середине июня 198… года. Начался он с моей оплошки. Подвела самоуверенность. Сейчас, на рубеже своего полувека, и то трудности возникают с определением грани между лишней уверенностью и мешающими сомнениями. А в тот день я лихо шагал впереди, показывая спутникам короткую тропу

от электрички до озера и обещая не более получаса мучений. А дальше по воде веслами шлеп-шлеп – и в реку. Когда от старта прошло сорок пять минут, первым насторожился Володя, помешанный на рыбалке и надежный напарник, тащивший на плечах больше всех. Груза у нас было прилично, очень прилично. Перекур получился сам по себе, от бессилья. Сомневающийся, тут же побежал на разведку. На середине сигареты узнаем, что давным-давно ломим вдоль озера.

– Да…, блин… – начал было я, но в голову ничего путного не пришло.

Через пять минут мы накачивали лодку на берегу. Праздношатающийся пацан нашел в кустах байдарку, незначительно порезанную, но годную после нестрашного ремонта. Загадка. Чтобы ее решить, я предложил поискать рядом трупы. Тот мигом оказался у лодки и даже попытался помочь с укладкой. А ведь десять минут назад было не заставить: «Не знаю, не умею». Палатка, спальники, кастрюли, личные вещи, снасти, продукты на неделю, четверо мужиков и собака, все влезло в надувную лодку. Сейчас, поди, таких крейсеров не выпускают. Тронулись. Запустили дорожку. На озеро ушло часа два непрерывной гребли, дор**о**жили так же непрерывно. Ни поклевки. Вошли в речку, что вытекала. Черная, глубокая вода, листья кубышек, коряги – места специально для окуней. Ни поклевки. Пробуем на порогах. Фиг. Так продолжалось два дня. Испробовали множество вариантов. Я, как поплавочник, менял наживки, мормышки, глубины, места, время, способы лова, ничего не помогало. Володя – ответственный за спиннинговый лов и обещавший каждому по кумже с его стороны, плюс кто сколько вытащит – тоже изгалялся как мог. Ноль. А лето разгоралось, листья в половину распустились. Вот-вот комар вылетит. Оно понятно, окунь, плотва на сносях, форели – рановато, хариус не водится в этих «болотах», но сиг, щука, кумжа, язь – где они?

Серые часы и дни скрашивала Ника, вечный двигатель, вечный бегатель. Мой щенок с первых минут был признан полноправным членом экипажа. И очень скоро стал кумиром заскучавшего общества.

Когда собачка первый раз прыгнула в азарте за борт в погоне за утками, я даже напугался, но ей до того понравилось плавать, что она по нескольку раз за день проделывала свои тренировки. Плюхнется и плывет за лодкой. Надоест, запищит – поднимай хозяин за шиворот на борт. Вечному плавателю прощались даже обязательные отряхивания в приличной компании. А то поплавает, вылезет на берег, там побегает, заставляя меня волноваться, потом опять в воду – и к лодке. Именно в такой ситуации она и дебютировала как лайка.

Гребу себе потихоньку, Ника по берегу скачет смешно так, боком, по-щенячьи. Вдруг пропала. Я остановился, высматриваю, и вдруг – лай, точнее – отчаянное тявканье. Зачалился, вышел на берег. Крадусь на лай. Подкрался. Боже! На толстой, сукастой сосне посреди болотца сидит матерый мошник и дразнит щенка. В шесть месяцев! Не имея никакой школы! Никушка заметила хозяина и, не подавая виду, развернулась ко мне мордочкой, вынуждая бородача подставить спину, то есть вывела охотника из сектора обзора. Собачьи дети все хорошенькие, красивенькие. Самые симпатяги – щенки лаек – лапы толстые, глазенки шкодные, шерстка мягонькая в искрах. А моя девочка красивее всех!

Задом, задом вернулся за зрителями. Пошли гурьбой. Спектакль продолжался. Поднял палку, приставил к плечу, «бахнул». Глухарь загремел мощным оперением, сорвался в полет. Собачка послушно вернулась на окрик. Сгреб ее, ну тормошить, мякать, целовать в кирзовый носик, пахучее голенькое пузо. Потом прижал к груди и подарил будущей приме танго. Через полчаса героиня уже не могла ходить, объевшись сухариками, печеньем и тушенкой.

Развалилась с раздутым животом на рюкзаках в лодке и пукала мне под нос.

На третий день сделали, не сдувая лодки, пеший переход на Плотвиное озеро. Там я увидел первую рыбку. Пивной окушок лихо рассекал в чистейшей воде рядом с лодкой и надменно игнорировал червяка. А ведь прямо под нос подводил. Кто кого дурачил, вопросов не было. Потыкавшись по губам, нашли впадающий ручеек, очень похожий на связку с малым Плотвиным. Глубокое симпатичное устьице длиной метров десять-двенадцать и шириной метра три с удобным открытым и почти твердым бережком. Прелесть! Лови – не хочу. Но все бестолку. Что за напасть? Вернулись в соседние камыши. Владимир махнул спиннингом, махнул спиннингом я, махнул Юра. И началось. Каждые второй заброс – щука, небольшая, килограмм-полтора, но каждый второй заброс. Через несколько минут щучьи хвосты и пасти уже торчали из корзины, что стояла между моих ног. «Опасно, да и не съесть нам столько» – осенило меня, положил спиннинг. Открыл рот одернуть ребят, но осекся. Столько неподдельной радости в их глазах, столько азарта! Песня, а не рыбалка. Смотреть приятно! Смеются, передают рыбу… Мне же не до смеха, вытащить блесну, не убив и не покалечив хищницу – мудрено. Пустил в ход пассатижи и тоже начал хихикать. Принимаю улов, освобождаю от крючков и незаметно, осторожненько так за борт – бултых. Дуры же эти неблагодарные еще не сразу улепетывают. Постоят секунд десять у лодки, словно отряхиваясь и ворча: «Видела, мол, таких…», лишь потом – незаметное движение хвостом, и как не было. Час, наверное, веселились, потом щуки кончились. Покрутили головами, перебросились идеями, опять зашли в бухточку с ручьем, высадились. Кто, уж не помню, кинул и протащил блесну вдоль берега впустую, однако я успел заметить трех приличных плотвин, заинтересовавшихся блестящей железякой.

– Позвольте, – говорю.

Раздвигаю телескоп, насаживаю червяка, закидываю. Кто не знает, что такое поплавочная рыбалка, скажу – это трепет от соприкосновения с тайной. Блики на поверхности воды – граница между двумя мирами. Тот нижний мир полон красот и загадок, а ты, опытный удильщик, их решишь, увидишь и налюбуешься, глядя внимательно за поведением любовно самим сделанного поплавка. Он, поплавок, – нерв, через него контакт с чужим миром. Три пары глаз уставились на мой «нерв», медленно сплавлявшийся по течению. Курим, учим друг друга шепотом, ждем. И контакт случился. Поплавок чуть шевельнулся и решительно утонул. Выждав для первого раза пару секунд, подсекаю и… та-а-щу-у. Вот такущую плотвину (потом дома взвесили – триста тридцать граммов каждая!). «Фунтовая» – изрек тогда авторитетно Володя. Достали удочки спиннингисты. Дело пошло. Чтобы не мешать, я запрыгнул в лодку и сгонял на остров за малым. Парнишка, хотя я в 14 лет уже не был парнишкой, без интереса кинул несколько раз снасть и отошел скучать в сторону. Плотва, для меня – одна из самых красивых представительниц ихтиофауны, клевала и клевала. Вдруг выше по ручью что-то или кто-то грохнулся с шумом в воду, совсем скоро опять – «плюх». Оживление в бухточке явно ослабло.

– Сходи, – говорю пацану – разберись.

Через пять минут слушаем робкий доклад.

– Там … кажется … окунь … большой.

– Возьми спиннинг, попробуй вытащить террориста.

Как «безрукий» умудрился это сделать, загадка непостижимая. Но через пять минут полосатый богатырь поболе полкило трепыхался у наших ног, за безрукостью прям на блесне и притащенный. «Наверное, в отвес из-за куста» – решили мы на базе своего приличного опыта и продолжили игры с плотвой.

И что ты думаешь, выше по ручью опять кто-то принялся ботать.

– Развелось бандитов, пойду сам гляну, – взял спиннинг, пошел.

Метров через тридцать осторожно заглядываю за береговые кустики и, если мягко сказать, изумляюсь. Ручеек передо мной метра два шириной, мелкий, быстринка. А дно-то, дно, будто серебром покрыто, и красные бусины глаз по нему рассыпаны. Шла рыба. Да-а-а. Не семга, конечно, но зато сколько! Зато красиво и здорово, жизнеутверждающе как-то. Восторг зазвенел от лба до копчика. Шагнул в воду. Ручей вмиг закипел, плотва кинулась вверх, вниз, в береговые камышики. Несколько секунд, и вода опустела, я замер, расставив ноги и наклонив голову, не шевелюсь. Ну… «Цып-цып-цып», – про себя, конечно. Сначала одна, потом пяток, потом лавой живого переливающегося металла косяк устремился против течения, с правого бока, с левого, между сапог. Ну и ну! Дышать забыл. Хлопнул в ладоши, засмеялся, весело человеку посреди рыбьей паники. Две крупненькие красавицы в запале вылетели на сухой берег, прыгают, искрят. Поддел кистями рук, аккуратно подкинул в струю. «Грех, не добыча, на червяка по-честному натаскаю», – помазал себе душу благородством и вернулся на промысел. Ребята наловили неполный двухведерный короб. Общее мнение – добить последнего червяка. Их осталось не больше семи, восьми особей. Добить короб и вечером только любоваться озером, на которое вряд ли кто из нас еще когда вернется.

Так и сделали. Полюбоваться, правда, толком не получилось. В сумерках вылетел комар, а первый комар, известно, самый злющий. Через пару дней организм освоится с этой напастью и неудобство само исчезнет. Почти исчезнет.

Утром, во время возвращения на реку, озеро поразило меня еще раз. Юра греб, Володя еле слышно менторил в уши мальчишки, мне же в силу необычайной тесноты

удобней всего было лежать и смотреть в воду. Там камушки, песочек, травка, глубина без дна. Когда я закуривал сигарету, мы въехали в стаю мелкой, с мизинец, плотвы. Перестали грести. Так вот косяк шел под лодкой почти все время перекура. Своим глазам не верю и до сих пор. Ведь не селедка в море.

На Верхнем сделали дневку. Постирались, сами намыленные попрыгали в воде. Естественно, рыбачили. Клевало, но не то. Кроме Володиной кумжи я ведь тоже сгоряча пообещал каждому туристу по язю. Вечером, обойдя заветные бухточки и ближние пороги, надергав мелочи, судачили у костра и утешали друг друга: «Еще есть шансы», да «Погода сменится и обрыбимся». Еще бы! Три верхних образования – что угодно обоснуем, а уж под непруху базу подвести – не задача. Но молча, по совести, понимали, впереди места более посещаемые, иллюзии наши лишь для вечернего уюта.

На следующий день отдорожили добросовестно, скрупулезно отстегали все пороги, ямки и сливчики. Результат – одна щука килограмма на три. И у той вырван бок, рана – с кулак. Кто ее так? Загадка на полчаса отвлекла от грустных реалий. Коллегиально сделали вывод – выдрины проделки – и отпустили инвалида помирать. Выдр, правда, на Большой я не видел ни до, ни после. Никто не видел. Но бочину-то разорванную мы зрели. Конечно, щука большая тоже могла свою товарку поучить. Но, согласись, с выдрой история красивее звучит.

Поход подходил к концу. Впереди осталось несколько порогов и переход через озеро, – всей работы на день, – когда Володя, наконец, зацепил кумжину. Не большую, но шуструю и красивую. Вытащил. Мы сели вокруг добычи, глазели, трогали пальцами, внимали спецу. Тот заливался канарейкой об особенностях лова, о повадках благородной красавицы, о требованиях к снастям. Мы слушать-то слушали, но думали о другом: «Делить-то как будем?». Каж-

дому непременно хотелось похвастаться перед домашними солидной добычей, а не плотвой, окунями да щуками. Я предложил было хвалиться в городе по очереди: сегодня я поводил красной рыбой у своих под носом, завтра передал тушку коллеге и так далее. Юмор мой не оценили. Ответ звучал как сталь:

– Надо ловить, а не выдумывать.

Как будто я против. Рядом с профи-семужатником мне «ловить» нечего, пошел вниз по реке. Далеко ушел, выбрал симпатичное местечко – передо мной мощная сжатая стремнина, за ней – суводь и ямка. К берегу не подходил, крался, не нашуметь бы. Прицелился к суводи, метнул простенькую блесенку, попал, как хотел – под самый противоположный берег. Крутить энергично не требовалось, леса легла поперек струи, и ее потащило без меня. Можно сказать, без меня и рыба клюнула. Дернул спиннинг, засекая, и запричитал: «Только не щука, только бы не щука!». Рыба сопротивлялась отчаянно, зашла в струю и перла от меня, как танк. Когда мне все-таки удалось свернуть ее на тихую воду, на свою сторону, легла на бок и успокоилась.

Я увидел, что это белая серебряная рыба, точно не щука, наверняка, кумжа и поболе Володиной, и что губы у нее порваны, и держится добыча на одном крючке, на одной жилочке. Опять заскулил: «Господи, Господи, помоги. Не дай сойти, Господи». Так вот, с Божьим провидением, выволок экземпляр на низкий бережок. Уставился: «Язь, во дела!» Ну, язь, так язь. Тем паче, адреналину я впрыснул в кровь на кумужью долю, тем паче, я ведь обещал язей своим спутникам. Сигаретой одолел тремор и еще трех богатырей поднял из пучины. Повезло, так повезло! Обратно в общество я не шел, а плыл по воздуху, надутый самодовольством и гордостью. За время моего отсутствия Володя тоже умудрился поймать большую кумжу, не меньше трех кг. Но когда я выложил своих четырех брат-

ков, каждый под два кг, у них рты пооткрывались, у всех, даже у моего замечательного щенка.

Я тоже раздвинул зубы, чтобы прочитать лекцию на тему «Как правильно ловить язя», но топот заглушил уже первые мои звуки. Слушатели со спиннингами наперевес побежали на речку, на язевые ямки. Бестолку, конечно, потом выяснилось. Из дальнейших событий запомнились два. Первое – это красота Колвицкого озера при полнейшем штиле. Второе – ядреный тузлук, при переходах под рюкзаком, стекающий капля за каплей из короба по желобку на спине, по другому желобку, по ногам в сапоги. Он хлюпал в сапогах, жег и разъедал все, что мог. Вот такая речка … была.

Сергеич уже ворочался в палатке, устраиваясь на ночлег, когда я вспомнил про плащ, сиротливо висевший под елкой. Вчера еще промочил и до сих пор не удосужился высушить. Непорядок. Костер рдел углями. Самое то. Принес плащ, натянул на палки над костром. Получилось удачно, ткань сразу запарила. «За пятнадцать минут справлюсь»- решил про себя и активно принялся за сушку. Вертел, перетягивал плащ, ворошил угли.

Вопрос напарника, высунувшего голову из палатки покурить на сон грядущий, озадачил меня:

– Голодный, что ли?

– Ты о чем?

– Или Потапу варишь?

Наконец-то и мой нос почуял аромат пареной рыбы с резиновым привкусом. Но яснее от этого не стало. «Да шут с ним, настоящий запах наружу вылезет» – не стал заморачиваться и досушил одежку. Пощупал рукава – сухие, полы – сухие, карманы… Стоп. Что за чушь? Из-под карманного клапана торчали окуневые хвосты, еще горячие. Потрогал, отломились. Значит, рыба готова. Осторожно вытряхнул кулинарный шедевр на столик.

– Сергеич, глянь.

– Да-а. Фирменное блюдо: «рыба от Михалыча».

Посмотрел я на свое творение, оценил и оставил охлаждаться для Потапа. Потом подумал, посолил, отломил кусочек спинки, пожевал, досолил и съел всю порцию. Понятное дело, когда еще доведется угоститься окунем, запеченным в плаще.

День пятый

Проснулся. Лежу. По тенту не стучит, значит, дождя нет. Но может быть снег? Долго лежу. Сергеич не просыпается. Или лукавит. Скорее так, не открывает глаза, а ждет, когда я встану и запалю костер. Нет уж, подожду.

Прошло минут пятнадцать. Стало совсем светло. Но глаза приятеля не моргнут, закрыты наглухо. Да-а. Вот бессовестный, придется мне возиться с огнем и кофе. И потом, вчера-то он мне кофе подавал в постель, крепкий, горячий. Да и другие причины существуют для подъема.

Пошуршал молнией на палатке, выглядываю. Мать честная! Ну, разбойницы! Вчера, чтобы не искушать Потапа, котелок с остатками гречи с тушенкой повесили на дерево. Потапа не искусили. Зато кукши попировали на славу. Ни страха, ни уважения: в метре от меня смотрит мне в глаза, тащит продукт из котла и улетает, за ней сразу же припорхала другая, за другой – третья, четвертая, а, может, первая. Нет, ребята, так дело не пойдет: мы тоже есть хотим, а порхать не умеем.

Вылез на белый свет и накрыл котелок штатной крышкой. Хотя накрывать-то уже нечего: по сути одни крохи остались от обжор.

Сел под тент, наблюдаю. Театр, цирк, пантомима с орнитологическим уклоном. Села кумушка пернатая на надежную крышку, головой на бок, и на меня зырк, на котелок зырк, на меня зырк. Ничего понять не может. Наглая, но тупая, нет, скорее забавная...

Просеменил к дровам. С душою бормоча: «Говоришь, чтоб остался я», принес, сложил костер, – «чтоб опять не скитался я». Сунул бересту, чиркнул спичкой. – «Чтоб рассветы с закатами» – повесил чайник, полюбовался на занимающийся огонь и уже бодрее, но еще мелким шагом направился на берег приводить себя в порядок – «Наблюдал из окна». Вернулся минут через пятнадцать. Занялся завтраком. А гости хамоватые расселись круг посудины на ветке и коллегиально, да противно так, обвиняют меня в скупости.

Поспел кофе. Ничего вкуснее не бывает, как среди осеннего леса, позднеосеннего, промозглого, сидеть в уютном закутке под тентом и потягивать ароматный кипяток. Учуяв запах, зашевелился матерый Сергеич. Высунул нос сначала из мешка, потом из палатки. Вижу, собирается приветствовать меня и белый свет. Спешно показал пальцами на губы, мол, тихо будь, потом на базар серо-рыжепернатый. Все-таки бестолковая птица кукша. Уже вдвоем шепотом гадаем, скинут крышку или "пропадут" от бескормицы. Не пропали. Такое вероломство даже предвидеть нереально. Сразу две пичуги боевым звеном влетели в нашу обитель и сперли по куску пряничка. Можно сказать, из рук, чуть очки на развороте не сшибли. Да-а, кто хозяин леса?

– Привет. Вроде затягивает – кивнул напарник на небо.

– Все равно пойду, как же без свидания? – ответил, а про себя – какую бы причину придумать в угоду лени.

Речка, на которую я собирался, вытекает из наших озер, в полутора километрах от лагеря. Но в зашейке своем она мелкая и почему-то считается бесперспективной для охоты за кумжей. Еще считается, что хорошие места начинаются километрах в девяти от озера. Вот и бегаю каждый год на эти "уловистые" пороги и ямы. Зная наверняка, что если бы лагерь стоял там, то бегал бы к озеру. Я даже на-

звание придумал этой общерыбацкой причуде – "феномен дального берега".

Всех сборов – патронташ на пояс, рюкзачок с перекусом и снастями за спину, ружье на плечо, компас на шею. Потапа и звать не надо, эта хитрющая бестия давно стоит на тропе, причем в нужном направлении, и призывно поскуливает, заглядывая в глаза.

– С Богом! – скомандовал своему второму я, лодырю и лежебоке, и зашагал. Потап мгновенно исчез с глаз, принялся за свою собачью работу.

Через двадцать минут я подошел к броду через речушку, перешел на правый берег и все – лень, нежелание, дурные предчувствия – испарилось за несколько шагов по древнему сосновому бору. Лесоводы называют наши заполярные леса парковыми. Но куда паркам до совершенства, которое окружало меня. Сосны не строевые, но могучие, наверное, трехсотлетние, не обхватишь, стоят редко, земля покрыта светлым-светлым ягелем. Просторно и вольно душе от красоты первозданной. По низинкам заросли подлеска, тоже соснячок, но непролазный. Идти более чем комфортно: тропа жесткая, по песку, набитая больше оленями, чем людьми, хоть на мотоцикле езжай. Точнее, десятки троп – и вдоль и поперек, приходится изредка заглядывать в компас. Где-то далеко заголосил помощничек. Когда же он поумнеет, слишком далеко. Но делать нечего, стрельнул азимут, поперся. Шел, шел, дошел, далее нужно скрадывать. А как? Дивный бор, по нему гулять приятно. Но подобраться на выстрел, где между деревьями волейбольная площадка разместится, естественно, не удалось. По шуму крыльев и треску сучьев горько догадался, что трофеем могла стать знатная птичка. Пес кинулся следом. Я же, чертыхаясь и зарекаясь дальше двухсот метров от тропы не удаляться, пошел по азимуту назад. За неделю с такими "кренделями" не дойдем.

Так мы и двигались: Потап гонял кого-то, как одержимый, а я гулял и любовался. У небольшой ламбушки традиционный перекур и новая незадача.

Сел, значит, на бревнышко у воды, кобелина с языком на полметра бухнулся рядом. Потянулся за сигаретой в нагрудный карман и обалдел. Ну а вы бы что почувствовали, если прямо на вас по водной глади, как торпедный катер, оставляя от груди конус из волн, а за кормой бурунный след, несся красавец кряковый селезень. Стараясь незаметно, положил руку на голову собаке, шепча: "Тихо, тихо…" – лихорадочно соображал, как бы так поизящнее ружье достать: оно метрах в полутора висело на сучке. Ну, до чего быстро плывет, желанный. Некогда и подумать толком. Расстояние до пижона сокращалось неумолимо и стремительно. И тут мы оба, я и утка, понимаем, что настал судьбоносный миг. Селезень с непристойными воплями замахал всеми перьями сразу и пошел на взлет. Я тоже взвился, но менее удачно, так как наступил на полу плаща. Я бы удержался на ногах, но и Потап взвился. Летя через него, успел-таки загадать: «Только бы не очки!». Все осталось целым: и плащ, и очки, руки чуть покарябал, и всего делов. Понятное дело, огромный жирный крякаш тоже уцелел. В запарке я все-таки послал ему вслед два заряда, заранее зная результат... «Нет, охотничек, когда-то надо начинать учиться стрелять», – резюмировал я ситуацию, докуривая на том же обхохотавшемся, наверное, бревне.

Учиться стрелять влет мне пришлось уже через полчаса. Переходя круглое болотце, я поднял, начинающую уже белеть крупненькую лесную куропатку. Заметил, куда села птица, зарядил "пятерку" в оба ствола, стал подкрадываться. Ведь знаю, что пропускать охотника и взлетать за спиной имеют привычку многие представители диких, и все-таки купился. Хитрюга взлетела за спиной и заметалась в березняке. Но уж если решил хоть раз в жизни сбить трудную мишень, то пытайся. Стреляю. Улетела. Я опять на-

шел ее. Пятый выстрел был победным. Почти. Подранок побегал по земле и скрылся в болотных кочках. «Не уйдешь», – обнадеживал я себя, такую канонаду Потап никак не мог пропустить. А уж он отыщет всяко. Только подумал, и вот он.

– Ищи!

Собака металась по всему болотцу и пять минут, и дольше, и все бестолку. Вернется, спросит по-своему: "Чего надо-то?" Рявкну, опять зигзаги нарезает. А набродов свежих – все истоптано, поди, разберись, не легаш, чай. И все-таки нашел, принес. Получил лапку в награду и чистосердечные уверения, что с таким хозяином не пропадет.

К перекатам подошел до обеда. С первого заброса достал килограммового красавца хариуса. Через полчаса – другого. Размечтался, что так будет всегда. Но на этом рыбалка кончилась, если не считать трех окушков с ладошку. Что они делали в кумжевой яме? Пес их знает, но королевы рек на этом участке точно нет, разогнала бы она этих братков.

Сел на береговой камень, разложил бутерброды и улов. Жую, любуюсь лососевыми броненосцами. Замечательная рыба, достойная добыча. Я ловил хариуса на здешних северах, в средней полосе, на Алтае, в Саянах, на Таймыре. В каждом водоеме эта рыба ведет себя по-разному. То жирует на самой мели на перекатах, то в яме под порогом, то ей муху подавай, то червя, то блесну-вертушку. Именно у хариуса я обнаружил признаки интеллекта.

Дело было на Оленьем ручье, что в Хибинских горах журчит вечерами. Пару лет я там работал и жил в вахтовом поселке. В ягодный период ходил по моренным холмам, что у Комариных озер, брал ягоду, а чтобы не очень-то интересное занятие разнообразить, прихватывал с собой удочку. Выполнив половину нормы, я премировал себя получасовым перекуром на Комарином ручье в месте его впадения в озеро. На жареху налавливал некрупных ха-

риусков. Но раз за разом улов становился все меньше. Причем весь процесс рыбалки происходил на глазах. Глубина не больше десяти сантиметров. Стайка стоит против течения. Подвожу мормышку с шитиком к рыбке под нос, она хватает наживку, и я выдергиваю рыбку, даже на поплавок смотреть нет необходимости. Но с каждым таким перекуром улов становился все меньше. Мормышки менял, наживку, но хариуски все упорнее отказывались от угощения. Под нос подведу, он голову только повернет, даже не посмотрит.

А однажды я просто обалдел и изменил некоторые свои мировоззрения. Стою тихонько, прячусь за кустом, стараюсь не двигаться и в то же время запихать в рыбий рот смертельный крючок. Меня почти вызывающе игнорируют. Из глубины появляется новенький, завидев мою подставу, устремляется к ней. Сердце мое замирает. Ну! Вот это да! От старожилов отделяется брат жертвы и попросту отбивает его в сторону. Поумневший враз хариусок становится для рыбака неперспективным. Раза три я наблюдал этот спектакль, прежде чем сообразил, что ягоды придется собирать без перекуров. Да-а!

Еще запомнилась охота на хариуса в верховьях Сахарийока. Как и другие понойские притоки, эта речка теоретически семужья. Но главное, она так же чиста, красива и, что важно, малодоступна… была. Хотя последняя характеристика не означает, что рыбы там ловить – не переловить. Необходимо сильно потрудиться, если приспичит ушицы из хариусов и щурят. Так бы я и не узнал тайну этих речушек, не случись забрести по производственным надобностям в самые верховья, где речки эти можно было перешагнуть одним шагом с берега на берег, не прыгая. Стояла изнуряющая, редкая жара. Даже мошка и та пропала, зато овод бил нещадно. Наклонился я над ручьем, пот смыть-освежиться да напиться, и боковым зрением заметил движение неопознанного объекта по водяному глянцу.

Медленно поворачиваю голову, фокусирую взгляд, и не сразу до меня доходит: а ведь это плавник. Неподвижного меня тут же жиганули два раза в шею и раз в руку. Одного кровососа удалось прихлопнуть. Плавник тем временем скрылся от греха в глубине. Забыл сказать, ручей хоть и узкий, но до дна не меньше метра. Вот так. Выждал минуту и кинул только что прибитого крупного овода в воду. Его медленно понесло вниз. Далеко посылка не уехала, шага на два. Из воды показался плавник, завертел воронку вокруг подарка и исчез вместе с ним. Мне показалось, что я даже чавканье услышал из глубины.

«Е-мое, е-мое!» – это я уже бежал к вездеходу и причитал, скача через кочки.

«Ну, е-мое!» – это уже спустя четверть часа несся с удочкой наперевес обратно к месту несостоявшегося водопоя. На ходу свободной рукой ловко ловил кровососов и запихивал в спичечный коробок. Вот и знакомая излучинка. Среди сухого болота с редкими чахлыми сосенками и буйным багульником. Поверхность ручья аж слепит солнечными бликами: полдень, время для рыбалки самое неподходящее. Не доходя до бережка двух третей удилища, раздвинул телескоп, сделал глубину сантиметров тридцать, нацепил овода, и так же, не приближаясь к берегу, сделал заброс. Хотя, честно говоря, опасался повесить крючок на ветки голубики или багульника. Сами попробуйте попасть с четырех метров в тазик, да еще спрятанный в кустах. Поплавок шел по течению медленно, чинно, стал, но недолго. Плавник нарушил его одиночество и закружил в смертельном вальсе. С третьего или четвертого «па» хозяин дансинга догадался о несъедобности партнера. Ушел на глубину и увидел моего овода. Поплавок нырнул, я подсек, удилище согнулось под весом приличной рыбины. И что делать? Выводить-то некуда: бережок высокий, а с подсаками я на работу не ездил, да и сейчас не езжу. Ничего не оставалось, как «на дурака», с риском

порвать снасть вынимать танцора на божий свет. Оп-па! – получилось – здоровенный хариусина заплясал меж болотных кочек. Красота! В сумку его, и пошел дальше вниз по ручью. На нешироком порожистом участке стоял вездеходчик, с которым мы пробрались в эти дебри, и ловил в проводку. Он так азартно крутил свою маленькую катушечку, что дотянул рыбу до самого хлыстика удилища. Бедный красавец тресь головой о тюльпан и будь таков. Похохотали оба, а, может, и втроем, и поделились успехами. Чуть не под десяток поймал коллега. «Вот дает!» – подумал я с завистью и пошел дальше по своей канаве. Тогда я тоже неплохо поудил.

…Больше одного бутерброда не влезло. Ну и ладно, запил водой с окуневого места и собрался прогуляться еще ниже, сколько время позволит. Рыбу в пакете засунул в вертикальную березовую трубу, бывшую когда-то деревом. Труху внутри частично изъял, частично примял, пакет вошел идеально. Сверху еще сучек воткнул. Отошел, осмотрелся, хорошо получилось. И то, таскать лишнее, да мять красоту не имело смысла.

Долго я гулял по речке. Все свое мастерство показал капризной красавице. Но кроме заевшегося щуренка, гонявшегося за блесной, но не бравшего, да и ненужного, не увидал никого. Два раза пришлось раздеваться догола и лезть в ледяную воду доставать зацепы. До темноты оставалось часа четыре. Мысль о третьем – упаси Боже! – возможном зацепе толкала к правильному решению: пора сваливать. Свидание состоялось. Прощай, речка, до следующего года, и домой, к костру, к столику под тентом. Для прощания выбрал яму под порогом из крупных валунов. Закурил прощальную сигарету и методично, веером начал обстрел, бросок за броском. Удар случился там, где я и предвидел большую вероятность поклевки, в углу слева под противоположным берегом. Удар не сильный, подсечь вроде бы успел, но сошла. Я так устал, что даже не

взвыл от досады. Кручу катушку тупо, и вдруг настоящий удар. Бац! И понеслось. Фрикцион-то зажат слабовато. Катушка трещит, спиннинг дергается. Я бешено вращаю рукоятку. Не дал, не дал уйти в камни. Гуляет теперь по глубине. Поверхность воды взрывается. Свеча. Ну и красота! Рыбина дугой выгибается в воздухе, плюхается в воду. А я кручу. Опять рвет со всей силы. Опять свеча. Тут я и заскулил, замолил, душу готовясь отдать, но вытащить. Рывки начали слабеть, но и кисть от усталости онемела. Подвожу, подвожу, задача завести в загубинку, закрыть ногами выход для страховки и вытащить руками. Рывок, опять затрещала катушка. Теперь царица реки и моей мечты норовила уйти в траву. Нет уж, давай, дорогая, по плану, в бухточку, потом закроем Вас там и спокойно, аккуратно так вытащим. Пячусь, пячусь. Вытащил. Закрыл, только не выход, а вход, и не ногами… упал, короче. Предполагаю, второй раз за день мой любимый плащ сыграл со мной очень злую шутку. Да-а. Но спиннинг в руках, вертеть ручку я не перестал. Рыбина не сошла. Не сдамся, ни за что! Вставать опасно, спровоцирую новый рывок, кто знает, сколько у нее сил?! Как тройник засел? Вот и сижу по пуп в воде, рыбу ловлю, называется, вместо природной загубинки раздвинул ноги и завожу родимую, завожу и хвать за жабры! Тут она впрямь озверела. Ну и силища! Как удержал трехкилограммовую дурру, не знаю. На берегу она таки вырвалась, но было поздно, закротил кумушку камушком и сообразил, ведь сам мокрый чуть не до подмышек. Раньше доводилось купаться со спиннингом или удочкой, рыбацкая доля такая, но в конце осени, на ночь первый раз. Оно, конечно, страшного мало. Спички, упакованные в презерватив, не намокли, да и запасной коробок в кармане рюкзака. Дров навалом, но времени-то нет. Выжимал брюки, портянки, трусы, выбивая зубами туш реченьке за подаренные мне минуты счастья.

Только охота на семгу может дать столько радости, такой эмоциональный взрыв и огорчений, естественно, тоже. В прошлом году взял лицензию, привез старшего сына из Питера на Оленицу-реку. Протащил его пешком в верховья черт знает куда. Поймал рыбу, стал хвастаться и упустил из рук! С берега! Одна чешуя на ладонях осталась. Чуть не умер от горя и позора. Сутки не разговаривал. Не мог… А на Большой! Привез журналистов. Зацепил на пороге кумжу, вытащил почти на берег, но надломился спиннинг, случился рывок и оборвалась блесна. Я был так унижен, что спиннинг зашвырнул в самую пучину, от сердца, следом за норовистой принцессой.

Натянул все сырое и понесся вверх по реке быстрее Потапа, а ведь старый уже и ноги больные. Вот и первая яма, вот березовый пенек с заначкой. Сую руку: «Не понял?» Пакета с рыбой не было. Дела-а! Оглядываюсь недоуменно. Нет, пенек не перепутал. На всякий случай побегал вокруг. Нет, мой пенек, но без моей рыбы. В испуге скидываю рюкзак, развязываю. Фу-у, кумжа на месте, куропатка тоже. Совсем «чердаком покосился»! Норка, зараза, больше некому, сообразил, вспоминая с опозданием, что сучка-то сверху не было. Ну и ладно. Пора в дорогу, до темноты часа два. Опять рюкзак за спину и споро зашагал. Через час начал подсыхать и успокаиваться. Темп стал размеренным. Потап тоже ухайдакался, по сторонам бросался, конечно, но гонять – не гонял. Так бы и идти, но решил отдохнуть с сигареткой, церемонно, полпути-то сделал. Выбрал сухой ягельный коврик, развалился полулежа. Затянулся и понял, что устал до предела, и «мотор» начал дробить, а калорий нет даже на обогрев организма. Зубы стучат – не остановить. «Приехали!»- осмотрелся. Недалеко на фоне темнеющего неба корявилась сучками сушина. Уже дело! Вспомнил, как старожилка из села Стрельна рассказывала о костре-дереве, то есть, когда они семьей ночевали в лесу в зимнее время, отец ее, старый

бывалый помор, выбирал дерево и поджигал стоящим, а они ложились вокруг него на шкуры, и тепла хватало на ночь. Больше, кого ни спрашивал, подтверждений такого типа костра не услышал. Что ж, самое время эмпирическим путем выяснить, возможна такая ночевка или нет. Пока думал да вспоминал, замерз окончательно. «Эксперимент на себе?». Нет, решил, в другой раз. Достал фляжку с водкой, отхлебнул изрядно, сунул под язык валидол, встал, кряхтя, заковылял. «Чтобы жить километрами, а не квадратными метрами», – бормочу то ли про себя, то ли вслух. Великое дело – добрая душевная песня, даже в моем исполнении. «Холод, лед, мошкара, жара – не такой уж пустяк», – через десять минут я уже бодро шагал в прежнем темпе, через полчаса двигался, как всегда, в удовольствие, а через сорок минут вперся в бурелом и сдуру, с ходу, с разгону пополз под вековыми рухнувшими исполинами, цепляясь то ружьем, то капюшоном, но полз. Согнувшись, на карачках, боком. Упрямо решил преодолеть препятствие. Дело в том, что обратно с речки я пошел другой тропой, срезающей угол. Это была тоже чудесная дорога по бору на холмах. Но месяца два назад не выдержал «пенсионер» ударов стихии. Жаль. Но себя тоже жаль. «Чего делать-то?» За двадцать минут я покорил не больше ста метров и сдох напрочь, не говоря уже о дискомфорте от иголок и шишек, мусора лесного за ушами, за шиворотом, в трусах. К тому же основательно стемнело. Сдался. В смысле – взял азимут по компасу на груди, по карте в голове и потратил остатки сил, чтобы вырваться с холмов на утреннюю тропу.

К костру прибрел уже в кромешной тьме, выискивая путь на ощупь ногами и руками, терял много раз, наспотыкался, начертыхался, но ноги не сломал, глаза не выколол.

– Вас уже не ждали, – с неподдельной радостью встретил меня напарник, – садись, давай, устраивайся, все горячее.

Засуетился, сунул в руку полную стопку, поставил сковороду с жареной рыбой и уселся рядом слушать про мои приключения. Лучше бы не закусывал, так разохотился, что смел сковородку и смотрю на Сергеича: «Повторить бы!». «Ну, ты и едок!» – и поставил на огонь новую порцию рыбы.

Чаевничали уже лежа у костра. Говорить не хотелось и не моглось, силы оставил в буреломе и бегах за Потапом. Но костер разгорелся, раздвинул тьму, нежил теплом и располагал к ставшим уже традиционными вечерним посиделкам.

– Чего только не передумал: зверь задрал, ногу вывихнул, заблудился, – волновался Сергеич. – А что, запросто.

А я и не спорил. Люди, которые хвастаются, что никогда не плутают, а таких я встречал много, что у них чувство специфическое, что всегда знают, в каком направлении двигаться, врут и людям и себе… Леший заведет, закрутит любого, будь ты хоть чемпион мира по ориентированию.

Рыбачили мы как-то по молодости на Княжегубском водохранилище. Точнее сказать, отдыхали. Но с удочками. Компания была человек шесть. Девчонки были, наши будущие жены. Мелочь клевала как сумасшедшая. Все душу отвели, надергали плотвы, окуньков. Я же расставил жерлицы на щук и ждал ночи. Ночью, а она в этот время как день, по личному опыту знал, можно поохотиться за язем. Выходят мощные красавцы на мель попастись. Если правильно выбрать место, вести себя тихо, забрасывать червяка подальше, то наверняка повезет, подарит водный царь счастливые минуты борьбы с красноперыми богатырями. Дождался. Шумное, несмолкающее общество уселось у костра. Забренчала гитара, а я повесил сумку со снастями через плечо, взял удочку и тихонько удалился. На заводинке, что приметил еще днем, не спеша расположился, достал банку с червями. Закурил, плюнул на крючок, забросил. Замер. Сзади раздался топот, хруст веток. На берег

вывалился из кустов Серега. Самоуверенный горластый малый.

– Как дела? – чуть не заорал, разматывая удочку.

– Да тихо ты, – посоветовал шепотом. Куда там…

Второй раз в жизни взявший в руки удилище знаток еще громче заявил:

– Ерунда все это, если есть рыба, то она будет брать!

Спорить не стал, бесполезно. Тем более, обормот тут же, через минуту после корявого заброса подсек поклевку и тащил здоровенную рыбу. Я от обиды чуть губу не прокусил. Молчу, отодвинулся в сторону. А тот задрал удилище и прет дуриком, будто скромная плотичка на крючке, а не боец, достойный большого уважения. Как еще снасть из набора «Юный рыболов» держит. «Ну, наконец!» – порадовался я, услышав треск ломающегося удилища. Наблюдаю. Отломился и улетел в «море» верхний хлыстик, к которому узлом без затей была привязана «дубовая» леска. Да-а, не повезло, и поделом. С таким снаряжением я ходил рыбачить до пионерского возраста. Но «знаток» и не думал унывать. Бросился в воду и ну гоняться за убегающей палочкой, высоко вскидывая колени и поднимая брызги стеной, что твой сохатый в брачный период. И ведь догнал, схватил и вытащил красавца язя. Глянул на меня покровительственно – мол, учись! – и ушел к костру сушиться и хвастаться. Ушел и я, после такой войны в этой бухточке делать нечего. Рыскал, рыскал и вроде нашел другой желанный заливчик. Но время идет. Коротки белые ночи, не искать, ловить надо. Ладно, попробую здесь. Устроился аккуратно, без шума. Ну, елы-палы, а червей-то не взял. Бросил снасти, заспешил назад. Иду вприпрыжку пять минут, десять. Выхожу. Вода, берег, удочка и сумка. Слова в такой ситуации слетают с языка сами, говорить не обязательно. Развернулся и уже побежал снова к проклятым червям, затылком чувствуя, как мои язи уходят, уходят из лагунки на глубину. На часы

уже не смотрю, "неумолимое времие" неумолимо делает мою поездку бессмысленной и два дня потерянными. Дыхание сбилось, но добежа … к сумке и удочке. Сел. Курю. А чего делать-то? Сделать третий круг. Мы расположились лагерем на вершине полуострова. Удили где-то посередине на обоих берегах. Длиной полуостров метров восемьсот, шириной – триста, то есть между мной и банкой с червями метров четыреста, ну пятьсот во-он в том направлении. Но местный леший так грамотно кружит, что не видать мне рыбалки. Как пить дать. Я, конечно, не сдался. И в третий раз отправился к прежней цели. Сверяя и контролируя направление через каждые десять шагов, я нашел старое место, взял червей. Вернулся и даже попытался ловить. Но занимался новый солнечный день. Природа оживала, и поплавок мой умер, несмотря на все ухищрения. Да-а, обидно, и наорать не на кого.

…Подбросили дров в огонь, по новой наполнили кружки свежезаваренным чаем с брусникой. Закурили.

Но самый феноменальный случай произошел у меня в Хибинских горах на Кальйоке. Лет двадцать назад стояла моя бригада в верховьях этой речки, бурили. И если скважины там были удачные, «хлебные», то окружающий пленэр напоминал лунный пейзаж. Мелкие осыпи, крупный курумник, скалы, горы, редкая травинка выживала в этих мрачных диких ущельях. Чем геология хороша: работа работой, но в свободное время в свое удовольствие и охота тебе, и рыбалка, и грибочки с ягодками, да и просто пошастать, полюбоваться окрестными пейзажами. Здесь же ближайший подосиновик или хариус в пяти километрах. Бегали самые азартные и крепкие, два-три человека, со мной в том числе.

В конце августа гостил у нас электрик – в смысле прислали его подремонтировать, проверить оборудование, электрические линии. Парень молодой, энергичный, хохол к тому же. Сделал дела и слинял, не спросившись, за хребет

Лявочорр на северные отроги Хибин, по бруснику. Я узнал об этом только вечером, поздним вечером, когда обеспокоенные ребята с буровой признались-таки: ушел, пострел. Пораспрашивал про места ягодные, про путь к ним, обещал вернуться к вечеру, и все будет шито-крыто. Да-а, ЧП, настоящее ЧП на мою голову. Утром собрал совет из опытных, «походивших» коллег. Судили-рядили, лето ведь, не должен замерзнуть. Но лето заполярное – без костра может и окоченеть. Нет, парень-то молодой, не задохлик, справится. А если ногу подвернул? Да-а. Ждем, решили, до вечера. Вечера дождались, пропажи нет.

Утром третьего дня сообщил начальству, организовал три отряда, и отправились мы на поиски. Одна пара геологов пошла в самый низ реки искать, орать, стрелять. Вторая – в среднем течении рыскала. Я с дизелистом полез на плато Северного Лявочорра. Задумка была обследовать его и спуститься вниз на северные склоны, пройти на восток и вернуться через перевал Обманный. Когда вскарабкались наверх, навалился туман, да густой, да бесконечный. Беда-а. Сели, курим. Тишина, ни ветерка. Разрывов нет. Тогда не то, что GPS-ок, «ходилок-говорилок» и мобильников – компаса пионерского и того не было. Одна карта в голове, и та со светокопировального аппарата. А склоны наших плато отвесные, и спуститься можно в считанных местах. Где этот кулуар находится на карте, в голове, то есть, я знал. Сидя на удобном камушке, рукой показал направление. Но подходить надо с точностью до десяти метров, это предел видимости. Да была – не была, мы же сегодня спасатели, и повел своего явно не искрившего энтузиазмом напарника вперед. До спуска километра два хода, идти удобно, значит, минут через двадцать будем у промежуточной цели. Идем, кричим, постреливаем, хотя толку от пальбы из ружья двадцать восьмого калибра, сам понимаешь, пшик, но для очистки совести сожгли три заряда. Через час непрерывной ходьбы стало до белой тоски

понятно, что ситуация вышла из-под контроля, теперь я не знал не только куда идти, но и как вернуться назад. Чип и Дейл хреновы. Выход один – ждать на вершине горы, в легкой одежде, без воды и с тремя сухарями в кармане. Ждать, так ждать. Сели, закурили. От безнадеги курится смачно, жадно, а думается примитивно: как бы это поуважительнее оправдаться перед напарником, ведь скоро он взвоет и назовет вещи своими именами, то есть меня, и непременно по-матушке. Полсигареты скурил, пока сквозь спирали мыслей об алиби пробился звоночек: что-то с моим сидением на камушке не все так просто. А что? Пошевелился, подвигал ягодицами. Не могу понять, что меня насторожило. Заснять бы сцену на видео: сидит мужик, потом пошевелит антифасадом, замрет, задумается, и опять весь цикл заново. Сигарета кончилась, поискал глазами обо что затушить. В том месте, куда потянулась рука с окурком, лежал точно такой же, замятый полтора часа назад. Вот о чем умная …па пыталась сообщить тупой голове. Сиденье-то знакомое. Да-а, что-то я такое читал, про мышечную память. Через полчаса были дома, и сухари назад принесли. Так что врут «голуби» про свое магнитное чувство.

– А электрик? – запереживал из темноты Сергеич.

– А что электрик, вернулся к вечеру невредимый, но голодный. Без ягод, без корзины, медведь его гонял. Говорит, что три ведра набрал, но все пришлось «бандиту» отдать.

День шестой

Уходить будем после обеда, а тошно уже с утра. Напились кофе в последний раз. В последний раз вышли на сети. Улов не ахти, и к лучшему. Все меньше нести. Пока сетки и лодка сохли, в последний раз пообедали. Остатки обеда и часть запасов пытались скормить Потапу, но тот поковырялся вяло и поплелся под свою елку, тоже в последний раз, и тоже без радости. Вот за что не люблю ры-

балки или путешествия, так это за возвращения. Весь поход клянешь на чем свет стоит и себя, и усталость, и холод, и мокрую одежду. Изо дня в день живешь мечтой о хорошей бане с мраморным бассейном, заморским шампунем и свежим пивом, о махровом халате, о диване и телевизоре. Изо дня в день, но только не в последний. Не то страшно, что дорожка – каторга сущая. Празднику конец. Вот и не ходят ноги собирать барахло, руки не поднимаются упаковывать рюкзаки. Топчемся бестолково, друг друга подбадриваем.

Но как не тяни, а идти надо. Неподъемные рюкзаки собраны, поляна подметена до последней нитки, костер залит, схрон со снаряжением, которое не унести, уложен и замаскирован. Присели на дорожку. Все! В путь! Взвалили «сидоры» друг другу на спины. Шаг, еще шаг, и затянули с придурью: «Милая моя, солнышко лесное, где, в каких краях встретимся с тобою?».

Опять пульс, опять пот, опять одышка.

Первый переход под флагом грусти прошел относительно безболезненно. Зато второй сделать не смогли: хрипели, хрипели и рухнули, пройдя чуть больше половины. Да-а. Лежу на спине, пялюсь в светло-серое небо, молчу взаимно. Так бы всю жизнь и лежал. Потап и тот ткнулся кирзовым пятаком в лапы и только ясными глазами выразительно водит по сторонам.

– Жалеешь, небось, хавку-халявку, – обратился к нему оживающий Сергеич.

– Оставил лисичке-сестричке на праздник, – промямлил я в ответ для поддержания светской реабилитационной беседы. Разговор, конечно, не песня, но хоть чуть поможет, петь-то уже не могли.

– Думаешь, съест, не побоится?

– Пес его знает, кто-нибудь да попирует обязательно.

На Грязных стояли, – начал я почему-то, наверное, чтобы оттянуть подъем. Наступила зима, сначала след вы-

смотрели, крупный, правильный. Потом пару раз нам встретился и сам автор ровненьких строчек. Доли секунды позволял нам собой полюбоваться. Но успели заметить, это был великолепный черно-бурый лисовин. Упустить такую шкуру? Да ни за что! Начал я искать к нему подходы. Неделю все свободное время тропил его наброды. Уже на третий день обнаружил, что щеголь запросто пересек мою лыжню, раз, другой. Порадовало. Слышал от «специалистов», если лиса не боится лыжни, лови ее запросто. Дальше – больше. След привел меня в заброшенный лагерь топографов. Остовы палаток и грандиозная куча мусора. Это по-русски. Но про лиса. Так вот, он рылся в этом хламе! А там консервные банки, дырявые ведра, проволока, куски троса… "Мы железа не боимся и в капканы попадемся", – замурлыкал я фальшиво. Так и повторял одну строчку, примеряя к разным мотивам, до самой ночи. Засыпал, а в голове красота – картина, на ней я набрасываю на плечи жены роскошный воротник.

– Набросил?

– Не стал, паразит, жрать моих щук ни у капканов, ни просто оставленных для привады. По лыжне ходил, в мусоре копался, стойки-жерди обсыкал. Но рыбу, разложенную в разных углах стоянки, обходил стороной метра за два.

– Дак надо же было заквасить! – опять учили специалисты.

Неделю терпел вонь, подчиненные шарахались от меня, как тараканы от дихлофоса. Заменил приваду, жду… И он ушел. Месяц я пытался найти следочек красавчика. Увы! Вороны слопали моих щук. Снег засыпал мерзкую кучу. И на чистейшем зимнем одеяле читались чьи угодно каракули: белок, куропаток, глухарей, зайцев, лося, куницы, даже лисьи. Но мой брезгливый исчез. Ну и ладушки.

…Начало знобить, а впереди, правда далеком впереди, но реальном, горячая ванна с пеной, свежая газета в руках, и чашка кофе рядом. Вперед.

Силы появились внезапно по причине странной и со стороны, наверняка, потешной. Со стороны, но не для участников. Идем, идем, горемыки, друг за другом. Я впереди с ружьем, значит, за мной бедолага Сергеич, в хвосте самый несчастный Потапушка. Нам-то ванна, ему же неволя городская. Молча идем, пыхтим, задумавшись. Кто о чем, я о рюкзачке для «бульдозера в ошейнике». Все равно ведь впустую плетется. Интервал приличный, метров двадцать держим, наверное, чтобы мыслями не спутаться. И тут, что называется, помяни лешего…. Все происшедшее длилось пару секунд, ну тройку, но по жанру… Флегматик вдруг превращается в серую молнию, пронзает пространство, бьет под вековую ель тоже метрах в двадцати от тропы. Лес-то редкий, видно. Не успевает. Из-под ветвей, как и принято глухарю, шумно взмывает красавец и летит прямо на нас. Мысль «Вот повезло!» – опередила даже рефлекс перевода ружья из походного положения за плечом в боевое. Но истошный вопль «Не стреляй!» оказался быстрее мысли и страшней ружья, как выстрелом поразил меня. Но чемпионом реакции, несомненно, выступал автор вопля. Последний слог своего душевного обращения он исторг, стоя на коленях, головой в мох, полностью накрывшись рюкзаком. Во дает, даже пяток не видно! И было отчего. Не глухарище нам попался, а точно леший. Он летел специально низко-низко на уровне груди и в аккурат между нами. Да-а. И смеху было потом, и переживаний со смаком. Главное – сил прибавило и вовремя.

Через два километра легли. Потом через километр. Когда до машины осталось метров семьсот, или последний переход, предполагаю смертельный, все графики сбились необратимо. Рухнули на сосновом бугорке, уютном, сухом, среди болота. Так бы и жил здесь. Напротив сосновая ветка с шишками, живая. Любуюсь. Вот оно, совершенство. Чего еще искать?

– Может, здесь останемся? – вношу предложение. – А что, завалим сохатого, на зиму хватит, он сейчас выйдет вон с того края.

– Согласен, но при условии, что на рогах у него будет висеть авоська с пивом.

Нет, ну дает! Есть ли ситуации, что выведут моего товарища из себя?

– А если бы у тебя еще корзина была!

– Вот язва. Давай лучше еще про лисичку расскажу.

Летом ехал с Оленьего ручья на базу. Дорога – обычная полевая – у подножья Хибин, вихляла по моренным буграм среди безумно красивых берез. В шестьдесят шестом «газоне» – я и водитель. Лисичку-дуреху, вылетевшую под колеса, замечаем одновременно, еле успели затормозить. Другая бы пулей стрельнула и исчезла, а эта телепается впереди.

– Больная, наверное.

– Все равно не дави.

– Нет, конечно, – успокоил водила и нажал сигнал. Ну, дела! Дура выпрыгнула из половины шкуры, скаканула в сторону, и поминай, как звали. Посреди дороги осталась лежать часть ее жалкой шубки. Переглянулись, вылезли, подошли. Заяц это задавленный и четыре дохлых мыши в кучке с ним. Понятное дело – обед лискин. Понятно, что и лисятам в норку несла. Но как, без рюкзака? Сразу пять блюд. Одно из которых вполовину ее веса. Антинаучно.

…– И все? Еще про лисок расскажешь?

– Все!

Рассказы кончились, лося ни с авоськой, ни без авоськи…

– Неужто идти, Сергеич?

– Допукаем, старый, куда денемся.

На последних трехстах метрах я как робот вдавливал деревянные ноги в жидкую грязь тропы, набычил голову, сжал зубы, и шел, шел. Сергеича сзади шатало, отстал он капитально. Я-то за машину переживал. Вот она, ключи под корягой на месте. Падаю. Три минуты, пять, не курю. На тропу пялюсь. Где напарник-то. Появился, таких не победить!

– Не верю, не верю! Родненькая! – скинул рюкзак и сел на валежину. Отдышался. С таинственным видом полез под свое сидение, вылез с торжественным:

– Угадай, что у меня? – воркует из-за машины.

Долго не думаю:

– А что под моим сидением не посмотрел? – Встал с болью, достал пару банок пива, протягиваю. А он – мне. Ремарк, Ремарк. Вот она где, дружба-то, настоящая мужская.

Кажется, мой организм высосал бы эту жидкость даже через металл без дырочки. Банка опустела на счет три. Ой, лепо!

– Может, оставим по одной на дорогу? – смущает уже «бывший» друг.

– Ага, мне за руль, а тебе в люлю. Фигушки, махну перед выездом, а дорогой у тебя еще выпрошу, – расколол провокатора на базе десятилетнего опыта.

Укладывались долго, хотя и торопились. Выехали часа за два до темноты. И то. Самые опасные места засветло проскочили. Хотя «проскочили» – слишком громко сказано, ползем на первой, а то и на пониженной, редко вторая. Третья скорость бешенной кажется.

Почирикали чуть после старта и замолчали уныло. А чего хорошего – еще год позади. А впереди сколько? И не то печаль, что мало. Важно, какие по качеству станутся годы эти. Планов-то не перечесть, да и не рушить традиции до последнего стараемся оба. Но ноги уже не те, мотор шалит, у Сергеича – желудок вон не в порядке. Покосился направо, заснул, кажется, «бедован качавый». И хорошо, говорить не хотелось напрочь. Спать тоже. Не та дорожка, не баюкает. Еще часик подобной езды, и пеший переход благом вспомнится. Да еще эта напасть, асфальтоукладчик шерстяной, башку свою бестолковую и тяжеленную так и норовит устроить на левом плече, моем плече. Стряхивал, сталкивал, не доходит. Треснул в лоб, обозвал скотиной. Отстал, надолго ли?

Рулю, считаю минуты, километры…. Ох и тягомотина. Бывают просветления – возникнет мысль, за ней – другая, цепляются друг за друга, бегут, отодвигают скуку, уста-

лость, бессилие. То представлю детишек, непутевых и трепетно любимых, то спорю со своими хитромудрыми издателями, убедительно и аргументировано. В жизни-то в нужный момент чего-то так не получается. А тут под надрывный вой мотора, крутя яростно баранку, ловко вписываясь между камней, штурмуя с риском лужи, так же яростно и складно раскатываю оппонентов. Мысли улетают, и опять бесконечная дорога. Чудно. Дорога та же самая, что и неделю назад, но совершенно другая, противоположная. Шесть дней назад мы сели в машину. Тронулись, и началось приключение. Живешь и радуешься каждой минуте! Ведь праздник охоты, рыбалки, лесной красоты, общения с другом уже начался, он с тобой и вокруг тебя. Нынче смотрю на часы – прошел час или нет?.. Прошел. Закуриваю – заработал. Покурил, подождал, и опять в циферблат. Не путешествие, а дорога к цели. Кто-то обозвал этот процесс несправедливо красивым словом «возвращение». Пощелкал магнитолой: Визбор, потом Окуджава с Армстронгом маленько пособили, еще час убил. Не обидно ли, в нашем возрасте каждая минута бесценна, а я часы убиваю. Не говоря про здоровье. Автомобиль, деньги – этих не так жалко.

В город въехал отупевший напрочь. Кроме усталости, бесконечная ночь, дождь и ветер. И тут из черной круговерти порыв шлепает мне на лобовое стекло рябиновый лист. Красно-желтый, яркий в лучах фонаря, приветливый. Рука исподволь остановила дворники. Душа оттаяла, мозги раззомбировались, жизнь наладилась. Ох ты, Родина моя незатейливая. И сразу оказался дома в заполярном городке среди гор, где все уличные лестницы неправильные, на полтора шага, а рябины антинаучно плодовиты, откуда сделал несколько попыток сбежать, и откуда, наверное, уйду в самое длинное путешествие. Все-таки это возвращение.

2001 г. **г. Кировск**

Содержание

От редактора 3
В дебрях Кольского края 5
Верхнеканские вечера 70

ЮРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ КАНЦАРИН

В дебрях Кольского края

или

Двое в лодке, считая собаку

Некоммерческое художественное издание

Геологический институт

Кольского научного центра РАН

Кольское отделение

Российского минералогического общества

Отпечатано в ЗАО “К & М”

184209 г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 17 а

Тел. / факс (81555) 77329

Тираж 100 экз.